Муса М. Ибрагимов

ЧЕЧЕНЦЫ:

ВЫСЕЛЕНИЕ, ВЫЖИВАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ

Грозный 2015

Грозный 2015

УДК 94 (470.6)

ББК 63.3. (6220 Рос. (Чеч)

И 15

Ибрагимов Муса М. Чеченцы: Выселение, выживание, возвращение. (1944-1963 гг). – Грозный, ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015 − 325 с.

В книге, на основе большого фактического материала, архивных источников и воспоминаний бывших спецпереселенцев рассматривается сталинская депортация чеченского народа 1944 года, его борьба за выживание и сохранения своей этнической и религиозной идентичности. В работе подробно анализируется процесс реабилитации и возвращения чеченцев на свою историческую родину. Особое внимание уделено исследованию характера и различных форм сопротивления чеченского народа режиму спецпоселения.

Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

ISBN

© Ибрагимов Муса М., 2015

ВВЕДЕНИЕ

Прошло более 70 лет со дня сталинской депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию. Проходят годы, десятилетия, но память об этих трагических событиях незаживающей раной кровоточит в душах людей, переживших это событие. Проблемы депортации волнуют и исследователей – историков, философов, психологов, экономистов, юристов. Появляются статьи и монографии, художественные произведения, воспоминания людей переживших депортацию, в которых с различных сторон анализируется процесс выселения чеченского народа, а также моральные, социальные, экономические и другого рода последствия этого бесчеловечного акта.

Одной из первых публикаций на эту тему была вышедшая на Западе в 1952 году книга А. Авторханова «Народоубийство в СССР: Убийство чечено-ингушского народа». Затем в 1988 году вышел его фундаментальный труд «Империя Кремля». Советский тип колониализма», где он рассматривает депортацию не только чечено-ингушского народа, но и других народов Советского Союза.

Опираясь на сведения очевидцев и доступные ему публикации, А. Авторханов описывает беспрецедентный акт геноцида чеченского и ингушского народов. Он приводит шокирующие факты преступлений сотрудников НКВД против стариков, женщин, детей: массовые расстрелы, мор от голода, холода и болезней во время пути и по прибытию в Среднюю Азию и Казахстан. Но многого А. Авторханов еще не знал. Он не знал о заживо сожженных в Хайбахе жителях Галанчожского района, о затопленных в озере Кезеной-Ам чеберлоевцах, о расстрелянных и закопанных во дворе Урус-Мартановской больницы пациентах (в том числе грудных детей и

беременных женщин) и многих других варварских злодеяниях властей.

Говоря о причине выселения чеченцев и ингушей с Северного Кавказа, А. Авторханов подчеркивает, что «не за коллаборацию», не за «террористические банды» были уничтожены физически чеченцы и ингуши и ликвидирована их республика. Истинными причинами уничтожения, по его мнению, являлись: «1) перманентная борьба за национальную независимость горцев и фактическое непризнание ими деспотической системы советского колониального режима; 2) желание Москвы обезопасить Кавказ как тыл в будущих столкновениях с Западом…; 3) ясно обозначенный курс Советского правительства взять окончательно в имперские руки ведущую и основную для всего Советского Союза кавказскую нефтяную экономику; 4) не только держать Кавказ как стратегическую базу вне внутренней опасности и уязвимости, но превратить его в надежный плацдарм для будущей экспансии против Турции, Ирана, Пакистана и Индии». Таковы, на взгляд Авторханова, «недекларированные, но бесспорные мотивы, которыми руководствуются кремлевские владыки в своей политике истребления кавказских народов»[1].

В 1978 году в Нью-Йорке вышла монография А.М. Некрича «Наказанные народы», который утверждал, что депортация народов СССР является неотъемлемой составной частью истории Советского государства и общества.

Одной из первых публикаций по теме депортаций, вышедших в Советском Союзе, была изданная в 1960 году в Грозном книга В.И. Филькина «Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза», в которой, автор, опираясь на архивные материалы и другие документы, убедительно

раскрывает весомый вклад чечено-ингушского народа в общую победу над немецко-фашистскими захватчиками.

В период, когда писалась книга, многие темы истории чеченского народа были закрытыми для обсуждения. Таковой была и тема депортации 1944 года. Несмотря на то, что XX съезд КПСС осудил культ личности Сталина, вскрыл его преступления в отношении собственного народа, признал необоснованными репрессии против целого ряда народов, обсуждение этих вопросов в печати, в научной среде находилось под запретом. Но вся книга В.И. Филькина была доказательством невиновности чеченского и ингушского народов в инкриминируемых им властями антисоветских деяниях. В небольшом «Заключении» к книге автор все-таки с некоторой осторожностью и оговорками затрагивает тему депортации. Он пишет: «Однако, наряду с трудовыми и боевыми подвигами трудящихся республики в годы Великой Отечественной войны имели место факты, когда отдельные элементы из коренной национальности встали на путь преступных действий, за что трудящиеся Чечено-Ингушетии заклеймили их как изменников Родины. Но заклятый враг партии и народа Берия совершенно несправедливо приписал действия жалких выродков всему чеченскому и ингушскому народу и в условиях культа личности, усугубленного военным временем, добился ликвидации их автономии»[2]. Это была первая, в советской научной литературе, но еще слабая и осторожная попытка осмыслить причины выселения народов с их исконных территорий в 1940-е годы.

Более подробно эта тема получила освещение в диссертационном исследовании Х.И. Хутуева "Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Восстановление автономии балкарского народа".

В своей работе Х.И. Хутуев опроверг измышления о массовом сотрудничестве балкарцев с немецкими оккупантами и показал на конкретных фактах и документах их участие в общей борьбе против гитлеровской Германии. Значительное внимание в диссертации было уделено вопросам упразднения и восстановления автономии балкарского народа.

В 1970-е гг. вышел в свет целый ряд обобщающих трудов по истории автономных республик Северного Кавказа, но тема депортации в этих работах стыдливо замалчивалась. К примеру, в «Очерках истории ЧИАССР» вышедших в 1972 г ни слова не сказано о трагедии чечено-ингушского народа 1944 года. Исключением из этого ряда являются только «Очерки истории Калмыцкой АССР» М.,1970., в которых отведен целый раздел теме депортации калмыков.

Значительно повысился интерес исследователей к изучению обозначенной проблемы после принятых Верховным Советом бывшего СССР актов, в частности, Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав», а также Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года, Стало понятно, что наряду с юридическим обоснованием мер по реабилитации репрессированных народов, надо было обеспечить всестороннее и глубокое научное исследование этой проблемы, так как она долгое время не была доступной для ученых-обществоведов. В 90-х годах, у ученых появилась возможность ознакомиться с архивными материалами, связанными с насильственным переселением народов, доступ к которым ранее был закрыт, что позволило объективно оценить ситуацию, определить новые взгляды и оценки этой трагической страницы советской истории.

Большую работу в этом направлении проделал известный российский историк, профессор Н.Ф. Бугай. Его статья «Правда о депортации чеченского и ингушского народа», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (М., 1990, №7) была одной из первых попыток всестороннего, на основе ранее неизвестных источников, рассмотрения проблемы депортации чеченского и ингушского народов.

Одним из первых исследователей данной проблемы был и Х.-М. Ибрагимбейли. В своей широко известной статье «Сказать правду о трагедии народов» (Политическое образование. М., 1989. №4) он убедительно доказывал несостоятельность обвинения чечено - ингушского народа в предательстве, измене Родине и массовых антисоветских выступлениях.

В этот период времени появляются публикации и других авторов по проблеме насильственного переселения народов. Среди них можно выделить работы Волкогонова Д.А., Бокова Х.Х., Вылцан М.А., Гакаева Х.А., Земскова В.Н., Убушаева В.Б. и др.[3].

В середине 1990-х гг. появляются и первые монографические исследования, в которых широко освещаются различные стороны сталинских депортаций. Как отмечает Х.-М. Сабанчиев: « Самым значительным вкладом в разработку проблемы депортации в целом явились исследования Н.Ф. Бугая, которые опирались на солидную источниковую базу. Его взгляды полнее всего отражены в монографии "Л. Берия - И. Сталину: Согласно Вашему указанию.", в которой находим итоговый взгляд автора на проблему. Возглавляя департамент по делам депортированных народов Миннаца РФ, он получил доступ к хранившимся в спецхране ГАРФ документам НКВД-МВД СССР, засекреченным материалам других архивохранилищ. Благодаря широкому охвату источников, Н.Ф. Бугай впервые в историографии изучил

историю принудительных переселений в СССР на протяжении 30-50-х гг. прошлого столетия как социально-политическое явление в истории советского государства и показал основные закономерности этого явления. В издании подробно освещены депортация народов Северного Кавказа, последствия этой акции, а также реабилитационные процессы. Поэтому мимо работы Н.Ф. Бугая не может пройти ни один исследователь, занимающийся проблемами "наказанных народов"[4].

Проблему массовых репрессий в отношении целых народов и роль Сталина и его соратников в их проведении анализирует в своей работе А.И. Козлов. Он определяет меры, проводимые Сталиным в отношении народов, преступными, при которых и единичные, исключительные случаи антисоветизма, с которыми боролись сами народы, представляли (Сталин и Берия), как всеобщее, массовое явление[5].

Серьезным вкладом в изучение проблемы явилась монография Н.Ф. Бугая, А.М.Гонова «Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы)» М., 1998. Работа посвящена анализу социально-политических преобразований на Северном Кавказе в 20-30-е годы, а также рассмотрению хода депортации народов, их расселения и адаптации в местах нового поселения, проблемам их реабилитации. Эти вопросы рассматриваются и в книге «Чеченцы: история и современность» (составители Ю.Айдаев и И.Алироев) М., 1996.

Очень ценным для исследователей является изданная С. Алиевой в 1993 году работа по истории национальных репрессий на территории бывшего СССР. В трех томах ею собран и систематизирован колоссальный информационный материал, дающий представление о репрессивной политике советского государства в отношении определенных наций и народностей[6].

Довольно интересный материал содержится в работах В.Н. Земскова и П.М. Поляна[7].

В это же время появились и первые публикации статей о проблеме реабилитации народов. Как известно, эти процессы занимают важное место в государственной политике Российской Федерации и, несомненно, их детальное изучение имеет не только научное, но и практическое значение. В статьях не только раскрывается юридическая сторона проблемы, но и показаны конкретные меры по реабилитации, вскрываются трудности этих процессов, связанные в основном с территориальной реабилитацией[8].

Начало XX1 века ознаменовалось значительным расширением темы исследования насильственного переселения народов. Если раньше основное внимание уделялось выяснению причин депортации и ее последствий, а также описанию самого процесса переселения, то теперь ученые обратились и к изучению повседневной жизни переселенцев, их административно-правового положения, быта, взаимоотношений с местным населением, трудовой, общественно-политической и религиозной деятельности[9].

В последние десять-пятнадцать лет появились публикации чеченских исследователей вызвавших значительный читательский интерес. Заметное место уделено проблеме депортации в книге Я Ахмадова и Э. Хасмагомадова «История Чечни в X1X-XX веках». М.2005. Отдельный раздел посвящен этой проблеме и во втором томе «История Чечни с древнейших времен до наших дней». Грозный,2008. Большой интерес научной общественности и широкого круга читателей вызвали работы Мусы и Мовсура Ибрагимовых «Через круги ада: переселения и депортации чеченского народа» Москва-Саратов. 2003, М. Музаева «Айсберги лжи и клеветы» Вайнах 2004 №2, Н. Нухаджиева и Х. Умхаева

«Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму» Грозный 2009, Дукувахи Абдурахманова «История моего народа». М, 2014 и др.

Первые публикации по теме депортаций народов Северного Кавказа, обнародование ранее закрытых архивных источников по ней выявило необходимость проведения научных конференций, «круглых столов», первый из которых состоялся по инициативе редакций газет «Голос Чечено-Ингушетии» и «Социалистическая Осетия», собравших многих ученых-историков (М.М. Блиев, Р.С. Бзаров, М.Б. Мужухоев, Т.Муталиев, М.Н. Музаев, А.З. Вацуев). Наряду с другими вопросами предпринимались попытки классифицировать депортацию как геноцид народов (М. Музаев). Развернувшаяся дискуссия между историками (М. Музаевым, А.Вацуевым, М. Блиевым) по вопросу об участии чеченцев и ингушей в движении против советов в 40-е годы как раз и свидетельствует о сложных сторонах проблемы, необходимости их тщательного и глубокого изучения.

Проблема депортации народов в годы Великой Отечественной войны оказалась в центре внимания и состоявшейся Международной научной конференции «50 лет Великой победы над фашизмом: история и современность» (Москва, 27-30 сентября 1995 года). В докладах участников (Бугай Н.Ф., Михайлов В.А. и др.) был затронут вопрос о роли и месте Красной Армии в проведении мер по депортации народов в период войны. В 2003 году в Элисте прошла Международная конференция «Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения». В Чечне в первое десятилетие нового века прошли две конференции: в 2006 году «Депортация чеченского народа последствия и пути его реабилитации» и в 2007 году «Восстановление ЧИАССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа»[10].

Широкий интерес представляет тема депортации и для диссертационных исследований. В защищенных в последнее время докторских и кандидатских диссертациях основательно и глубоко раскрыты различные аспекты этой сложной и многообразной проблемы. Анализу депортации народов Северного Кавказа посвящены работы: Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации народов Северного Кавказа в 20-90-е годы. Ростов-на-Дону, 1998; Арапханова Л.Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики советского государства. М., 2002. Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов, конец 1930-х – 1950-е гг. М.,1998; Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы ВОВ: Причины и следствия; на примере карачаевского и балкарского народов. Пятигорск. 2001; Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы ВОВ 1941-1945 гг. проблемы историографии. Казань. 2001; Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30-е – 50-е гг. XX века: Депортация, спецпоселение, реабилитация. Ростов-на-Дону. 2002; Муртазалиев В. Ю. Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа. Махачкала, 2005; Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в ЧИАССР в 1957-1990 гг., последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей. М.,2005; Арапиев М.А. Выселение чеченского и ингушского народов: развитие, решение, и последствия проблем: 1940-е–1950-е гг. Пятигорск. 2006; Сабанчиев Х.-М. А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа. Ростов-на-Дону. 2007; Наумова В.Н. Реабилитация и возвращение ингушского народа на родину: 1953-1961 гг. М. 2008.

Значительная работа проделана исследователями депортации по анализу ее источниковой базы. В этом отношении сделано много, главным образом

исследователями из других регионов РФ. Институтом истории СССР в 1991 году были опубликованы материалы переписи 1937 года, где содержатся сведения о численности народов, в том числе и депортированных. В этом же году появляются первые подборки документов о депортации. (Коммунист 1991. №3; История СССР. №1). В 1992 году сборник документов составленных Н.Ф. Бугаем Иосиф Сталин- Лаврентию Берии: «Их надо депортировать.», а также документы к серии «Народы и культура» Вып. ХП Депортация народов СССР 1930 – 1950-е гг. Часть 1. М., 1992, выпущенные институтом этнологии АН СССР. В связи с 50-летием депортации калмыков опубликован сборник документов, включающий 238 важных решений Политбюро, ГКО, ЦК ВКПб и др. Издан сборник материалов и документов «Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М. 1994., подготовленные Бугаем Н.Ф.; Интерес представляет и частичная публикация подборок документов о депортации чеченцев и ингушей, проведенная Альманахом писательского расследования «Шпион» за 1993-1997 годы. Большая и весьма полезная работа проведена Я.С. Патиевым, который подготовил и издал сборник документов, материалов и комментариев «Ингуши: Депортация, возвращение, реабилитация. Магас, 2004». Множество документов, в том числе впервые публикуемые, собрано в сборнике, подготовленном Фондом «Демократия» «Сталинские депортации. 1928-1953» (Составители Н.Л. Поболь, П.М. Полян) М. 2005. Большое количество документов приводит в своей книге «Чеченцы и ингуши в Казахстане» Ермекбаев Ж.А. Алматы. 2009. Особенно ценно то, что в работе Ермекбаева Ж.А. представлены документы из архивов различных областей Республики Казахстан, которые до тех пор не были введены в научный оборот. Широкий круг документов представлен и в книге «Вайнахи и имперская

власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало Х1Х – середина ХХ в.». М.2011, Интересные факты, свидетельства и архивные документы собраны в подготовленной И. Хатуевым и И. Сардаловым книге «Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы». Грозный, 2012, Солидный материал опубликован и в сборнике документов и материалов, изданных под руководством Музаева М.Н. и Бугаева А.М. Архивным управлением Правительства Чеченской Республики «Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Нальчик, 2013.

Важным источником исследования данной проблемы являются воспоминания людей переживших депортацию. К ряду таких источников относятся мемуары А. Киндарова «Исповедь чеченца», М. Дудаева «Встать звереныш», В. Русина «Достоинство гордых», Габацу Локаева «Спецпереселенцы», Селим-Хаджи Дигиева «Дети Чечни 1944-го…» Султана Шабуева, Кати Чокаева и др.

В большинстве из указанных работ авторы задаются вопросам о причинах выселения народов в период Великой Отечественной войны. Некоторые из них, вслед за официальными документами периода сталинизма утверждают, что главной причиной репрессий против целых народов явилось сотрудничество этих народов с немецкими оккупантами, дезертирство и политический бандитизм, который с их точки зрения носил массовый характер[11]. Эту точку зрения аргументировано раскритиковал, как я отмечал выше, еще А. Авторханов. Убедительная критика этой позиции содержится в работах целого ряда современных чеченских авторов[12]. И сегодня, как справедливо подчеркивает Е.Ф. Кринко, большинство исследователей отвергают данные обвинения и объясняют депортацию другими причинами[13]. Отдельные исследователи считают, что выселяя

некоторые северокавказские народы, Сталин преследовал совершенно конкретную цель – очистить этот благодатный край для расширения границ сопредельной Грузии[14]. Другие исходят из того, что главной причиной этой трагической для народов акции явилось опасение Сталина, что в случае вступления в войну на стороне Гитлера Турции мусульманские народы Северного Кавказа и Крыма могут поддержать своих единоверцев[15]. В литературе существует и точка зрения, согласно которой депортация народов была вызвана еще и потребностью рабочей силы для Сибири, Казахстана и Киргизии, куда были эвакуированы некоторые предприятия из европейской части СССР и где не хватало работников и на существующих промышленных и сельскохозяйственных объектах[16]. Отдельные исследователи и политические деятели считают, что вина за депортацию чеченского народа лежит на политических лидерах, которые не смогли защитить свой народ от необоснованных репрессий. Обосновывая эту позицию, часто приводят слова, якобы, сказанные одним из руководителей Дагестана того периода А. Данияловым«…я с полным основанием пишу – все было бы в Чечне нормально, если бы партийное руководство республики относилось к своим народам с полным доверием и ответственностью. Вместо этого, с приближением фронта те, кому было доверено воспитание населения и борьба с антиобщественными явлениями и их носителями, стали панически преувеличивать отрицательные факты, которые имели место среди населения»[17]. Это представление Даниялова, как спасителя Дагестана отобразил Расул Гамзатов в своем стихотворении, посвященном памяти бывшего руководителя республики:

Пусть молодежь, хлебнув глоток свободы,
Нас критикует вдоль и поперёк,
Ей невдомёк, что в сталинские годы
Ты Дагестан от Берии сберег.

Везли в Сибирь товарные составы,
Как скот, безвинных братьев из Чечни…
А ты спасал своих не ради славы,
Но чтобы уцелели, хоть они.

Конечно, в определенной степени, все вышеназванные обстоятельства сыграли свою роль при принятии Сталиным и его окружением решения о выселении того или другого народа. Но главной причиной депортации народов, как отмечает значительное число исследователей, является сама природа советского тоталитарного режима. По мнению А. А. Манкиева, режиму для самосохранения требовались все новые враги и тотальный страх. Поэтому вполне закономерно, что он, репрессировав миллионы людей по социальному, сословному, конфессиональному, политическому основаниям, перешел к их репрессиям по национальному признаку. «К моменту депортации чеченского народа Сталин и его клика уже были матерыми преступниками,- пишет Манкиев А.А.,- повинными в истязаниях, заточении и убийствах миллионов безвинных советских людей всех национальностей и вероисповедания, а также поголовной депортации ряда народов. Подход, исходящий из такого исторического контекста делает очевидным…, что депортация чеченцев, во-первых, не была для главарей тоталитарного режима чем-то неординарным и уникальным, а являлась очередным звеном в длинной цепи их бесчеловечных преступлений, во-вторых, **она**

являлась закономерным сущностным проявлением сталинского режима, его преступной человеконенавистнической природы (выделено мной-М.И.)"[18]. Именно с этих позиций оценивают эти деяния советского государства Декларация Верховного Совета СССР "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 года и Закон РФ "О реабилитации репрессированных народов" от 26 апреля 1991 года.

Конечно, дать исчерпывающую характеристику депортации чеченского народа в одной книге задача невыполнимая. Автор хорошо осознает, что в представленной читателю работе сделана попытка проанализировать лишь некоторые, наименее изученные аспекты этой сложной, многогранной и во многом противоречивой темы. Надеюсь, что будущие исследования помогут более глубоко и всесторонне осветить эту болезненную страницу в истории чеченского народа.

Я выражаю благодарность коллективу кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета, моим первым читателям и критикам, а также студентам-членам студенческого научного общества «Поиск» при этой кафедре, за неоценимую помощь в сборе воспоминаний жертв насильственного переселения 1944 года.

Примечания

1.*Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.
2.*Филькин В.И.*Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. С.143.
3.См.:*Волкогонов Д.А*. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина.//Октябрь.1988. №12; *Боков Х.Х.* Эхо невозвратного прошлого..//Москва.1989.№1; *Вылцан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны.//Этнографическое обозрение. 1995. № 3; *Х.А. Гакаев.* Депортация вайнахов: правда и вымысел.// Ичкерия 1997. №2; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР)//Социологические исследования. 1990. №11.; *Убушаев В.Б.* Калмыки: выселение и возвращение. Элиста. 1991.; *Белая книга.* Из истории выселения чеченцев и ингушей в 1944-57 гг. Алма-ата. 1991(составитель Л.Яхъяев).и др.
4.*Сабанчиев Х.-М. А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа. Автореферат дисс. Доктора ист. наук. Ростов-на-Дону. 2007. С.8.
5.См.: *Козлов А. И.* Сталин: борьба за власть. Ростов-на-Дону, 1991.
6.*Так это было:* Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы. Репрессированные народы сегодня/ Ред.-сост. С.У. Алиева; В 3-х т. М.1993.
7.*Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М.,2003; Полян П.М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М., 2001 и др.
8.*Калтахчян А.* Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги//Этнополитический вестник. 1992. №2; *Гонов А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. (20-90-е годы. Нальчик, 1998; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. М., 2000; *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX-начало XX1 века) М., 2006; *Максимов К.Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013.
9.*Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг. Историко-правовое исследование. М.2008; *Сабанчиев Х-М. А*. Были сосланы навечно. Нальчик. 2004; *Муса Ибрагимов, Мовсур Ибрагимов* «Через круги ада: переселения и депортации чеченского народа» Москва-Саратов. 2003; *Ибрагимов Муса М.* Трудовая и общественно-политическая

деятельность чеченцев в годы депортации// Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации» 18 февраля 2006 года. Грозный,2006; *Ермекбаев Ж.А*. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы. 2009; *Ибрагимов Муса М.* Власть и религия в период депортации чеченского народа// Вестник АН ЧР 2012 №1; *С.С.Цуцулаева*. Установление административного надзора и формы сопротивления спецпереселенцев-чеченцев в годы депортации//Научные проблемы гуманитарных исследований. Выпуск 4. 2011 г.

10.Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченскогог народа: последствия и пути его реабилитации» 18 февраля 2006 года, г. Грозный. Ред. А.А. Манкиев. Грозный.2006; Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа: материалы республиканской научно-практической конференции (25 января 2007 года). Отв. редактор Муса М. Ибрагимов. Грозный, 2007.

11.*Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа:20-90-е годы XX века. Автореферат дисс… д-ра ист. наук. Ростов н/Д,1998; *Пыхалов И.В*. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.2008; Большая энциклопедия в 62 томах. Том 58. М.: Терра.2006. С.262; *Гродненский Н.Н.* Первая чеченская: история вооруженного конфликта. Минск, 2008 и др.

12.См.:*Х.А. Гакаев.* Депортация вайнахов: правда и вымысел.// Ичкерия 1997. №2; *МузаевМ.Н.* Айсберги лжи и клеветы.// Вайнах.2004.№2; *Манкиев А.А*.Об уроках и причинах чеченской трагедии 1944 года//Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа: материалы республиканской научно-практической конференции /25 января 2007 года/ Отв. Редактор М.М. Ибрагимов. Грозный. 2007. С52-71.; *Гапуров Ш.А., Ибрагимов Мовсур М*. Победу в Великой Отечественной войне ковали все народы СССР/Там же. С.3-12; *Хатуев И, Сардалов И.* Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы. Грозный, 2012; *Гапуров Ш.А., Бугаев А.М.* Сталинская депортация народов: проблемы историографии//Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г.Элиста, 26-28 ноября 2013 г.) Элиста, 2013. Ч.1. С.20-24; *Абдурахманов Д.Б.* История моего народа. М., 2014 и др.

13.*Кринко Е.Ф.*Советская национальная политика на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. г. Грозный, 2010. С.47.
14.Ибрагимбейли Х.-М. Плоды произвола//Литературная газета. 1989. 17 мая.; Так это было: национальные репрессии в СССР.1919-1952.Т.2. С.14-15.
15.*ЯндиеваМ.* Чекистско-войсковая спецоперация//Справедливость. 2004.№1-2. С.8.
16.*Максимов К.Н.*Рецидив репрессивной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. г. Грозный, 2010. С.400-401.
17.Цит. по: *Мовсур Ибрагимов, Ислам Хатуев.* Подвиг во имя Родины. (Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Грозный, 2015. С.165.
18.*Манкиев А.А.* Депортация чеченского народа в 1944 году: преступление сталинского режима//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. г. Грозный, 2010. С.407.

Глава 1. Подготовка и проведение насильственного переселения чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан

1.1.Основные этапы депортационной политики советского государства

Депортацию чеченцев и ингушей нужно рассматривать как часть сталинской национальной и социальной политики. Как справедливо отмечает Н.Ф. Бугай «В ряду репрессивных мероприятий по отношению к социальным и национальным группам, по мнению представителей власти, не принявших советских порядков, массовые выселения из мест постоянного жительства были одним из самых жестоких и масштабных проявлений внесудебного государственного террора советского режима к своим гражданам»[1].

Депортации по социально-классовым и национальным признакам начались уже в первые годы Советской власти - во время Гражданской войны. Так, в 1920 году были поголовно выселены тысячи терских казаков, « в свое время чересполосно расселенные царским правительством на землях чеченцев и ингушей»[2]. В период коллективизации в конце 1920-х-начале 1930-х гг. с мест своего постоянного проживания в другие регионы были высланы миллионы людей причисленных к категории кулаков. Накануне Великой Отечественной войны советское руководство зачищало приграничные районы от неблагонадежных с его точки зрения национальностей. К таковым относили граждан, этнически родственных жителям сопредельных государств, с которыми СССР находился в напряженных отношениях.

Проводимые депортации "объяснялись" целым комплексом причин: "неблагонадежность", превентивность мер, конфессиональный фактор,

выступление против преобразовательных мер, участие в бандформированиях, принадлежность к институтам отжившего строя (Прибалтика, западные районы Украины и Белоруссии, Молдавия и т.д.).

Накануне Великой Отечественной войны уже были депортированы в восточные районы РСФСР, Казахстан и республики Средней Азии отдельные контингенты - 35 тыс. поляков и более 10 тыс. немцев (с Украины), 172 тыс. корейцев, 6 тыс. граждан иранской национальности, курды, общей численностью более 200 тыс. человек.

29 декабря 1939 г. последовало постановление СНК СССР, утвердившее положение о спецпереселенцах и трудовом устройстве осадников - бывших военнослужащих Польской армии, выполнявших полицейские функции на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Среди этого контингента совместно с беженцами насчитывалось 177 043 человека, из них 107 332 осадника. Заодно с осадниками на спецпоселение направлялись члены семей лиц, находившихся на нелегальном положении, и осужденных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов. Численность депортированных постоянно возрастала, и на сентябрь 1941 г. арестованных и высланных из названных районов уже насчитывалось 389 382 человека, из них в тюрьмах, лагерях и местах ссылки находилось 120 962, в спецпоселениях (осадники и другие) - 243 106, в лагерях военнопленных - 23 543 человека[3].

После нападения Германии на Советский Союз была предрешена и судьба советских немцев. По данным статистики, на начало 1939 г. в СССР насчитывалось 1 427 222 гражданина немецкой национальности. Войну с фашистской Германией все народы страны, в том числе и советские немцы, восприняли как общенародную трагедию и поднялись на защиту Родины. Уже в первые

месяцы войны, например, от трудящихся немцев Поволжья поступило 2500 заявлений с просьбой направить их добровольцами на фронт. 8 тыс. советских немцев вступили в ряды народного ополчения. Однако обстановка в Республике немцев Поволжья и в других районах их компактного проживания заметно обострилась летом 1941 г., когда военкоматы отказали немецкой молодежи в призыве в действующую армию. Дело доходило до открытого недовольства. По имеющимся сведениям, в июле 1941 г. республику Поволжья посетили Л.П. Берия и В.М. Молотов, которые решили депортировать всех немцев. Это явилось точкой отсчета в их дальнейшей, трагически складывавшейся судьбе.

Из Поволжья в отдаленные места в принудительном порядке последовали 446 480 немцев. Пространственные рамки их переселения расширялись. Последовали депортации из Тамбовской, Ярославской и Воронежской областей. Они распространялись и на тех немцев, которые защищали страну. В период 1942-1945 гг. по специальному указанию были проведены демобилизации всех военнослужащих немецкой национальности - 33 516 человек (1609 офицеров, 4922 сержанта, 27 724 рядовых). Значительная часть из них направлялась в "трудовую армию", рабочие колонны и батальоны. С территории Северного Кавказа было переселено 198 097 граждан немецкой национальности[4].

Как правило, все акции по переселению того или иного народа, групп населения, имели юридическую базу: постановления ГКО, Президиума Верховного Совета Союза ССР, решение ЦК партии, указы Совнаркома или другой государственной структуры, что и придавало им якобы законный характер. Правда, некоторые из этих правовых актов появлялись уже после выдворения людей с территорий проживания.

С началом Великой Отечественной войны политика депортаций приобрела более масштабный характер. Главный удар был напрвлен против народов, проживающих на Северном Каказе. Этот регион был в тот период времени едва ли не самым многонациональным регионом страны, где на крайне ограниченной площади проживали десятки различных народов. По данным последней предвоенной переписи населения, большую часть проживающих на Северном Кавказе составляли русские. Вслед за ними шли чеченцы, кабардинцы, аварцы, балкарцы, осетины, карачаевцы и т. д., этот регион становится своего рода полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики.

В условиях неудачного начала войны для советского народа, Сталин имел все основания опасаться возможности вступления в войну на стороне Германии ряда других стран, которые первоначально сохраняли нейтралитет. Особое беспокойство вызывала позиция Турции, которая всегда была неравнодушна к Северному Кавказу. На Дальнем Востоке могла вступить в войну на стороне Гитлера Япония.

Первыми среди народов Северного Кавказа, выселение которых было спланировано властями, оказались карачаевский и балкарский народы, близкие по своему языку и некоторым особенностям культуры к турецкой нации.

По мере того, как ухудшалась ситуация на фронте, национальная политика Сталина становилась все более жесткой. И проводилась она врамках некоего единого государственного курса на репрессии против целых народов. Эта политика стала особенно нетерпимой, когда в условиях начала немецкого наступления в направлении Сталинграда и Северного Кавказа, активизировались выступления оппозиционных отрядов, состоявших из открытых противников советского режима.

Можно выделить несколько этапов депортации народов на Северном Кавказе в годы войны.

Первый начался уже в первые военные месяцы 1941 года, когда, в связи с быстрым продвижением немцев на всех направлениях фронта было принято решение о выселении немцев из национальных автономий Северного Кавказа. В течение сентября 1941 г из республик, краев и областей Северного Кавказа было выселено и направлено в Сибирь и Казахстан 139613 немцев. Для проведения этой карательной акции по приказу Берии в регион было направлено дополнительно 395 сотрудников НКВД, 1550 работников милиции и 4700 красноармейцев войск НКВД [5].

Второй этап депортации, начавшийся в середине 1942 года, был предпринят против жителей западной части Северного Кавказа. По указанию Берии и Кагановича, Военный совет Северо - Кавказского фронта 23 мая1942 года объявил прибрежные районы Азовского и Черного морей, а также Таманский полуостров «особой военной зоной». Перед войсками НКВД была поставлена задача: к 1июня 1942 года выселить в административном порядке из этой зоны всех немцев, румын, греков и крымских татар. Сталин больше всего боялся повторения «испанского урока» с «пятой колонной». Его превентивные меры по ликвидации потенциальной угрозы коснулись в итоге миллионов людей.

Третий этап выпал на август 1942 года, когда, в обстановке прорыва немцев на территории национальных автономий Северного Кавказа и их частичной оккупации, был отдан секретный приказ выселить из особых укрепрайонов всех лиц, «враждебно настроенных к армии и местным органам власти». Причем для проведения этой акции войскам НКВД давалось лишь 5 дней. Поскольку выявить за это время «враждебно настроенных» и выселить их всех было просто физически невозможно,

власти и органы НКВД были вынуждены действовать обычным для 30-х годов способом - учитывая «прошлые заслуги», высказывания, судимости, степень «опасности для общества».

Четвертый этап начался в сентябре 1943 года против участников повстанческого движения из числа карачаевского народа.

Самыми массовыми и имевшими наиболее серьезные политические последствия карательными акциями против народов Северного Кавказа стали депортации балкарцев, чеченцев и ингушей. Отметим, что репрессии против этих народов начались гораздо раньше февраля-марта 1944 года.

В начале марта 1942 г. без объяснения каких – либо причин в Чечено-Ингушетии был прекращен призыв в армию по воинской обязанности. Тогда же, уже отмобилизованная в добровольном порядке, полностью обеспеченная конным составом, хорошо экипированная, укомплектованная опытным командным и политическим составом, уже получившая свой армейский номер, Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия была по личному указанию Л.Берия распущена. Лишь по настоятельному ходатайству Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) и СНК республики из состава дивизии была сохранена одна часть – 255–й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк. Показательно, что с лета 1942 г. и вплоть до конца 1942 г. он отлично дрался с противником под Сталинградом, понес огромные потери, которые так и не были восполнены из Чечено-Ингушетии: действовал запрет на призыв по воинской обязанности[6].

Других отдельных воинских формирований из чеченцев, за исключением еще одного кавалерийского дивизиона добровольцев, за все время войны так и не производилось. С 1942 года было принято негласное решение о запрете на присвоение звания Героя Советского

Союза лицам чеченской и ингушской национальности. Были введены ограничения и на награждение другими орденами. В архивах имеется большое количество представлений на награждение, которым так и не был дан ход по этой причине.

2.2. Операция «Чечевица»

Зимой 1944 года началась самая массовая операция НКВД по депортации горского населения Северного Кавказа. Подготовка к проведению спецоперации по выселению чеченского и ингушского народов с родных мест началась практически сразу после освобождения Северного Кавказа от немцев в феврале-марте 1943 года. Кремль, учитывая имеющийся опыт, начал разрабатывать план переселения чеченцев и ингушей в восточные регионы страны. В октябре 1943 года в республику, для изучения ситуации, приехал заместитель наркома внутренних дел Б. Кобулов, а в ноябре того же года В. Чернышев на совещании с начальниками управлений НКВД регионов, куда выселялись калмыки, в частности, обсуждал с ними вопросы, связанные с намеченной операцией «Чечевица» - выселением чеченцев и ингушей. 200 тысяч человек планировалось расселить в Новосибирской области, а еще по 35-40 тыс.человек – в Алтайском и Красноярском краях и в Омской области[7]. Однако первоначальные планы были отклонены, и к декабрю 1943 года созрел новый план переселения этого же контингента, но уже в Казахскую и Киргизскую ССР.

Известный историк Рой Медведев пишет, что решение о ликвидации Чечено-Ингушской АССР было принято после обсуждения на совместном заседании Политбюро и ГКО 11 февраля 1944 года. На заседании прозвучали два мнения. В.Молотов, А. Жданов, Н.

Вознесенский и А. Андреев предложили ликвидировать Чечено-Ингушскую АССР и немедленно выселить всех чеченцев и ингушей с Северного Кавказа. К. Ворошилов, Л. Каганович, Н. Хрущев, М. Калинин и Л. Берия предложили повременить с выселением до полного освобождения Северного Кавказа от немецкой оккупации. К этому мнению присоединился и И. Сталин. Лишь один А. Микоян, соглашаясь в принципе, что чеченцы и ингуши должны быть выселены, высказал опасение, что депортация повредит репутации СССР за границей[8].

Как пишет А. Н. Яковлев, план депортации чеченцев и ингушей с их исторической родины начал формироваться с осени 1943 года. Эта операция получила название “Чечевица”, очевидно обыгрывалось слово “чеченцы”. В октябре 1943 года по Чечне “путешествовала” бригада НКВД под руководством заместителя наркома Б. Кобулова – она собирала материал об “антисоветских акциях”, происходивших на Северном Кавказе с первых дней советской власти до времени их визита. На имя Лаврентия Берия бригадой была направлена “Докладная записка о положении в районах Чечено-Ингушской АССР”. 13 ноября Берия написал на ней: “тов. Кобулову. Очень хорошая записка”[9]. В докладной Кобулова отмечалось, что в республике действовало 38 религиозных сект, и руководителей этих сект население почитало “святыми”. Утверждалось также, что в них насчитывалось более 20000 человек, которые предположительно, участвовали в антисоветской деятельности. В 1943 году по приказу Берия в ЧИАССР были направлены картографы, топографы и геодезисты для проведения съемочных работ на местности на всей территории республики. С этого же времени началась концентрация войск на территории ЧИАССР и близлежащих районов. Характерно, что первыми стали прибывать охранные войсковые части НКВД.

Одновременно, вблизи республики были дислоцированы авиационные части, задачей которых было не только боевые вылеты на линию фронта, но и наблюдательные и разведывательные полеты над горными районами ЧИАССР. Как полагают некоторые исследователи, не исключалось применение химического оружия в горных районах и лесных массивах, где по мнению НКВД, могли дислоцироваться повстанческие и бандитские группы, а также немецкие парашютисты.. Для этого предполагалось использовать 105-ю и 126-ю авиационные дивизии, располагавшиеся на территории ЧИАССР. В Грозный было перебазировано Конотопское военное авиационное училище, летный состав которого также предполагалось использовать для выполнения специальной операции.

Все подготовительные мероприятия возглавил нарком НКВД Берия. С целью предотвращения несанкционированного попадания химических бомб и снарядов на нефтепромыслы и большие города, Берия подписал приказ №00609 о приведении Грозного в полную боевую готовность к противохимической и санитарно-химической защите. Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.А. Иванов был запрошен о точной численности населения Грозного и количества в нем газовых убежищ. В ответе Иванова, направленном в Москву говорилось, что «основные промышленные объекты нефтяной промышленности Грозного к противовоздушной обороне подготовлены удовлетворительно», зато «жилой сектор Грозного... подготовлен крайне неудовлетворительно», а в нем проживало к этому времени 229445 человек. Газоубежищ первой категории в городе (с полной системой фильтровентиляции и герметизации) было лишь 40, и они готовы были принять не более 6385 человек. Общая же

вместимость газоубежищ в городе была рассчитана не более чем на 10749 человек[10].

Историк Хамзат Гакаев считает, что даже беглый анализ приведенных документов и ретроспективное рассмотрение политической ситуации в ЧИАССР в 1943 году дает основание предположить, что Берия с согласия Сталина замышлял применить химические отравляющие вещества не столько против немногочисленных повстанческих и бандитских групп, сколько против всего чечено-ингушского населения, проживающего в горных районах Чечено-Ингушетии. В этом случае значительно облегчилась бы задача выселения оставшейся в горах незначительной части чеченцев и ингушей. И только то обстоятельство, что в результате этой акции может пострадать город Грозный, где были сосредоточены крупнейшие предприятия, на которых трудились свыше 50 тысяч высококвалифицированных рабочих, инженерно-технических работников и служащих, преимущественно русской национальности, «отрезвляюще подействовало на решительного и не гнушающегося никакими средствами для достижения своих целей Л. Берия»[11].

Еще в начале июля 1943 года поступила установка Москвы - провести полную регистрацию чеченского и ингушского населения по всей республике. Эти материалы были необходимы для планирования количества железнодорожных составов, формирования запасов продовольствия для переселенцев, определения необходимого жилого фонда в новых местах их проживания - Казахстане и Средней Азии. Партийное и государственное руководство Казахстана и республик Средней Азии было заранее предупреждено о предстоящем перемещении огромных людских потоков с Северного Кавказа для принятия мер по предстоящему размещению «спецконтингента».

О том, что подготовка к выселению чеченцев и ингушей шла заблаговременно свидетельствует и тот факт, что в самый разгар Великой Отечественной войны власть возвращается к проблеме национально-государственного строительства горских народов. После многочисленных обращений аккинцев с просьбой о создании национального района для чеченцев Дагестана, в 1943 году, за счет разукрупнения Хасавюртовского района, был образован Ауховский район с чеченским населением численностью 15,4 тысячи человек. Но радость чеченцев-аккинцев была недолгой, в феврале 1944 года все они были высланы в Казахстан. Очевидно, что власти заранее готовили благоприятные условия для реализации своих планов.

О готовящемся выселении чеченцев и ингушей знали руководящие работники и в соседних республиках. Нарком внутренних дел Дагестанской АССР Р.Маркарян в докладной записке на имя Л.Берия от 5 января 1944 года сообщал, что еще в декабре 1943 года начальник Орджоникидзевской железной дороги К.В.Ильченко на встрече с председателем Верховного Совета Дагестанской АССР Махтаровым и сотрудниками Дагестанского обкома ВКП (б), состоявшейся в Беслане, уведомил их «о предстоящем выселении чеченцев и ингушей, назвав при этом, что для этой цели прибыли 40 эшелонов и 6000 автомашин»[12].

С осени 1943 года приток воинского контингента в ЧИАССР заметно вырос. Шла непрерывная разгрузка воинских эшелонов в Грозном, Гудермесе, Ермоловской, Джалке, Самашках, Назрани, Алхан-Кале и на других станциях. Сразу после высадки из эшелонов воинские части немедленно направлялись для дислокации, практически, во все населенные пункты ЧИАССР. Особые меры по предотвращению возможных беспорядков были приняты в Грозном, где разместили штабы двух дивизий

внутренних войск и трех сибирских стрелковых дивизий. Причем военнослужащие были лишены увольнений и им было строжайше запрещено вступать в контакты с местным населением.

Общая численность сосредоточенного здесь личного состава войск НКВД, СМЕРШа, частей РККА в несколько раз превышала группировку советских войск, боровшуюся с немцами в 1942-1943 гг. на территории ЧИАССР. Всего, для депортации населения республики, здесь было размещено 19 тысяч работников спецподразделений НКГБ, и более 100 тысяч войск НКВД, с боевой техникой, самолетами, огромным числом автотранспорта[13]. Значительная часть этих войск имела «практический опыт» проведения карательных акций, приобретенный при выселении немцев, карачаевцев и калмыков. Из всех войск НКВД, привлекавшихся к насильственному выселению чеченцев и ингушей, около 70% до этого уже участвовали в проведении аналогичных акций[14].

Подобные масштабные приготовления не могли пройти не замеченными для населения республики. Поэтому партийные инстанции и военное командование заранее разработали относительно правдоподобную версию о проведении крупномасштабных учений тех воинских сил, которые будут вскоре проводить операции по разгрому немецких частей в Восточных Карпатах, в условиях почти аналогичных тем, что имеются в горах и лесах Чечни.

По крайней мере, с осени 1943 года (по другим данным-с лета) о готовящейся акции был проинформирован Чечено-Ингушский обком ВКП(б), более того,на него решением Сталина было возложено оказание всемерной помощи войскам НКВД в этом вопросе. Практически почти каждый день в здании обкома проводились заседания бюро и секретариата, на которых

обсуждались все детали предстоящей операции. Однако о точной дате ее проведения никому не было известно.

Показательно, что в это же время было обращено пристальное внимание на состояние областной партийной организации, в которой «вопросами роста рядов ВКП (б) и работой первичных организаций не занимаются». Сообщалось о том, что, например, в Галанчожском районе в 1943 году в ряды ВКП (б) было принято всего 17 человек. Исходя из этого, с целью укрепления местных партийных организаций в районы республики направлялись наиболее авторитетные коммунисты. Всего было направлено 6778 коммунистов, из них в вышеупоминаемый Галанчожский район - 300 человек, в Урус-Мартановский – 1200 человек, в Гудермесский – 1528 человек и т.д. На самом деле это был, скорее всего, маневр, нацеленный на подготовку предстоящего выселения чеченцев. Для населения говорилось, что усиление районных партийных организаций якобы было необходимо для «обеспечения подготовки тактических учений войсковых частей Северо – Кавказского военного округа в горных условиях»[15].

21 января 1944 года бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О скрытых мероприятиях по обеспечению операции по выселению чеченцев», в котором отмечалась необходимость проведения маскировочных пропагандистских акций, в том числе распространение слухов о якобы ведущейся здесь подготовке советских войск к близкой по времени Карпатской военной операции против немцев.

Одновременно Ставропольский крайком ВКП(б), по указанию ЦК, начал работу по вербовке сельского населения края для переселения их на территорию ЧИАССР после завершения депортации. 18 октября 1943 года сюда прибыл специальный представитель Москвы -

заместитель наркома земледелия Пензин, который привез текст секретной инструкции о порядке приема имущества переселяемых лиц и дал комментарии к ней.

В то же время распоряжением СНК СССР и ЦК ВКП(б) наркомату путей сообщения было приказано с 23 февраля по 13 марта 1944 года поставлять на железнодорожные станции Чечено-Ингушской АССР по 350 крытых вагонов ежедневно для перевозки «спецконтингента».В целом должно было быть сформировано 152 маршрута по 100 вагонов вкаждом, и 1тысяча платформ.

Для переселения жителей из труднодоступных горных районов решением бюро обкома ВКП(б) и СНК ЧИАССР №356 от 20 января 1944 года были сформированы 15 горновьючных рот для «оказания помощи Красной Армии», которые имели в своем распоряжении 1143 лошадей (изъятых у самих чеченцев и ингушей, которых собирались депортировать) и 503 мула и ишака. 29 января 1944 года Л.Берия утвердил “Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», в преамбуле которой говорилось, что “выселению подлежат все жители Чечено – Ингушской Республики по национальности чеченец и ингуш”. Независимо от занимаемого служебного положения выселялись работники партийных, советских и хозяйственных органов, сотрудники НКВД, члены ВКП (б) и ВЛКСМ. В инструкции разъяснялось, что чеченки и ингушки, состоящие в браке с лицами других национальностей, выселению не подлежат, а женщины русской национальности, вышедшие замуж за чеченцев и ингушей, выселяются на общих основаниях, однако последним разрешалось расторгнуть брак, и тогда они от депортации освобождались[16].

В документе давались общие установки по проведению операции. Участковые совместно с

приданными силами должны оцепить аулы, организовать засады в ущельях и на тропах. Каждая оперативная группа, состоящая из одного оперработника и двух бойцов войск НКВД, производит выселение четырех семей.

По прибытии в дом выселяемых опергруппа должна была произвести обыск и изъять огнестрельное и холодное оружие, валюту, антисоветскую литературу. Здесь же объявлялась причина выселения: «В период немецко-фашистского наступления на Северный Кавказ чеченцы и ингуши в тылу Красной Армии проявили себя антисоветски, создавали бандитские группы, убивали бойцов Красной Армии и честных советских граждан, укрывали немецких парашютистов».

Затем люди – в первую очередь женщины с грудными детьми – грузились на транспортные средства, из расчета не больше четырех семей на один грузовик, и под охраной направлялись к месту сбора. С собой разрешалось брать продовольствие, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь по 100 кг. на каждого человека, но не более полутонны на семью. Деньги и бытовые драгоценности изъятию не подлежали.

На каждую семью составлялось по два экземпляра учетных карточек, где отмечались все домочадцы, в том числе отсутствующие, а также обнаруженные и изъятые при обыске вещи. На сельскохозяйственное оборудование, фураж, крупный рогатый скот должна была выдаваться квитанция для восстановления хозяйства по новому месту жительства. Оставшееся движимое и недвижимое имущество переписывалось представителями приемной комиссии. Выселяемым гражданам должны были разъяснить, что по новому месту жительства они будут обеспечены всем необходимым для ведения своего хозяйства. Им разрешалось прирезать и взять с собой домашнюю птицу и мелкий рогатый скот[17].

31 января Берия доложил на заседании ГКО о полной готовности к началу операции по поголовной депортации чеченского и ингушского народов в Казахскую и Киргизскую ССР. Сталин одобрил принятые меры и назначил дату начала переселения чеченцев и ингушей —23 февраля 1944 года. Решение ГКО было немедленно доведено до сведения ЦК ВКП(б), СНК СССР, ЦК КП Казахстана и Киргизии, а также СНК этих республик. Была послана спецсвязью информация о принятом решении и в Чечено-Ингушский обком ВКП(б) и СНК республики. По требованию Сталина, эта информация на месте была доведена до сведения узкого круга лиц: секретарей обкома, Председателя Президиума Верховного Совета ЧИАССР, Председателя СНК республики, наркомов НКВД и НКГБ, прокурора.

20 февраля в Грозный прибыло высшее руководство НКВД СССР во главе с Л. Берия, получившее на время проведения операции практически всю полноту власти в республике. Перед самым началом депортации партийное руководство республики ознакомило с решением ГКО весь партийный и советский актив из числа лиц коренной национальности. Цинизм центральных и местных властей заключался еще и в том, что депортацию чеченцев и ингушей они пытались осуществить руками самих горцев. Активисты из числа чеченцев и ингушей были направлены в сельскую местность, в горные районы республики для предотвращения возможных народных выступлений. Их целью было упреждение утечки информации о предстоящей депортации. По утвержденному заранее шаблону они должны были говорить: «Советская власть - это наша, родная власть. В борьбе за нее погибли лучшие сыны нашего народа. Враг распускает слухи о выселении. Не верьте этим слухам. Времена Ермолова и Николая I прошли безвозвратно. Не верьте слухам о вероломстве

советской власти и большевиков. Спокойно трудитесь. Наша партия не допустит несправедливости. Помните: враг еще не разбит окончательно, но наша победа не за горами»[18]. Однако среди населения слухи о возможном выселении все-таки ходили. Эти слухи подогревались также и утечкой информации от военнослужащих. В справке о морально-политическом состоянии частей войск 2-го сектора[19] на 4.02.1944 г. генерал-майор Малышев писал: «Командир истребительной батареи 285 сп старший лейтенант Морин в Урус-Мартановском районе организовал пьянку с участием оперработника Москвы, начальника РОВД (чечен)-(так в тексте – М.И.), его шофера, председателя сельского совета (чечен). Морин ознакомил их с составленным планом по охране гарнизона и о предстоящей операции по выселению чеченцев. В станице Мекенская три военнослужащих жили временно в квартире местной женщины, которая от них узнала, что их часть принадлежит к НКВД и цель их прибытия в Чечено-Ингушскую АССР»[20]. В Докладной записке Сталину от 17 февраля 1944 года Берия писал: «Среди чеченцев и ингушей отмечается много высказываний, в особенности связанных с появлением войск. Часть населения реагирует на появление войск в соответствии с официальной версией, согласно которой проводятся учебные маневры частей Красной Армии в горных условиях. Другая часть населения высказывает предположение о выселении чеченцев и ингушей. Некоторые считают, что будут выселять бандитов, немецких пособников и другой антисоветский элемент»[21].

Чеченка Дагаева Саихат вспоминает: «В феврале 1944 года мне было 16 лет. Я жила с мужем и свекровью в селе Бамматюрт Хасавюртовского района. Стали разноситься слухи о выселении чеченцев, но никто в них не верил. «Это касается провинившихся, нас не выселят» - говорили одни. «Наверное, выселят абреков, те, что

скитаются» - говорили другие. А тем временем ремонтировались сельские дороги (устраняли всякие ямы и неровности на дорогах), завозились грузовые машины. «Американские машины» - так называли в народе транспорт, который выстроился в местном гараже. Солдат становилось все больше. Собрание солдат часто можно было увидеть на окраине села, и этому простые люди находили объяснение: «Да они просто к празднику готовятся»[22].

В другой Докладной записке уже накануне начала депортации, 22 февраля, Берия докладывал Сталину: «Для усиления проведения операции по выселению чеченцев и ингушей после ваших указаний в дополнение к чекистским общевойсковым мероприятиям проведено следующее: 1.Было доложено Председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Моллаеву о решении Правительства о выселении чеченцев и ингушей и о мотивах, которые легли в основу этого решения. Моллаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнить все задания, которые ему будут даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были намечены и созваны 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым и было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах выселения. …40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 24 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населенному пункту 2-3 человека для агитации. Была проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии духовными лицами Б. Арсановым, Яндаровыми, А. Гайсумовым. Они призывались оказать помощь через мулл и других местных авторитетов. Выселение начинается с рассвета 23 февраля сего года. Предполагается оцепить районы, чтобы воспрепятствовать выходу населения за территорию населенных пунктов,

население будет приглашено на сход, часть схода будет отпущена для сбора вещей, а остальная часть будет разоружена и доставлена к местам погрузки»[23]. Учитывая большую численность выселяемого населения, а также особенности рельефа местности, вся территория ЧИАССР была разделена на 4 оперативных сектора. В каждом из них старшим оперативным начальником назначался офицер органов госбезопасности, на которого возлагалась вся ответственность за подготовку и проведение спецоперации. Одним из его заместителей назначался офицер внутренних войск, который отвечал за подготовку частей к проведению акции депортации[24].

Решено было выселение провести (включая посадку людей в эшелоны) в течение 8 дней, в пределах которых в первые три дня предполагалось закончить операцию по всем низменным и предгорным районам и частично по некоторым поселениям горных районов, с охватом свыше 300 тысяч человек. В остальные четыре дня должны были быть проведены выселения по всем горным районам с охватом оставшихся 150 тыс. человек. В период проведения операции в низменных районах, т.е. в первые три дня, все населенные пункты горных районов, где выселение начиналось на три дня позже, будут блокироваться уже заблаговременно введенными туда войсковыми командами под начальством чекистов[25].

Командование спецоперацией опасалось возможных выступлений чеченцев и ингушей. В связи с этим в каждом районе выселения были созданы вооруженные войсковые резервы. В их составе находились артиллерийские и минометные батареи, мотопехотная техника, горнострелковые и другие специальные подразделения. Для проведения арестов легализованных бандитов, фашистских пособников и других антисоветски настроенных элементов выделялись специальные

опергруппы, из расчета одна группа на 2 человека, подлежащих аресту[26].

23 февраля 1944 г.в 2 часа ночи войсками были оцеплены все населенные пункты, расставлены засады и дозоры, отключены радиотрансляционные станции и телефонная связь. В 5 часов утра, под предлогом «всенародного празднования» дня Советской Армии, население ЧИАССР, во всех городах и аулах республики, стало созываться на митинги и сходы. Как только сбор состоялся, участники сходов были окружены войсками НКВД, и им был зачитан приказ ГКО о депортации. Люди обыскивались, после чего их стали свозить на железнодорожные станции. Одновременно во все дворы были направлены солдаты, которые приказывали оставшимся в домах старикам, женщинам, детям в течение 10-15 минут собраться для отправки на станцию. Один из очевидцев этих событий, долгое время возглавлявший республиканский спорткомитет, А.А. Еськов писал: «*22 февраля нас, коммунистов, руководящих разными отделами и службами, вызвали в обком и выписали срочные командировки. Мне выпало выехать в горный Ножай-Юртовский район. Там собрали партийно-советско-комсомольский актив. За стол сел майор госбезопасности из Москвы… Его речь врезалась в память на всю жизнь. «За развал колхозного строя, - сурово чеканил майор, - бандитизм, за то, что вы никогда не были патриотами России, даже в царское время, решено выслать вас за границы республики. Всех. Время на сборы – 3 часа. Можно с собой брать 100 килограммов имущества, лично вам – по 500. Вы все активисты, должны сделать правильные выводы, помочь нам выполнить приказ!». Как мы реагировали на такой произвол? Что ж однозначно не ответишь. С одной стороны, время военное, о каком обсуждении распоряжений могла быть речь? Фиксировался в*

республике, что скрывать, и элемент бандитизма. Нет плохих народов, в каждом из них есть процент плохих людей. С другой стороны, страшно было видеть горе людей. Кричали женщины, молчали старики с каменными, будто выточенными суровым резчиком, лицами. Помню, к грузовикам шла старуха, почему-то босиком, к ней жались трое темноглазых ребятишек.

Я пошел по пустому аулу. Вымерли дома, хлопали под ветром незапертые двери. Будто чувствуя необратимость происходящего, даже не лаяли собаки.

Зашел в пустой райком партии. В кабинете секретаря – три мешка денег: «Фронту» Собирал весь район»[27].

Люди, привыкшие видеть в своем доме солдат (с начала 1944 года почти в каждой чеченской и ингушской семье были размещены на постой солдаты) и делавшие все возможное, чтобы обогреть и накормить их перед отправкой на фронт, не понимали происходящего. Среди военнослужащих, участвовавших в этой крупномасштабной операции были как сочувствующие населению, как и те, кто под влиянием бериевской пропаганды, видел в мирных жителях бандитов, преступников и предателей.

Многие из них, надо полагать, понимали, что женщины, дети, старики не должны нести ответственность за преступные деяния отдельных лиц. Очевидцы тех событий рассказывали о помощи, которую оказывали им солдаты. В, частности, красноармейцы намеками давали понять о предстоящем выселении, помогали неведающим о своей судьбе людям выбирать необходимое имущество в дорогу, продукты и многое другое. Студентка Юсупова Милана записала рассказ своей бабушки о выселении: *«23 февраля в 4 часа утра наше село Кулой, Чеберлоевского района кишело солдатами. Шел снег. Дверь нашего дома открыли прикладом и вошли трое. Один что-то кричал,*

но ничего не было понятно. Как мы могли понять его, если ни слова не знали по- русски? Сначала солдаты все перевернули вверх-дном, а потом стали тыкать дулом автомата и кричать. Один солдат был в годах, он все время, что-то говорил, а я не понимала. У нас был небольшой деревянный комод, где хранились запасы зерновых и бобовых культур. Он подвел меня к этому комоду и говорил, пытаясь объяснить. А я думала про себя»: «Да бери, что хочешь, лишь бы меня не тронул». Когда мы выйдя во двор, запрягли быков в сани и приготовились к отъезду, этот старый солдат завел мою мать в дом, взял наволочку вывалив ее содержание, подошел к комоду и насыпал туда кукурузу и фасоль. Затем сделал узелок и передал наволочку женщине. Вот так, благодаря сочувствию этого солдата, мы спаслись, возможно, от голодной смерти»[28].

Журналист М.-Б. Цицкиев описывая события февраля 1944 года писал: *« Знали ли мы о предстоящем выселении? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Слух такой был, но никто не поверил и никто не готовился. Все ждали конца войны, возвращения к мирной жизни. И вестником приближения победы многие восприняли поселение в их домах военных. Считали, что люди отдыхают перед новым наступлением. Никому и в голову не приходило, что готовится чудовищное преступление.*

Однажды возвращавшегося с работы отца остановил живший у нас солдат и сказал: - Мне очень жаль вас. На днях всех ингушей и чеченцев выселят. Куда точно – не знаю, но слышал в холодные края. Готовьтесь. Не выдавайте меня – попросил он уходя.

Придя домой отец сказал жене: -Идут разговоры, что нас будут выселять. Постарайся детям заготовить как можно больше теплой одежды. Но она не поверила этому»[29].

Представляя воспоминания своего деда Хасуева Алдамгези, студентка Хасуева Элина пишет: «*В том трагическом для нашего народа 1944-м Алдамгези Хасуеву было 14 лет. Вместе с родителями, бабушкой и дедушкой они жили большой семьей в селе Шали, Шалинского района. Рассказывая о выселении Алдамгези говорил: «В тот год мы построили дом и только вселились в него, как одну комнату у нас забрали для офицеров. Офицеров было несколько человек, они жили с нами под одной крышей. Среди них был один офицер, который благосклонно относился к нам. К сожалению я не помню его фамилию и имя. Помню, как мы с дедушкой отправились на базар продавать бычка, но не сошлись в цене и привели бычка домой. Так этот офицер был недоволен тем, что не продали этого бычка. Позже я понял, чем было вызвано это недовольство. Таких моментов было несколько. Просто он прямо не мог сказать нам, что происходит, но в душе желал помочь нам. Ведь деньги нам были бы нужнее.*

22 февраля все взрослое мужское население согнали в мечеть и оставили там на всю ночь. Рано утром солдаты начали выгонять из своих домов женщин, детей, стариков для общего сбора. Бабушка схватила меня, младшую сестру и подбежала к офицеру, который жил с нами под одной крышей и сказала: «Неужели вы отправите и меня, старую женщину с ребенком?» Тот с дрожью в голосе ответил, что нужно отправлять всех без исключения. После этих слов он зашел к себе в комнату и вернулся со свертком, в котором были сахар и сушеная рыба. Офицер молча погладил сестру по голове, протянул бабушке сверток и со слезами на глазах отвернулся»[30].

Уже днем, 23 февраля, Л.Берия докладывал И. Сталину: «Сегодня 23 февраля, на рассвете, начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение

проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. На 11 часов утра вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 741 человек, т.е. свыше 20 проц., подлежащих выселению, погружены в железнодорожные вагоны из этого числа 20 тысяч 23 человека»[31].

Не пощадили даже семью легендарного Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова. Трудно, если вообще возможно, хоть как-то объяснить столь жестокое решение по отношению к Ханпаше, которого называли гордостью Красной Армии. И в день рождения этой самой Красной Армии составлялись карточки по учёту спецконтингента аула Миной тугай Ауховского района, втом числе на самого Героя:

1.Нурадилов Муты, чеченец, 30 лет, инвалид войны;
2.Нурадилова Нажабат, жена его, 13 лет;
3.Нурадилов Иманпаша, их сын, 1год,
4.Нурадилов Хункарпаша, брат, находится в рядах Рабоче- Крестьяской Армии
5.Нурадилов Ханпаша-Герой Советского Союза, погиб в1942г.

Дата 23 февраля1944 года.

Инвалид Великой Отечественной войны, брат которого геройски погиб за Родину, а другой продолжал защищать Отчизну – вместе с семьёй, годовалым ребёнком был отправлен в ссылку, только за то, что был чеченцем. Тринадцать лет носил он на себе, как и весь его народ, клеймо предателя. А в Сталинграде на поклон великому Подвигу защитников города идут люди и останавливаются у могилы Ханпаши Нурадилова, одного из самых бесстрашных воинов - сталинградцев.

Вот ещё одна карточка из сотен тысяч, составленных на семьи, изгоняемые из родных мест, и напоминающих инвентарную опись, где люди и скот перечисляются как однородные предметы:

"Карточка №... по учёту спецконтингента, Аул Ярыксу Аух, район Ауховский:

1.БайгаджиевЭлий-глава семьи, чеченец, 91 год;

2.Дадо - его жена, чеченка,70 лет;

3.Маржан - внучка, 10 лет:

4.Нажмуджин- сын.находится в РККА;

5.Самад - сын, находится в РККА.

В хозяйстве лошадей нет, волов нет, 1 корова, овец нет, коз - четыре.

Карточка составлена 24 февраля 1944года"[32].

С людьми обращались жестоко, не щадили никого. Как вспоминал один из очевидцев событий, «больных сбрасывали с больничных коек. За проявленное недовольство - расстрел. За попытку к бегству - расстрел. За неправильно понятый приказ - расстрел. Об этом объявляли по-русски, хотя многие языка не понимали». В результате, за несколько первых часов депортации были расстреляны сотни людей. О том, как проходило выселение, хорошо иллюстрирует рассказ историка-краеведа Хамзата Яндарбиева: «*Утром, 23 февраля 1944 года все мужское население Старых Атагов было выведено в открытое поле на северо-западе села. Здесь им зачитали решение правительства о выселении. Только тогда заметили они, что попали в западню: со всех сторон на них были направлены пулеметы. Среди молодых было немало смельчаков, готовых ринуться на пулеметы, но старики остановили их: думали, что НКВД провоцирует их, чтобы найти повод для очередной волны массовых репрессий.*

65-летнего старика Хамзатова Али угнетала мысль, что 17-летняя дочь Хава не сумеет подготовить детей к отправке в далекую «Сибирь». После долгого объяснения он получил от старшего офицера разрешение сходить домой. Но к несчастью,

пошел он огородами. Помочь дочери ему было не суждено. Его не спрашивали: кто он, куда идет. Застрелили в чужом огороде. Умирая он не знал, что в это время солдаты уже были в доме у него. Войдя в комнату, они увидели девушку, которая вязала пуховый платок. Как свидетельствует Алавди Хамзатов (брат Хавы),офицер видел, что кроме детей, в доме мужчин нет, но почему-то закричал на девушку и навел на нее пистолет. Конечно, Хава не знала, о чем он кричит, и, толкнув раму, выпрыгнула в окно. Во дворе грохнул винтовочный выстрел. Соседям дали десять минут, чтобы закопать ее тут же во дворе. На кладбище ее перенесли только в 1958 году. Где похоронен Али (если похоронен) никто не знает»[33].

Чудом избежала расстрела в этот день мать четверых детей, жительница села Марзой-Мохк, Веденского района Дилиева Азман. Год назад, в январе 1943 года, она получила похоронку на своего мужа – Хасмагомеда, который, как отмечалось в документе, геройски погиб в боях за свободу и независимость социалистической Родины. Он воевал под Новороссийском, на Малой Земле.

Перед уходом на войну, Хасмагомед подвел жену к одному из двух быков, которых растил, и сказал: « Я иду на войну, шансов вернуться живым немного. Если со мной что – нибудь случится, забей этого быка и раздай мясо односельчанам. Пусть их благодарность и молитвы помогут мне при встрече с Аллахом».

Выезжали из села на арбах, запряженных волами. Дилиевым тоже разрешили приготовить повозку. Когда они доехали до Ца-Ведено и их определили на ночлег в местную мечеть, Азман решилась выполнить последнюю волю своего супруга. Она попросила одного из братьев мужа зарезать быка и раздать мясо. Когда наутро энкеведешники узнали об этом, они вывели Азман из

Семья Дилиевой Азман. 1952 г.

мечети и, объявив, что она за вредительство приговаривается к расстрелу, поставили к стенке. Спасли ее дети, которые кинулись к ней и обхватили со всех сторон, да сердобольный офицер, который, к ее счастью, подошел в это время, и, сжалившись над детьми, отменил расстрел.

На 25 февраля со станций погрузок было отправлено уже 86 железнодорожных эшелонов. Особенно тяжелой оказалась участь жителей труднодоступных горных районов Чечни и Ингушетии.

Уроженец села Гуни, Веденского района Тахир Идаев, которому в 1944 году было 8 лет так описывал события этих дней. «*Было пасмурно. Грязно-серые тучи, нависшие над горами сыпали на землю сплошной стеной крупные снежные хлопья. Помню большую поляну в долине реки Хулхулау у села Ца-Ведено. По коридору из вооруженных солдат на поляну непрерывно вливался людской поток. Образовался большой «табор», который солдаты окружили плотным кольцом. Рев скота, вой собак, плач детей, женщин. Разожгли множество*

костров, у которых стали греться люди, промокшие до нитки. Грелись у костра волы-трудяги, приволокшие сюди жалкие пожитки своих хозяев на двухколесных арбах, лохматые большеголовые кавказские овчарки, до смерти верные сторожа у горцев. Скотину и собак по нескольку раз отгоняли, чтобы они шли домой, но они с ревом и воем возвращались, и находя в «таборе-муравейнике» копошавшихся в желто-сером месиве из глины, щебня и воды своих хозяев пристраивались к их кострам.Собаки ластились к людям, заигрывали с детьми, из умных глаз текли крупные слезы.Казалось, что они не будут больше душераздирающе реветь и выть, а заговорят человеческим голосом « не покидайте нас, пожалуйста, не гоните нас». А может быть они, единственно им известным чувством, знали, что расстаются с друзьями навсегда?

Ждали дальнейшей судьбы в этом «таборе» два дня. На третий день появились американские машины «студебеккеры», в которые стали загружать выселяемых людей и их нехитрые пожитки. Набив до отказа свои брюха людьми студебеккеры выходили на дорогу, ведущую в Грозный и, как бы, становились на старт. «Табора» как и не было. На миг установилась странная тишина. И вдруг в эту тишину, которая как будто, придавила всех, взлетел звонкий, чистый, как горный родник, мальчишеский голос с религиозной молитвой: «Алла х1умма солли 1ала, Мохьммади во 1ала, али Мохьммади ва саллам». Запричитали женщины: «Ва-а-ай, нана яла хьан» (чеченское выражение, обозначающее высшую степень жалости). Мужчины закашляли, закряхтели, надвинув на глаза лохматые папахи. А колокольчик – голос повторял: «Алла х1ума солли 1ала…»

Не успел я задать сам себе вопрос, почему взрослые молчат, не подхватывают молитву, как тут же мужчины, сидевшие в кузове, плотно прижавшись друг к

другу, поправили папахи, подперли ладонями заросшие подбородки и запели так дружно и громко, что заглушили рев моторов. Два солдата-конвоира, сидевшие у заднего борта машины вздрогнули, соскочили со своих мест и направили на нас дула винтовок»[34].

Разумеется, приказ Берия, требовавший полностью освободить республику, в том числе и горные районы, от чеченцев и ингушей в отведенное время практически не мог быть выполнен. В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчожского района после окончания спецоперации, по оперативным данным, оставалось не выселенным 6 тыс. чеченцев. Берия потребовал вывезти их к станциям погрузки в течение двух дней, однако, как подчеркивает исследователь В.П. Сидоренко, реально выполнить это указание было крайне сложно. Дополнительные войсковые подразделения и запланированные 635 автомобилей так и не смогли прибыть в эти аулы, а имеющимися 20 автомашинами и 52 повозками вывезти людей оттуда было невозможно[35].По

свидетельствам современников, больные, старики, беременные женщины - все, кто не был в состоянии быстро передвигаться в условиях зимних гор, загонялись в кошары и заживо сжигались. 27 февраля 1944 года в селе Хайбах были расстреляны и сожжены заживо люди из нескольких селений и хуторов Галанчожского района в количестве почти 700 человек. В Чеберлоевском районе людей топили в озере Кезеной-Ам, в селе Урус-Мартан больных людей, находившихся в районной больнице расстреляли и закопали во дворе больницы. В Итум-Калинском районе дома с больными людьми забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе— засовывали в кукурузные сапетки и, облив бензином, поджигали[36].

По свидетельствам выживших, в селе Хайбах уничтожали целыми семьями, Так в семье Гаевых погибли: Гаев Тута - 110 лет, его жена Сарий -100 лет, его брат Хату - 108 лет, жена Хату —Марем 90 лет, Алаудин – 45 лет, его жена Хеса –30 лет, родившиеся накануне близнецы Хесы…. В семье Г. Газоева - мать 55 лет и дети: сыновья – Мохдан -17 лет, Бердан - 15 лет, Махмад - 13 лет, Бердаш - 12 лет, дочери – Жарадат -14 лет и Тайхан - 3лет (сам же Гезамахма умер в ссылке)[37].

Невольным свидетелем хайбахской трагедии оказался бывший нарком юстиции ЧИАССР Дзияудин Мальсагов. Вместе с другими ответственными работниками Чечено-Ингушетии он был командирован в Галанчожский район, чтобы помогать войскам организованно провести выселение населения из труднодоступных населенных пунктов. 27 февраля он оказался в селе Хайбах вместе с комиссаром Госбезопасности 3 ранга Гвишиани. *«Шел крупный мокрый снег,- вспоминает Мальсагов,- грязь, слякоть, дорог в горах нет, а тут еще все размыло и холодный*

пронизывающий ветер. С самого рассвета к селению Хайбах начали собирать людей со всех хуторов Нашхоевского сельского Совета и других селений Галанчожского района, которые не могли сами спуститься с гор. В основном больные, дети, старики, женщины. Их собирали в конюшню колхоза имени Берии (кощунственное совпадение) под предлогом, что формируется транспортная колонна для дальнейшей отправки на равнину… Точно знаю, что в конюшне собралось не меньше 650-700 человек, поскольку стоял перед самым входом. Горцы заходили, ничего не подозревая. Наверное, в этот момент о готовящемся знали всего несколько человек, те, кто перед этим отдавал приказ солдатам обложить конюшню сеном, «чтобы не было холодно»…

А дальше было вот что. Когда все жители окрестных хуторов собрались, ворота конюшни крепко закрыли. Начальник Дальневосточного краевого управления НКВД комиссар Госбезопасности 3 ранга Гвишиани отдал приказ поджигать. Я пришел в ужас от сознания того, что сейчас произойдет с этими людьми. Подскочил к Гвишиани и говорю: «Остановите людей, что вы делаете!» Гвишиани спокойно ответил: «Эти люди не транспортабельны, их надо уничтожить…», «Я буду жаловаться маршалу Берии (тогда мы не подозревали, что это за человек)!» «Это приказ Серова и Берии…».

Дальше еще ужасней. Нещадный чудовищный костер поднялся до гигантских размеров. Говорят, в экстремальных ситуациях человек способен на невозможное. Я в этом убедился. Вечный инстинкт самосохранения придал силы тем, кому была уготована самая страшная смерть. Когда вся конюшня оказалась объятой пламенем, огромные, сильно укрепленные ворота под натиском людей вдруг рухнули и сквозь огонь толпа

обезумевших людей хлынула наружу. Гвишиани скомандовал: «Огонь». Из десятка стволов раздались автоматные и пулеметные очереди. Впереди бегущие, падая заслоняли собой выход, целая гора не позволила никому выйти. Ни один не спасся. Меня и Громова, моего напарника, который тоже выступал против организованного зверства, отправили с конвоем в селение Малхасты. Нас уводили, а этот ад еще продолжался»[38]. В Казахстане Д. Мальсагов был одним из немногих спецпереселенцев, которым разрешили работать в правоохранительных органах, и единственным свидетелем трагедии Хайбаха, занимавшим столь высокий пост. В 1951 году он был заместителем прокурора Талды-Курганской области. Дзияудин считал себя обязанным рассказать правду об этой варварской расправе над невинными людьми и написал несколько писем на имя Сталина. Ответ был жестким. Его вызвали в органы НКВД и предупредили, что он рискует все потерять, в том числе и жизнь, если не прекратит писать свои письма. От должности его освободили. После XX съезда КПСС он опять вернулся на ответственную работу. Его назначили заместителем председателя Алма-Атинского областного суда. В июле 1956 года в Алма-Ату приезжает Н.С. Хрущев. Мальсагов узнает, где пройдет маршрут высокого гостя и решает передать ему письмо. До трех часов ночи он работает над письмом. Он предполагал передать письмо из рук ребенка (к тому времени его сыну было около двух лет), но по пути движения кортежа московской делегации письмо передать не удалось.

Вечером в театре давали концерт в честь высокого гостя. Там выступал и чеченский ансамбль песни и танца. Знакомые провели Дзияудина в театр. Он стоял в коридоре, когда Хрущев с охраной проходил мимо. Мальсагов успел подойти, попросить, чтобы его приняли.

«У меня важное заявление»,-сказал он. Охрана попыталась оттеснить его, но Никита Сергеевич пригласил его в комнату отдыха, взял письмо, прочитал его. В нем говорилось о преступлении войск НКВД в Хайбахе. Когда Хрущев выразил сомнения относительно правдивости изложенного в писмьме, Мальсагов ответил: «Я надеюсь, что Вы объективно решите вопрос. Пока еще есть возможность, есть живые свидетели, которые разбросаны по Казахстану и которых Вы можете пригласить и выяснить, как все было». Хрущев обещал разобраться и сообщить о результатах.

В августе 1956 года Мальсагова вызвали в Москву. Для проверки письма была создана комиссия, которая поначалу не подтвердила факта преступлений в Галанчожском районе. Но вскоре была создана вторая комиссия и она вынуждена была признать правоту автора письма. Вместе с правительственной комиссией Дзияудин выехал на место трагедии, где спустя 12 лет под обвалившейся крышей конюшни были обнаружены останки сотен людей. После этого в 1990 году комиссия из шести должностных лиц Чечено-Ингушетии обследовало указанное место трагедии и составило акт об обнаружении останков погибших[39].

Оставшийся в живых житель села Алимхаджиев Селим, который в день выселения находился в горах и был депортирован позднее, свидетельствовал: «*Иби-сына Довта, 20 лет, застрелили, когда он совершал намаз. Мой брат Алимхаджиев Саламбек был 35-летнего возраста, работал учителем. Его застрелили, когда он шел по дороге.*

Газоева Иби застрелили, конвоируя по дороге. Когда по дороге вели людей, солдат ударил его прикладом: «Быстрее шагай!» Иби остановившись, повернулся и плюнул ему в лицо. Было это в местечке Кханойн-юххе. Солдаты, оттолкнув Иби в сторону свалили его

автоматными очередями. На этом месте он и похоронен. Через 3-4 дня после выселения людей из аула Мушечу, солдаты нашли Зарипат, лежавшую в доме. Ее расстреляли из автоматов. Затем завязав на шее стальную проволоку, выволокли на улицу, обломали изгородь, и, обложив тело дровами, сожгли. Стальная петля осталась несгоревшей. Петлю положили туда же в могилу. Останки Зарипат похоронили мы: Закриев Саламбек, Ампукаев Сайд-Хасан. Она была сестрой нашего отца.

Жена Закриева Саламбека – Сацита, 21 год. Ее застрелили солдаты. Маленький Сайхан, который был у нее за спиной, остался жив. В этот же день убили и жену Эльгакаева Рукмана – Маликат, ей было 20 лет.

Когда хоронили убитых и сожженных людей в Хайбахе, мы выставили около Галанчожского озера дозорных, чтобы они предупредили нас, если будут подходить солдаты. Над всеми убитыми прочли посмертную молитву, эту молитву читал Гаев Жандар. Не отдыхая, несмотря на то, что тошнило от трупного запаха и кружилась голова, мы хоронили погибших два дня и две ночи»[40].

1 марта 1944 года Л.Берия докладывал И.Сталину: «По 29 февраля выселено и погружено в железнодорожные эшелоны 478 тысяч 479 человек, в том числе 91250 ингушей. Погружено 177 эшелонов, из которых 159 эшелонов уже отправлено к месту нового поселения. Сегодня отправлены эшелоны с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые использовались при проведении операции. …Операция прошла успешно без серьезных случаев сопротивления. … Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. В связи с операцией лиц арестовано 842 чел.». В

этом же документе отмечается, «что за время подготовки и проведения операции арестовано 2016 человек антисоветского элемента из числа чеченцев и ингушей. Изъято огнестрельного оружия 20072 единицы, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов 479»[41].

Почему же, столь сложная операция по переселению большого количества людей прошла без серьезных актов сопротивления со стороны чеченского населения? Прежде всего, нужно отметить, что попытки вооруженного сопротивления были. Например, в донесениях командования НКВД указывалось, что в «Курчалойском районе при оказании вооружённого сопротивления убиты Басаев Абу Бакар и Нанагаев Хамид. У убитых изъяты: винтовка, револьвер и автомат.

При нападении на оперативную группу в Шалинском районе убит один чеченец и тяжело ранен один. В Урус-Мартановском районе при попытке к бегству убито четыре человека. В Шатоевском районе при попытке к нападению на часовых убит один чеченец. Легко ранены два наших сотрудника (кинжалами).

При отправлении эшелона СК-241 со ст. Яны-Кургаш Ташкентской железной дороги спецпереселенец Кадыев пытался бежать из эшелона. При задержании Кадыев пытался нанести удар камнем красноармейцу Карбенко, вследствие чего было применено оружие. Выстрелом Кадыев был ранен и в больнице умер. В целом же, в ходе депортации были убиты при сопротивлении или попытке к бегству всего лишь 50 человек»[42].

Кроме того, как отмечалось выше, операция очень тщательно готовилась в течение длительного времени при высокой степени секретности. Повстанческое движение, которое могло оказать реальное сопротивление войскам, проводящим выселение, было к этому времени фактически ликвидировано. В республике, как отмечает исследователь Синицын Ф. Л.,

"остались отдельные немногочисленные бандгруппы", состоявшие из "кадровых бандитов, махровых изменников Родины". Многие из них зимой 1943 - 1944 гг. переместились в крупные села и города, где жили по фиктивным документам, а некоторые даже устроились на работу. Значительная их часть вошла в общение с уголовно-преступным элементом, проститутками, проживала в трущобах и притонах. Часть бандитов жила по аулам, "прикрываясь, как мирные жители"[43].

Свою определяющую роль, на мой взгляд, сыграло и то обстоятельство, что власти весьма грамотно и эффективно использовали религиозных авторитетов для того, чтобы объяснить населению бесполезность сопротивления, которое может привести к напрасным жертвам. Был разработан подробный план использования видных религиозных деятелей Чечни и Ингушетии Яндарова Абдулхамида, Гайсумова Аббаса, Арсанова Бауддина и др. для проведения разъяснительной работы среди чеченцев и ингушей в целях предотвращения возможных попыток сопротивления. Ниже приводится документ, впервые введенный в оборот Келематовым А. в свой книге «Чечня. В когтях дьявола или на пути к самоуничтожению. История, аргументы и факты глазами очевидца». Несмотря на то, что в центральных архивах РФ этот документ не обнаружен, в его подлинности не приходится сомневаться, так, как, по свидетельству многих наших информаторов непосредственных жертв выселения, такая работа вышеназванными почитаемыми людьми действительно проводилась. Кроме того, наличие этого документа подтверждает, на мой взгляд, и «Докладная записка Сталину от 22.02. 1944 г.», где Берия пишет, что им «проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии высшими духовными лицами Арсановым Баудином, Яндаровым Абдул-Гамидом и Гайсумовым Аббасом, которым также было

объявлено о решении правительства и, *после соответствующей обработки, предложено провести необходимую работу среди населения через связанных с ними мулл и других местных «авторитетов» (выделено мной – М.И.)*[44],

ПЛАН
Использования религиозного авторитета секты «СОЛСА ХАДЖИ» Яндарова Абдулхамида

Яндаров Абдулхамид является наследником шейха «Солса Хаджи», проживает в селе Урус-Мартан. Имеет мюридов – местных авторитетов в Шатоевском, Атагинском , Урус-Мартановском и Галанчожском районах Чечни. Мюриды, через которых он осуществляет влияние на население, проживают в следующих населенных пунктах:
1. ШАТОЕВСКИЙ РАЙОН: Барзой, Варанды, Нихалой, Сураты и Харсеной.
2. АТАГИНСКИЙ РАЙОН: Чишки, Дуба-юрт, Дачу-Барзой, Новые и Старые Атаги.
3. УРУС-МАРТАНОВСКИЙ РАЙОН: Гойты, Алхазурово, Гехи, Мартан-Чу, Танги-Чу.
4. ГАЛАНЧОЖСКИЙ РАЙОН: Мераджой и Ялхорой.

Для выполнения задания Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР БЕРИЯ Л.П. Яндаров Абдулхамид направляется на автомобиле «ВИЛИС» по следующему маршруту:
А). 19-го февраля с.г. выезжает из г. Грозного в селение Урус-Мартан, где в течении 20 февраля проводит беседу со своими людьми из селений Гойты, Гехи, Алхазурово, Мартан-Чу, Танги-Чу и Урус-Мартан.
Б). Одновременно его связники – БАУДДИНОВ Ваха и ДАЦАЕВ Абдурахман 19 февраля выехали в Атагинский и

Шатоевский районы для того, чтобы обеспечить сбор нужных Абдулхамиду Яндарову людей по Атагинскому в 8 часов утра 21-го февраля и Шатоевскому району в 12 часов дня того же числа.

В). 21-го февраля Яндаров выезжает в Атагинский район, где проводит беседу со своими людьми и оттуда выезжает в Шатой. После проведения беседы в Шатое выезжает обратно в Урус-Мартан, где встречается с вызванными им на вечер 21-го февраля мюридами из селений Галанчожского района.

По окончании беседы с людьми из Галанчожского района, Яндаров ночью с 21-го на 22 февраля является в г. Грозный для доклада о проделанной работе и получения дополнительных заданий.

Яндарову предложено в Урус-Мартановском р-не связаться с Начальником Районной оперативной группы тов. ПОКАТИЛО; - Атагинском районе – с тов. МИХАЙЛОВЫМ и Шатоевском районе – с тов. ДОБРЫНИНЫМ.

Перечисленные товарищи предупреждены о проводимой Яндаровым работе и с необходимостью связаться с ним для оказания необходимой помощи.

Для того, чтобы его не задержали патрули, НКГБ ЧИАССРвыдал ему соответствующее удостоверение.

Яндаров предупрежден о необходимости из каждого района связаться по телефону с НКВД ЧИАССР.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЧИАССР, КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – подпись (ДРОЗДОВ)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПОЛКОВНИК – подпись (РУДАКОВ)

20 февраля 1944.

Особая папка № 52-13 стр. 79
Совершенно секретно

ПЛАН
Использования авторитета секты «СУГАИП-МУЛЛЫ» Гайсумова Абаса

I
Гайсумов является наследником Шейха «СУГАИП-МУЛЛЫ», проживает в селении Таузень, Веденского района, пользуется большим авторитетом среди населения Введенского района и Шалинского района, где имеет своих мюридов – местных авторитетов беспрепятственно выполняющих его указания.

II
Для выполнения задачи поставленной Народным Комиссаром Внутренних Дел Союза ССР БЕРИЯ Л.П. Гайсумов на автомобиле «ВИЛИС» в сопровождении Начальника Веденского РО НКГБ тов. КОНЬКОВА 20-го февраля с.г. в 18 часов выехал в Веденский и Шалинский районы, где проведет согласно им же намеченному плану следующую работу с авторитетами.
1). 20-го февраля в хуторе Таузень Введенского района собирает своих людей – Заурбека КАИМОВА, Боша АБУЕВА из сел. Агишты, Алаудина ТАЙСУМОВА, Магомеда МЕЖИЕВА из сел. Махкеты, Абдулхалима ИБАХАЕВА, Уздерби ЯЗИДОВА из сел. Белгатой Веденского района.
Сбор людей обеспечивает через собственных сторонников Гайсумова Абаса, а также Начальника Введенской районной опергруппы тов. ЮХИМОВИЧА, который предупрежден о необходимости оказать помощь Гайсумову А. – сбор людей, предоставление средств передвижения и поддержание связи.

2). 21-го февраля в селении Шали встречается с Абдумуслимом ПИРИЕВЫМ, Исмаилом ИСМАИЛОВЫМ, Умаром ДЖЕБРАИЛОВЫМ из сел. Шали и Магомадом САИДОВЫМ, Юсупом ИСАЕВЫМ из сел. Белгатой Шалинского района.
Начальник опергруппы Шалинского района т. ЖУКОВ предупрежден, что к нему явится Гайсумов Абас и осведомлен о характере проводимой им работы.
Гайсумов проинструктирован и получил указание в разговорах с авторитетами – известное ему от т. МОЛЛАЕВА решение Советского Правительства о переселении чеченцев и ингушей не упоминать и, чтобы авторитеты обеспечивали выполнение населением любых требований представителей власти, НКВД и военного командования независимо от характера этих требований.
После выполнения настоящего плана Гайсумов должен прибыть в гор. Грозный за получением дальнейших указаний.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЧИАССР
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – подпись (ДРОЗДОВ)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – подпись (РУДАКОВ)

20 февраля 1944

Особая папка № 52-13 стр. 77
Совершенно секретно

ПЛАН
Использования религиозного авторитета секты «ДЕНИ-ШЕЙХА» Арсанова Бауддина

Арсанов Бауддин является наследником шейха ДЕНИ АРСАНОВА, проживает в селении Шалажи Ачхой-Мартановского района. Имеет мюридов – местных авторитетов во всех районах Ингушетии, а также Надтеречном, Старо-Юртовском и Ачхой-Мартановском районах Чечни.
Мюриды, через которых он осуществляет влияние на население проживают в следующих населенных пунктах:
1).ПРИГОРОДНЫЙ РАЙОН: Базоркино, Ахки-Юрт, Ангушт, Галгай, Камбилеевка, Плиево.
2). НАЗРАНОВСКИЙ РАЙОН: Сурхахи, Экажево, Барсуки, Назрань.
3). ГАЛАШКИНСКИЙ РАЙОН: Мужичи, Верхний и Нижний Алкун, Галашки.
4). ПСЕДАХСКИЙ РАЙОН: Кескем, Сагопши и Пседах.
5). АЧАЛУКСКИЙ РАЙОН: Кантышево, Далаково и Ачалуки.
6). СУНЖЕНСКИЙ РАЙОН: Яндырка и Алхасты.
7). НАДТЕРЕЧНЫЙ РАЙОН: Али-Юрт, Бено-Юрт и …-Юрт.
8). АЧХОЙ_МАРТАНОВСКИЙ РАЙОН: Шалажи, Бамут, Валерик, Янды, Катыр-Юрт и Ачхой-Мартан.
9). СТАРО-ЮРТОВСКИЙ РАЙОН: Ады-Юрт, Шеди-Юрт, Кени-Юрт.

Для выполнения задания Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР товарища БЕРИЯ Л.П. Бауддин Арсанов направляется на автомобиле «ВИЛИС» по следующему маршруту:
А). 19-го февраля с. г. выезжает из гор. Грозного в селение Шалажи Ачхой-Мартановского района, где утром 20 февраля собирает своих людей из селений Катыр-Юрт, Янды, Шалажи, Бамут и Валерик.

Б). После беседы из Шалажей 20-го февраля выезжает в селение Базоркино Пригородного района, где встречается с крупными авторитетами – Кази-муллой ГАНТАМИРОВЫМ, Товси-муллой и Али АРСАНОВЫМ и выезжает в Н. Ачалуки, Пседах и Кескем.
В Ачалуках беседует с авторитетами из сел. Кантышево и Далаково.
Перечисленные выше пункты располагаются на близком расстоянии друг от друга.
В). Из Н. Ачалуков выезжает в пригородный район, где вечером в Ахки-Юрте встречается с ..., ... ПАРАГУЛЬГОВЫМ и Гумки ПАРАГУЛЬГОВЫМ, а также с людьми из Ангушта, Галгая и Камбилеевки.

Г). В ночь на 21-е февраля выезжает из Ахки-Юрта в селение Мужичи, Галашкинского района – встречается там с ГАЛАЕВЫМ Исой из сел. Н. Алкун.
Д). 21-го февраля из сел. Мужичи выезжает в Надтеречный район и Старо-Юртовский район, где встречается с авторитетами из селений: Ады-Юрт, Кени-Юрт, Али-Юрт, Бено-Юрт и Мекень-Юрт. После чего направляется в гор. Грозный за получением дополнительных заданий.

Арсанову Бауддину предстоит: в Ачхой-Мартановском районе связаться с начальником районной оперативной группы тов. ГРУШКО; Пригородном районе явиться к тов. ТЕКАЕВУ; Галашкинском районе – тов. МЕЩАНОВУ и Надтеречном районе – к тов. МАРКЕЕВУ.

Перечисленные товарищи предупреждены о проводимой Арсановым Б. работе и о необходимости связаться с ним для оказания необходимой ему помощи.
Для того, чтобы его не задержали патрули, НКГБ ЧИАССР выдал ему соответствующее удостоверение.

Арсанов предупрежден о необходимости из каждого района связываться по телефону с НКВД ЧИАССР и докладывать о выполнении порученных ему заданий.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЧИАССР
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – подпись (ДРОЗДОВ)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ – подпись (РУДАКОВ)

20 февраля 1944»[45].

Некоторые авторы пытаются обвинить этих религиозных деятелей в пособничестве властям, в поддержке акта выселения чеченского народа. Не могу с этим согласиться. Это были глубоко верующие, высокообразованные, искренне болеющие за свой народ, достойные во всех отношениях люди. Они понимали какая жестокая трагедия постигла их народ, но понимали и то, что в этой ситуации они могут уберечь его от напрасных жертв только призывая к покорности воле Всевышнего, который уготовил для него такое тяжелое испытание. По рассказам наших информаторов они говорили: «Советская власть «Чудовище пожирающее народы». Чеченцев власть выселит непременно. У горцев же два выбора - продолжить сопротивление, в котором они погибнут все до одного, или покориться и погибнуть наполовину. Не навлекайте на себя месть власти она не бессмертна, срок ее жизни ограничен. Наше спасение в ожидании, когда она сама развалится».

5 марта 1944 года Комиссар госбезопасности 3 ранга Гвишиани докладывает Заместителю наркома внутренних дел СССР генерал-полковникуАполлонову о

завершении и запоздавшей операции по выселению чеченцев и ингушей из Галанчожского района. «Переселено 7255 чел. … По справкам и предписаниям НКВД-НКГБ ЧИ АССР арестовано 30 человек, убито 18 человек (подлежавших аресту)…До операции и во время ее в районе имели место несколько перестрелок наших войск с бандитами. В результате убито 18 человек, с нашей стороны убито 4 человек (средний командир и 3 рядовых), ранено 2 красноармейца.. Из числа переселяемых в пути умерло и убито 19 человек»[46].

28 февраля 1944 года последовал приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР «О мероприятиях в связи с окончанием операции по выселению из Чечено-Ингушской АССР».После успешно проведенной операции ставилась новая задача – обеспечить порядок и охрану горных районов республики. В этих целях создавались четыре оперативно-чекистские группы: Шатоевская, Веденская, Галанчожская и Ножай-Юртовская в составе 10 человек каждая. В придачу этим оперативным группам в районах сохранялись гарнизоны войск НКВД численностью до ротного состава каждый. Остальные войска, принимавшие участие в операции по выселению чеченцев и ингушей, возвращались к местам постоянной дислокации[47]. Большой трагедией для сотен семей стало их разлучение с родными и близкими, потеря родственников на этапе препровождения к эшелонам и в самой дороге в Казахстан и Киргизию.

Долгим, трудным и трагичным был путь спецпереселенцев в Среднюю Азию и Казахстан. Люди ехали в товарных вагонах предназначенных для перевозки скота. В них почти не было нар, печей для отопления. Там, где были нары, ложили больных и стариков.Женщины и дети сидели на полу. Молодежь ехала стоя. Вместо необходимых 15207 вагонов было выделено и отправлено только - 12525. По предложению руководства железной

дороги и 3-го Управления НКГБ СССР, с учетом большого количества детей среди спецпереселенцев, было произведено уплотнение «спецконтингента» с 40 до 45 человек в каждом вагоне. А в действительности, в товарные вагоны - «теплушки» набивали и до 80 человек. Как с гордостью докладывал заместителю наркома внутренних дел Б. Кобулову начальник 3-го Управления НКГБ СССР Мильштейн, в результате «было сэкономлено значительное количество вагонов, оборудования (ведер, досок,печей и т.д.), а именно: досок - 37548 шт., ведер – 11834, печей – 3500 шт.[48]. При большом скоплении людей в вагонах, антисанитарных условиях следования тысячи людей заболевали и умирали в дороге. Гибли в основном старики и дети, причина – истощение, инфекционные заболевания, воспаление легких.Это обстоятельство отмечается в рапорте начальника конвойных войск НКВД СССР Бочкова на имя Л. Берия от 21 марта 1944 года «Отправка эшелонов в пункты назначения началась 23.2.44 г. и закончена 20 марта с.г. Срок пребывания эшелонов в пути составлял от 9 до 23 суток, а в среднем 16 суток. Сдано в пунктах назначения 180 эшелонов – 491748 человек. В пути следования народилось 56 человек, сдано в лечебные заведения на излечение 285 человек, умерло 1272 человека… Причинами смертности в пути являются:

1. Преклонный и ранний возраст переселяемых, вследствие чего отсутствовала необходимая сопротивляемость их организма изменившимся атмосферным и бытовым факторам.
2. Наличие среди переселяемых больных хроническими заболеваниями (пороки сердца с явлениями декомпенсации, склероз мозговых сосудов, туберкулез, язвенная болезнь желудка и др.)
3. Наличие физически слабых от рождения или перенесших разные изнуряющие болезни[49]. Трудно

поверить в то, что сопровождавщие эшелоны лица действительно устанавливали причины смерти погибших в пути переселенцев. По крайней мере, в воспоминаниях переселяемых или каких –либо доступных документах не отмечено ни одного случая осмотра медработниками умершего, с целью установления причины летального исхода. В приведенном выше документе ничего на сказано о других причинах смерти перевозимого контингента, хотя там есть приписка «Происшествия в пути», где Бочков докладывает что имело место «Заболевание переселяемых сыпным тифом, вследствие чего от 35 эшелонов было отцеплено 70 вагонов (2896 человек) для изъятия заболевших и проведения санитарной обработки. После чего эти вагоны были прицеплены к другим проходящим эшелонам»[50]. Хоронить умерших или оставаться с ними в местах, где их снимали с поезда, категорически запрещалось. Некоторых умерших удавалось закапывать в снег рядом с железнодорожными путями во время коротких остановок. Не отданный родным последний долг причинял людям дополнительные мучения: по чеченским обычаям и по шариату, могилы предков и близких были священны. Как рассказывали родители автора этой книги, в дороге, где-то после Сталинграда, умер их первенец – шестимесячный Майрбек. Вроде бы не болел. С вечера хорошо поел и уснул. Утром мать нашла его мертвым, наверное переохладился – в вагонах было очень холодно. Дядя отца, Сайд-Альви, который еще в 30-е годы прошел через лагеря Беломорканала, рискуя быть расстрелянным, взял трупик к себе, положил его рядом и довез до Актюбинска, а там предал земле. Наша мать Ибрагимова Рукият, до самой смерти своей в 1994 году, много раз с благодарностью рассказывала об этом поступке Сайд-Альви Тушалаева.

В своих воспоминаниях о выселении жительница с. Шали Дакаева Айна 1935 года рождения рассказывала: *«В*

дороге умирало много людей. Помню женщину из соседнего вагона, у которой умер сын, его как и всех остальных умерших выгрузили из вагона на землю. Эта женщина мне запомнилась тем,что она не смогла оставить труп своего сына и уехать с нами. Она сидела рядом с ним на снегу и тихо плача смотрела нам вслед»[51].

Уроженец села Урус-Мартан Исрапилов Хамид 1929 года рождения вспоминал*: «Когда поезд тронулся, в каждом товарном вагоне выбирали тех, кто хорошо знал русский язык. Из таких людей был и я, так как учился уже в 7-ом классе. Мне поручили в определенное время раздавать поровну между едущими в вагоне хлебные сухари. На больших станциях давали и горячую пищу – кашу или похлебку. Но еды не хватало. Было голодно. По пути от февральского холода люди заболевали и умирали. Погибших на каждой остановке просто выбрасывали из вагона на снег и не давали хоронить. Большинство переселенцев старались спрятать тела своих погибших родственников от глаз солдат. Но долго держать трупы в неизвестности никому не удавалось, так как вагоны тщательно проверяли на каждой остановке.»[52].* По официальным данным НКВД - всего в пути умерло из чеченцев и ингушей 1361 человек, было госпитализировано 1070 человек[53]. Данные об умерших переселяемых приводимые в различных официальных источниках не совпадают друг с другом, но эта разница небольшая – порядка 70-100 человек. На самом деле, как отмечают многие исследователи потерь было значительно больше. Об этом свидетельствуют и многочисленные воспоминания очевидцев.

С другой стороны, были и люди, которые более или менее благополучно добрались до места переселения. Как рассказывала уроженка Итум-Калинского района Гайтукаева Яха, во время выселения ей было 10 лет. Жили

они в одном из хуторов Итум-Калинского района. 22 февраля 1944 года в районном центре провели совещание с активом и сообщили о предстоящем 23 февраля выселении. Присутствовавший на этом совещании ее отец Ати, вернувшись домой сразу же начал приготовление к отъезду. Предупредили соседей и родственников, которые стали готовить теплую одежду, еду и все необходимое в дорогу. Их отец забил корову, а мясо изрядно посыпав солью сварил, а дядя зарезал овец, отрезал курдюки и сложил их в мешки. Мама из домотканых ковров (истангаш) сшила чулки для всех своих детей. А их было пятеро–трое девочек и два мальчика. Люди до утра готовились к предстоящей дороге. Утром всех собрали в центре села, посадили на машины и отвезли на железную дорогу, где посадили в товарные вагоны, холодные и грязные. «*Наша мать была большая мастерица, продолжает свой рассказ Яха,-она затопила печь в вагоне и приготовила много еды, которой угощала не только нас, но и всех кто оказался в нашем вагоне. Дядя посолил курдюки, повесил их для вяления возле печки. И таким образом, этих курдюков нам хватило до конца нашего пути. Ехали мы около двух недель и выгрузились в Кзыл-Орде, Казахской ССР. С нашего вагона в дороге никто не умер, но мы слышали, что много людей умерло в пути от холода и голода»[54].*

Наверное этим людям повезло, судьба сжалилась над ними. Но это было редким исключением из ряда трагической закономерности этого печального пути.

В середине марта 1944 года на места назначения стали прибывать первые эшелоны с переселенцами. Последний же - 180-й эшелон, с выселенными чеченцами и ингушами,- встал под разгрузку на станцию Риддер Томской железной дороги 20 марта 1944 года. На 21 марта 1944 года в места расселения всего было доставлено - 494456 человек, из них в Казахскую ССР прибыло 147

эшелонов, в составе 405941 человек; в Киргизскую ССР - 33 эшелона в составе 88515 человек. По областям – в Казахскую ССР было принято и разгружено:

Джамбульскую область - 16225 человек
Алма-Атинскую область - 30839 человек
Восточно-Казахстанскую область - 33383 человек
Северо-Казахстанскую область - 39021 человек
Южно-Казахстанскуя область - 21037 человек
Кзыл-Ординскую область - 26594 человек
Кустанайскую область - 45768 человек
Актюбинскую область - 20337 человек
Семипалатинскую область - 32124 человек
Павлодарскую область - 42127 человек
Акмолинскую область - 59988 человек
Карагандинскую область - 38498 человек

По областям – в Киргизскую ССР прибыло:

Джалал-Абадскую область – 23820 человек
Ошскую область - 29226 человек
Фрунзенскую область - 35469 человек[55].

На 9 июля 1944 года данные о переселенных чеченцах и ингушей несколько изменились. Как докладывал Берия Сталину к этому времени численность переселенных чеченцев и ингушей составляла 496460 человек[56]. Это увеличение скорее всего связано с тем, что НКВД удалось депортировать в места ссылки оставшихся и скрывавшихся в горах чеченцев и ингушей.

Примечания

1.Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М. 2012. С.333.
2.Там же.
3.См.: Бугай Н.Ф. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России// Отечественная история.1992,N 4.

4.Н.Бугай Депортация народов//http://scepsis.ru/library/id_1237.html. 15.04.2014.
5.Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 306–308.
6.Ошаев Х.Д. Брест – орешек огненный. Грозный, 1990. С. 11.
7.Бугай Н.Ф.. Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопросы истории.1990.№7. С.79-80.
8.Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГУ, 1997. С. 262.
9.Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1993. С. 122–123.
10.Гакаев Х.А. Депортация чеченского народа//Национально-государственное строительство в Чечне:история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни.-Грозный. 30 ноября-1 декабря 2012 г. С.134.
11.Гакаев Хамзат. Депортация вайнахов: правда и вымысел//Ичкерия. 1998. №1. С. 70–71.
12.Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии/Вступит.ст.,сост.,послесл. Н. Бугай. М. 1992. С.10-11.
13.Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.-Саратов. 2003. С.38.
14.Исторический архив.2000.№3. С.67-68.
15.Гакаев Хамзат. Депортация вайнахов: правда и вымысел//Ичкерия. 1998. №1. С.72.
16.См. Витковский А. «Чечевица» или семь дней чеченской зимы 1944 г. // Служба безопасности. Журнал ФСБ РФ. 1996. №1–2. С. 18–19.
17.Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Указ.соч. С. 40–41.
18.ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 166.
19.2-ой оперативный сектор включал в себя Надтеречный, Галашкинский, Галанчожский и Ачхой-Мартановский районы выселения чеченцев и ингушей
20.Исторический архив. 2003. №3. С.80-81
21.ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.64.Л.167-168
22.Полевой материал кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета. Автор –студентка группы АРХ-08 Сайтхажиева С.У.
23ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 165.
24.Исторический архив. 2000.№3. С.68.
25.ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.2.Д.64.Л.168

26.Исторический архив. 2000.№3. С.68.
27.Алексей Еськов. Зарубка на сердце//Спортивная жизнь России. 1989.№1. С.3.
28.Полевой материал студенческого научного кружка кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета. Записала Юсупова Милана-ЭНГ-12.
29.Грозненский рабочий 1990. 23 февраля.
30.Полевой материал студенческого научного кружка кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета . Записала студентка Хасуева Элина.
31.Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф.Р-9401, оп.2, д.64,л.165.
32.Так это было. Т. 2. М., 1993. С. 175–176.
33.Грозненский рабочий.1990. 10 января.
34.Т. Идаев. Боль обугленных сердец.//Теркйист. 23 февраля, 1994 года.
35.Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД» //Исторический архив.2000.№3. С.69.
36.См.: Живая память: О жертвах сталинских репрессий. Автор-составитель Д. Хожаев. Грозный: «Книга» 1991.-88 с.
37.Так это было. Том II. М., 1993. С.122-123.
38Дзияудин Мальсагов. Инквизиция.//Комсомольское племя. 24 августа 1989 г.
39.См.: У. Идрисова. Данко чеченского народа.// Вести Республики. 23 февраля 2007 г.
40.Кровавый пепел Хайбаха //Вести Республики. 23 февраля 2007 г.
41.ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.64. Л. 161.
42.См.:Витковский А. «Чечевица» или семь дней чеченской зимы 1944 года // Служба безопасности. 1996. №1–2. С.19-21
43.Вопросы истории, № 2, Февраль 2011, С. 32-51.
44.ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.64. Л.166.
45.См.: Келематов А.Чечня. В когтях дьявола или на пути к самоуничтожению. История, аргументы и факты глазам очевидца.М.,2004.-576с.
46.Исторический архив. 2000.№3. С.79-80.
47.ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.3. Л.325-328.
48.Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии/Вступит.ст.,сост.,послесл. Н. Бугай. М. 1992. С114-115.

49.Сталинские депортации. 1928-1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; М.; МФД: Материк, 2005. С. 468.
50.Там же.
51.Полевой материал студенческого научного кружка кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета. Записала Сулейманова С.Р.-ИЭТ-08
52.Там же. Записал Исрапилов Бекхан – АНП-08
53.ГАРФ. Ф.Р- 9479. Оп.1.Д.182.Л.234-234об.
54.Полевой материал студенческого научного кружка кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета. Записал Батаев Муслим – ГМФ-12.
55.ГАРФ 9479. Оп1. Д.182.Л.234-234 об.
56.Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало Х1Х – середина ХХ в.) М. 2011. С.746.

Глава 2. Чечено-Ингушетия после выселения чеченцев и ингушей

2.1.Раздел территории, и ее заселение новыми «колонистами»

Характерно, что Указ Президиума Верховного Совета СССР о депортации чеченцев и ингушей последовал лишь 7 марта 1944 года, когда она фактически была уже завершена. Одновременно ЧИАССР была упразднена, а большая часть ее территории вошла в состав Ставропольского края в качестве Грозненского округа. В состав этого округа включались бывшие районы Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский, в существующих границах, Гудермесский, за исключением восточной части, Сунженский, за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский, за исключением южной части этих районов, и северо-западная часть Курчалоевского района. Одновременно в его состав добавили северо-восточные районы Ставропольского края, населенные ногайцами, даргинцами, кумыками и русскими. (До 1937 года эти земли принадлежали Дагестану)[1].

22 марта последовал новый Указ, согласно которому образовывалась Грозненская область с центром в городе Грозный, и ликвидировались Грозненский и Кизлярский округа Ставропольского края. Кроме районов, ранее вошедших в Грозненский округ, в ее состав включались город Кизляр и районы: Ачикулакский, Караногайский, Каясулинский, Кизлярский и Шелковской бывшего Кизлярского округа, а также Наурский район, выделенный из состава Ставропольского края[2].

Высокогорная часть юго-западной территории ЧИАССР, по северным склонам Главного Кавказского хребта — Итум-Калинский район, западная часть Шароевского района, южная часть Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов вошли в состав Грузии. Веденский, Ножай-Юртовский Саясановский, Чеберлоевский, Курчалоевский и Шароевский районы и восточная часть Гудермесского района вошли в состав Дагестанской АССР. В состав Северной Осетии были включены Малгобек, Ачалукский, Назрановский, Пседахский районы, часть Пригородного и Сунженского районов.

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года, предполагалось выплачивать материальное возмещение за «имущество, принятое на Северном Кавказе», из расчета до 1000 рублей на семью (в то время, как их оставленное в родных местах имущество оценивалось десятками тысяч рублей). Только скота и зерна было принято от переселенцев из бывшей ЧИАССР в следующем количестве:

Принято зерна – 43925 тонн
Принято рабочего скота:
лошадей – 14068 голов,
волов – 14539 голов,
буйволов – 2577 голов,
верблюдов – 14 голов,
ослов – 1804 головы.
Помимо того принято:
крупного рогатого скота – 211300 голов,
овец – 215000 голов[3].

Средняя же сумма выплаты составляла от 40 до 100 рублей, да и то выплачивалась далеко не всем. На эти деньги тогда можно было купить пару буханок хлеба.

Важно подчеркнуть, что при выселении не делали исключений из общего правила: выселялись все

представители данных народов, колхозники и рабочие, творческая интеллигенция, известные на всю страну стахановцы и писатели, руководители республики, Герои Советского Союза, защищавшие общую Родину с оружием в руках. «Социальная справедливость» заключалась, лишь в том, что одни ехали к местам назначения в «теплушках», а другие - в пассажирских составах.

Не менее важным наказанием, чем сама депортация, стало формирование общественного мнения во всей стране о пострадавших народах, как о «бандитах», «головорезах», «врагах партии и народа», «немецко-фашистских пособниках» ит.п. Высланные горцы боялись вести разговоры о Кавказе, довоенной жизни, о традициях и обычаях своих народов.

В рамках проводимого политического курса естественным выглядел и другой аспект депортации — уничтожение самой памяти о живших здесь веками народах. Из домов горцев, мечетей, музеев забирались ценные украшения, старинное оружие, древние рукописи, религиозно-философские трактаты, арабоязычные книги по математике, астрономии, медицине, исторические хадисы, древние предания на арабском и родных языках, светская художественная литература и многое другое. Причем, если материальные ценности отправлялись в неизвестном направлении, то книги, рукописи, предметы национальной культуры находили свое место на свалках или в кострах.

Так, в Чечено-Ингушетии было уничтожено большинство этнографических памятников на территории, где жили предки чеченцев и ингушей. Здесь массовому уничтожению подверглись кладбища, сотни тысяч надгробных памятников были вывезены и использованы в качестве бордюрного камня при строительстве дорог и мостов. Безжалостно и целенаправленно уничтожались

горные средневековые замки, башни, склепы, мечети. Из 300 башен Аргунского ущелья уцелело менее 50[4].

Репрессированные народы оказались не просто забыты, но их постарались вычеркнуть даже из справочных и энциклопедических изданий. После завершения операции по депортации чеченцев и ингушей, их земли, дома, имущество, скот стали передавать поселенцам , главным образом, из Ставропольского края, Дагестана, Южной Осетии, Ростовской области, отчасти из Краснодарского края. Следует отметить, что процесс переселения и хозяйственного возрождения территории Чечено-Ингушетии протекал крайне медленно, что отрицательно сказывалось на развитии сельского хозяйства и промышленности региона.

В этих условиях власти стали определять планы переселения. Согласно установкам Грозненского обкома ВКП(б), уже до 15 апреля 1944 года было запланировано разместить на территории бывшей ЧИАССР 8 тысяч хозяйств колхозников из Ставропольского края. Удалось же организовать лишь 6100 таких хозяйств. Даже к середине мая, несмотря на предпринятые партийным руководством Грозненской области меры, количество хозяйств переселенцев в ней составляло лишь 40% от имевшихся до выселения коренных жителей ЧИАССР. К этому времени незаселенными полностью оставалось 22 села, а еще 20 -были заселены на 10-12%. Почти 10 тысяч домов пустовали, кроме того еще около 1500 домов пришли за это время в негодность. В одной из сводок НКВД сообщалось: «…После выселения чеченцев и ингушей часть населенных пунктов, в особенности плоскостные и у коммуникационных дорог заселены: Пригородный, Назрановский районы – осетинами, Чеберлоевский, Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский и ближе к плоскости Шалинский и

Курчалоевский – дагестанцами. Остальные районы, относящиеся к Грозненской области, плоскости и предгорья заселялись в основном русскими из Ставропольского края. Часть жителей в этих районах остались – это тавлины (народ Дагестана) и кабардинцы…»[5].

Люди не всегда выражали готовность к переезду, даже противились этому, по разным причинам, чаще надуманным, уезжали обратно. Архивные материалы подтверждают, что переселение на земли соседей во многих случаях носило «добровольно-принудительный» характер. Но достаточно было и людей, желающих переселиться в освободившиеся районы, особенно в плоскостные. Каждому району, колхозу «спускались» наряд-задания на определенное количество семей, «желающих» переселиться в новые районы. Разумеется, во многих хозяйствах необходимое количество желающих не находилось, но планы нужно было выполнять любым способом.Поэтому наряду с поощрительными применялись и принудительные меры.

На основании распоряжения СНК СССР от 11 марта 1944 года, Совнарком Дагестанской АССР обязывался переселить до 25 апреля 1944 года в бывшие чеченские районы, включенные в состав республики, 5000 хозяйств. Помимо этого, намечалось в Ауховский район, откуда были высланы чеченцы-аккинцы, переселить еще 1300 хозяйств из высокогорных районов Дагестана. Однако на пути решения этих задач власти столкнулись со множеством проблем. На Пленуме Дагестанского обкома партии отмечалось, что «заселение районов осуществлялось в тяжелых условиях». Просьбы Дагестанского руководства выделить на один месяц 100 грузовых автомашин и 150 тонн бензина для перевозки переселенцев в районы бывшей ЧИАССР и Ауховского района Дагестанской АССР были отклонены. В Москве

посчитали, что дагестанцы могут 150 километров проехать лошадьми и волами, тем более другие края и области с подобного рода просьбами не обращались. Отношение к переселяемым дагестанцам со стороны кремлевских правителей не многим отличалось от отношения к чеченцам и ингушам. На присоединенной к Дагестану территории в трех районах (Веденском, Андалалском и Ритлябском) были размещены андийцы, годоберины, чамалалы, тиндалы, хваршины, цезы, бежтинцы, гинухцы, гунзибцы, ахвахцы, каратинцы и аварцы из Ботлихского, Цумадинского, Цунтинского, Ахвахского, Кахибского, Тляратинского, Гумбетовского, Чародинского, Хунзахского, Гунибского, Буйнакского и Унцукульского районов (более 40 тысяч человек).

В эти же районы были переселены также бежтинцы, гинухцы и аварцы, жившие до 1944 года в Кварельском районе Грузинской ССР (более 3 тысяч человек). И, наконец, в четвертом (Шурагатском) районе были расселены даргинцы и кайтагцы из Акушинского, Сергокалинского, Левашинского, Дахадаевского и Кайтагского районов (более 10 тысяч человек). В бывший Ауховский и Хасавюртовский районы внутри ДАССР переселились около 13 тысяч лакцев, аварцев и кумыков[6]. Депортация чеченского и ингушского народов привела к трагедии многих других людей, насильственно переселенных на многострадальные земли вайнахов. За короткий промежуток времени несколько тысяч лакцев, аварцев и других горцев умерли в новых местах поселения от малярии. В Постановлении СНК Дагестанской АССР отмечалось, что среди населения Новолакского, Андалалского, Ритлябского и Шурагатского районов в августе 1944 года было до 7500 случаев заболевания малярией.

С 1944 по 1947 год от малярии и других инфекционных болезней умерло более 2 тысяч насильно

переселенных горцев (в основном лакцев). К этому следует добавить, что 15 населенных пунктов в Лакском и Кулинском районах исчезли с карты Дагестана[7].

Секретарь Грозненского обкома ВКП(б) П. Чеплаков неоднократно выступал с предложением о дополнительном переселении колхозников в бывшую ЧИАССР с территории республик и областей центральной России, в частности, 5000 хозяйств из малоземельной Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Рязанской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей[8].

В 1946 году число переселенных хозяйств на территории Грозненской области пополнилось еще 2404 хозяйствами. В 1947 году областью были приняты еще 1488 хозяйств.А всего за 1944 по 1948 гг. вселилось на территорию бывшей ЧИАССР 16329 хозяйств[9].

За период с 1944 по 1956 гг.было переселено в районы, вошедшие в Грозненскую область, из РСФСР, Украины, Молдавии 78000 человек. На территорию, отошедшую к Дагестанской АССР, переселилось из высокогорных районов республики от 46000 до 61000 горцев В районы, включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселилось 55000 человек. Территория, отошедшая к Грузинской ССР, оставалась незаселенной[10].

Многие народы, жившие рядом с чеченцами и ингушами с сочувствием отнеслись к их беде. Так, часть горских евреев категорически отказались занять освободившиеся дома своих высланных соседей – чеченцев. Настоятель иудейской общины Грозного Давид Моисеевич Хазан говорил в 1992г.: «Все мы хорошо помним, как выселяли чеченцев и ингушей в 1944 году ... Как плакал весь наш маленький народ, тысячелетняя история которого полна погромов и выселений... Из дома в дом был передан наказ нашего рабби (священнослужителя) о том, чтобы никто не

смел прикоснуться к имуществу, оставшемуся от вайнахов, чтобы никто не вселялся в опустевшие дома[11]. Как писал историк А. Козлов в своей книге «Сталин прежде и теперь», сорок семей аварцев, веками жившие бок о бок с чеченцами в селах Урус-Мартановского района, в знак солидарности с ними по собственной воле отправились во главе с Абубакаром Магомадовым в места ссылки, чтобы там разделить с братьями все тяготы и беды. В станице Слепцовской казаки устроили своеобразные поминки по несчастным чеченцам - пели их старинные песни. В Пшав-Хевсурском районе грузины отслужили в своих церквах молебны по невинно пострадавшим чеченцам и ингушам. Несмотря на то, что укрывательство чеченцев строго каралось, все чеченцы Грузии были записаны кистинцами. Уходили туда чеченцы и после 23 февраля 1944 года. Там их фамилии охотно переделывались на грузинские. Полтора десятка грузин за предоставление убежища обреченным, были осуждены на 10 -15 лет тюрьмы и лагерей[12]. Кумыки, невзирая на преследования, бережно сохранили кладбища чеченцев, не дав тем самым осквернить ни одной могилы.

С благодарностью вспоминают чеченцы бывшего директора библиотеки им. А. П. Чехова, русского интеллигента, Ивана Сергеева. Когда в 1944 году солдаты начали бесчинствовать в библиотеке, а в сквер у Дворца пионеров в Грозном стали свозить и сжигать книги и бесценные рукописи на чеченском и ингушском языках, он, рискуя вызвать против себя и своей семьи репрессии, спасал их и в течение тринадцати лет хранил у себя, веря , что придет время, когда они будут возвращены людям, вернувшимся на родную землю[13].

Оставались без хозяйского ухода плодородные пахотные земли, пастбища и сады. Малочисленность населения, отсутствие в достаточном количестве опытных рабочих кадров и специалистов, негативно отражалось и

на работе Грозненской нефтяной промышленности. На предприятиях промышленной сферы Чечено-Ингушетии до 1944 года трудилось до 15 тысяч рабочих и специалистов из числа чеченцев и ингушей, из них в нефтяной отрасли – более 4-х тысяч человек. В нефтяной промышленности не хватало квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Из буровых бригад в 1944 г. убыло 426 специалистов, из них свыше 90 проценгтов-чеченцы и ингуши[14].

Начальник «Октябрьнефти» Рябов на собрании партийного актива Грозненского обкома ВКП(б) 2 апреля 1944 года отмечал: «То положение в нефтяной промышленности, которое произошло после спецпереселения, на нашем районе отразилось больше всего. Взять хотя бы вопрос бурения. Здесь выселили 65 процетов рабочих, по эксплуатационным промыслам Ойсунгура – 70 процентов. Уже проходит больше месяца и сейчас кадры этот район не укомплектовал. Если Октябрьский район пополнялся раньше за счет чеченцев и ингушей, то сейчас единственный вопрос: откуда мы можем брать рабочую силу? Мне сейчас в Ойсунгур нужно 150 рабочих разных квалификаций. Не хватает рабочих средней квалификации – операторов, помощников операторов. За первый квартал из-за плохого ухода за скважинами (нехватка рабочих) недобрали 14267 тонн нефти. Это свыше 5600 тонн бензина»[15].

2.2.Разграбление имущества высланных чеченцев

Серьезной проблемой для органов власти стало имущество оставленное чеченцами и ингушами. Его перераспределение повсеместно вызывало многочисленные факты хищений и злоупотреблений. Выступая на партийной конференции Грозненской области, начальник областной милиции Колесников

отмечал: “Хищения и растраты в области имеют место в большом размере. За 1944 год органами милиции привлечено к уголовной ответственности за хищения и растраты 1245 человек, из них по районам области —818. У расхитителей изъято денег более 700 тысяч рублей, зернопродуктов—до 170 тонн, промтоваров -на сумму до 200 тысяч рублей. Органами милиции привлечено к ответственности за спекуляцию 844 человек”[16].

Такое положение дел объяснялось обычно «наплывом преступных элементов» из других районов РСФСР. Отчасти это было верно. Но во многом способствовала злоупотреблениям и нарушениям законности и сама общественная атмосфера, сложившаяся в бывшей ЧИАССР. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что преступления, связанные с хищениями и злоупотреблением служебным положением, были совершены в том числе и ответственными работниками из числа партийного и советского актива Грозненской области. Таких примеров вообще, тем более во время войны до депортации, практически не было. Так, 16 марта 1944 года бюро Грозненского обкома ВКП(б) постановил: «За мародерство в период проведения операции по выселению чеченцев и ингушей, выразившееся в присвоении имущества и кукурузы оставшихся после переселенцев, за самовольный обмен лошадей и дискредитацию себя как работника юстиции – нарсудью Сунженского района Койда В.Т. с работы снять и из рядов ВКП(б) исключить»[17]. Только в июне-июле 1944 г. обком ВКП(б) исключил из партии как воров и расхитителей, секретаря Галашкинского РК ВКП(б) Погорелова, председателя райисполкома этого же района Тищенко, председателя райхозкомиссии по учету, охране и реализации хлеба, скота и имущества спецпереселенцев Лакеева, секретаря Ачхой-Мартановского РК ВКП(б) Цыганкова, начальника райотдела милиции Чекашина,

секретаря парторганизации вагонного депо Попандопуло. Были сняты с работы за аналогичные преступления и нарушения вторые секректари РК ВКП(б) в Атагинском и Шатоевском районах Морозов и Кущев, секретарь Атагинского райкома партии Кузнецов. Беспрецедентным выглядело снятие с работы и привлечение к ответственности первых секретарей Шатоевского и Урус-Мартановского райкомов партии Пария и Гленкова[18].

В этих условиях обком партии практиковал постоянные выезды с проверками областного партийного и советского актива в районы для контроля над положением дел и с целью остановить мародерство. Однако и члены комиссий, «пользуясь бесконтрольностью, зачастую всяческими путями набирали и приобретали для себя большое количество различного имущества». Важно отметить, что преступления, совершенные массой партийных и советских активистов, не только оставались без наказания, но даже не всегда фиксировались. Как отмечал в донесении в Москву первый секретарь Грозненского обкома ВКП(б) Чеплаков, «всех их теперь привлекать к ответственности просто невозможно, иначе будет потеряно много людей...»[19].

Аналогичным было положение дел и в Дагестане. По итогам проверки, осуществленной по поручению СНК РСФСР летом 1944 года, комиссия из Москвы прямо отмечала, что «к разрешению задачи бережного сохранения и хозяйственного использования имущества спецпереселенцев районные организации, Наркомфин ДАССР и Дагсоюз подошли непродуманно и безответственно, недооценив всей хозяйственно-политической важности этого вопроса». Даже спустя полгода после депортации чеченцев и ингушей и присоединения к Дагестану части ЧИАССР, так и не был налажен должный контроль за объемами поступившего

имущества спецконтингента. В этих условиях открывались самые благоприятные возможности для воровства и служебных злоупотреблений. Как отмечалось в упомянутой выше справке, «безудержное хищение и разбазаривание имущества спецпереселенцев, начавшееся вскоре после выселения, сейчас хотя и несколько спало, но это произошло вследствие того, что значительная часть лучшего и пользующегося наибольшим спросом имущества уже растащено или приведено в негодность». В республике даже в начале 1945 года никто так и не знал, сколько именно принято имущества спецпереселенцев местными комиссиями, какова сумма направленных в бюджет средств от реализации этого имущества.

Так, на 1 августа 1944 года, по данным Дагконторы Госбанка СССР, в бюджет по этой статье доходов поступило лишь 1,7 миллиона рублей. Между тем на складах только в Ново-Лакском районе, даже по первичным актам, находилось имущества на сумму в 3,2 млн.рублей, а в Веденском районе —на 2,7 млн.руб. Как и вГрозненской области, здесь районные партийные и советские власти не только не смогли организовать борьбу с хищениями, но и нередко сами «возглавили» ее. Так, и.о. председателя Ново-Лакского райсовета Юсупов Халид приехал в Бонай-Аул с одним вещмешком, а уже на месте сумел полностью устроить свой повседневный быт, получив все, что считал необходимым для этого. У него местная комиссия при проверке обнаружила недостачу 4-х ручных и 4-х ножных швейных машин, 9 подушек, 26 паласов, 30 ковров, 6 велосипедов, 12 чемоданов, большого количества мебели.

Злоупотребления отличали и тех, кто по должности должен был бороться за правопорядок. Заместитель начальника райотдела НКВД Ново-Лакского района Магомедов, пользуясь бесконтрольностью со стороны вышестоящих властей, сам занялся хищениями и

присвоением государственного имущества. Кровати и фарфоровая посуда, ковры и старинное оружие, мебель и скот перекочевывали в его дом. Практиковал он и временное задержание местных жителей (аварцев) с «конфискацией имущества», самих задержанных он позже выпускал, но имущество так ине возвращал.

У работников республиканского звена масштабы были несколько иными. Так, председатель районной комиссии, бывший заместитель Народного комиссара земледелия ДагАССР, а позднее заместитель заведующего Сельхозотделом обкома ВКП(б) Гришин во время контрольной поездки выбрал на складе колхоза имени Чкалова две грузовых машины добра спецпереселенцев, якобы для рабочей столовой.

Правда, следует сказать и о том, что само похищаемое имущество было, в ряде случаев весьма примитивным. Кроме представлявших действительно реальную ценность ковров ручной работы, старинного оружия, картин, украшений, часто в донесениях фигурируют сковородки, подушки, лавки, швейные машины, сито, кастрюли, велосипеды, топоры, утюги ит.п. Чаще всего имущество бралось ответственными работниками под так называемые «сохранные расписки», согласно которым они брали эти вещи на «временное сохранение» в условиях забитости складов. Никто эти вещи позже, конечно, и не собирался отдавать. Но эта расписка была своего рода охранной грамотой для того, кто взял имущество «на сохранение».

Широкое распространение приняло и присвоение, так называемого «бесхозного скота». Прокурор Ново-Лакского района Шейхов для «нужд прокуратуры» взял 4 лошадей, 2 быков, корову и теленка. Вскоре он заявил, что этот скот унего был украден[20].

Примечания

1.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944-2004; Документы, материалы, комментарии/Авт-сост. Я.С. Патиев. Магас.2004. С. 99-100.
2.Там же. С. 101.
3.ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1.Д.183.Л.125.
4.Так это было. Том 2. С.172.
5.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. С. 140-141.
6.Ибрагимов М.-Р.А.Депортация населения Дагестана в 1941-1944 годах/Беспамятство смерти подобно. Махачкала. 2010. С.14.
7.Там же.
8.Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. С. 338.
9.Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в.: (Депортация, спецпоселение, реабилитация). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ростов н/Д, 2002. С. 97.
10.Шахбиев З.А. Судьба Чечено-Ингушского народа. М., 1996. С. 254.
11.Из культурного прошлого кавказских евреев. Грозный, 1992г., С.7.
12.Козлов А.И. Сталин прежде и теперь. ШГрозный, 1990. С. 191
13.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. История Чечни XX и начала XX1веков. Грозный, 2008. С.561
14.Гакаев Х.А. Депортация чеченского народа//Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни.-Грозный. 30 ноября-1 декабря 2012 г. С.140.
15.Цит. По:Гакаев Х.А. Депортация чеченского народа… С.140-141.
16.Ибрагимов Муса. Как делили имущество спецпереселенцев//Вайнах. 2004. №8. С. 53.
17.Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.44. Д.284. Л.143 об..
18.Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Указ.соч. С.50
19.Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. С. 336.
20.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. История Чечни XX и начала XX1 веков. С.562-563.

Глава 3. Зачистка территории республики от остатков повстанческих отрядов

3.1.Активизвция повстанческого движения в Чечне в 1940-1943 гг.

С 1937 года на территории Чечено-Ингушетии, как и в других Северокавказских республиках, начался рост бандитизма. Базой «бандитизма» были, во–первых, кулаки и члены их семей , бежавшие с мест высылки. Во-вторых, это были люди, которым угрожал арест, и они вынуждены были перейти на нелегальное положение волей-неволей. Скрываться у родственников и друзей можно было лишь недолгое время, так как все время существовал риск встретить знакомых. Поэтому, например, беглые из мест ссылки жили в лесах и горах в землянках, которые существовали едва ли не со времен Кавказской войны. Чтобы как-то прокормиться, они нападали на стада колхозного скота или на фермы, занимались грабежами. С ноября 1939г. бандгруппы стали пополняться и за счет дезертиров из РККА. Дело в том, что чеченцев вплоть до начала советско–финской войны в РККА вообще не призывали. И только после начала «зимней» войны была проведена ограниченная мобилизация в Чечне и Ингушетии[1]. Но бандгруппы из дезертиров и беглых были небольшими по размерам (4-5 человек) и совершали чисто уголовные преступления, в основном – грабежи, кражи, разбои. Ни о какой серьезной борьбе против Советской власти речи не шло.

Казалось бы, после ликвидации «националистов» в 1932 г. и Большого террора, в Чечне уже нет ни предпосылок к новому восстанию, ни сил, ни лидеров, способных возглавить народное движение. Тайповые авторитеты погибли или были высланы во время коллективизации. Лидеры «политбанд», т.е.

повстанческого движения, уничтожены. Духовенство подверглось репрессиями, было загнано в подполье. В конце концов, была ликвидирована даже новая советская элита управленцев и молодая советская интеллигенция.
Реальным авторитетом обладали ветераны гражданской войны, ряд русских политических и военных деятелей, которые много лет прожили в Чечне (например, А. Д. Козицкий), а также молодая советская национальная элита (Хаси Вахаев, Магомет Мамакаев, Хасан Мехтиев, Абдурахман Авторханов и др). Но все они были разгромлены в ходе борьбы с «национализмом» и Большого террора. У власти оказались люди, которых в республике не уважали, которые оказались так или иначе «запачканы» в каких-то «грязных» делах.

Руководитель республиканского НКВД в конце 1930-х гг. В. Ф. Дементьев, организатор массовых репрессий 1937-1938 гг. в Чечне, был, например, исключен из РКП (б) за пьянство в 1921 г. Если учесть, что у коммунистов пьянство не считалось каким-то пороком, наоборот, были подозрительны непьющие люди, то речь, скорее всего, шла не о пьянстве, а о хроническом алкоголизме.

На местном уровне к власти пришли люди, мягко говоря, сомнительного морального облика. Примеры их поведения изложены в материалах проверки по письму секретаря Ножай-Юртовского райкома ВКП (б) Куролесова. Проверка производилась по поручению замнаркома НКВД СССР Кобулова капитаном госбезопасности НКВД СССР В. Г. Свириным весной 1942 года[2]. Если лица, указанные в проверке вели себя так в период действия «законов военного времени», можно представить себе, как они вели себя в мирное время. Сотрудники милиции во главе с начальником РО НКВД Улубаевым постоянно пьянствовали. Пьянки сопровождались дебошами и стрельбой. Пьяные

работники милиции приставали к женщинам, воровали продукты из сельпо, изъятое у спекулянтов спиртное выпивали тут же сами. Колхозников буквально терроризировали, угрожали им расправой, незаконно арестовывали. В январе 1942 г. в Хасав-Юрте милиционер Ильясов просто застрелил в пьяном виде одного из участников вечеринки и не понес никакой ответственности, т.к. и себя ранил в живот, это расценили как несчастный случай при неосторожном обращении с оружием. Во всем этом участвовали и председатель райсовета, и народный судья. Народный судья, начальник РО Улубаев и начальник милиции Мусаев за взятку и выпивку не арестовывали лиц, на которых имелось постановление об аресте, давали им возможность скрыться[3].

Можно предположить, что в 1939-1940-х гг. во власть и в НКВД пришло много подобных людей. Именно против них, как олицетворения Советской власти, и поднялись чеченцы во главе с последними представителями молодой советской элиты – Х. Исраиловым и М. Шериповым.

Но существовали и экономические причины. Прибывший в Чечено-Ингушетию в сентябре 1942 г. зам. наркома НКВД Серов отмечал, что в горные районы в течение длительного времени местные власти не завозили товары широкого потребления – соль, мыло, спички, керосин. Цены на эти товары после начала войны резко возросли. Эти товары были дефицитом и в прежние годы, а после 1941 года оказались вообще недоступными[4].

Субъективной причиной было значительное уменьшение численности партийной организации Чечено-Ингушетии после начала Великой Отечественной войны. Это было вызвано, во-первых, последствиями Большого террора, во-вторых, уцелевшие коммунисты шли добровольцами на фронт. В результате во многих

населенных пунктах не было даже первичных партийных организаций (партячеек). События развивались вне контроля коммунистов[5]. Поэтому широкое распространение получили всякого рода антисоветские настроения.

Первым более или менее серьезным выступлением повстанцев в Чечне в этот период можно считать попытку вооруженного мятежа в Итум-Калинском районе в январе 1941 г. под руководством Идриса Магомадова. Это выступление было быстро подавлено.

Идрис Магомадов родился в 1904 г. в Хильдархое. В 1924 г. стал начальником райотдела милиции в Грузии. Но в 1926 г. попал под суд за то, что отказался выполнять противозаконный приказ начальства. Был арестован, бежал из-под стражи. На своей родине в Итум-Калинском районе выступал против коллективизации, причем не с традиционных, а с демократических позиций. Говорил, что колхозный строй – это рабовладение, которое отбросит страну на столетия назад[6].

После начала Великой Отечественной войны в Чечне увеличилось количество проявлений политического бандитизма. Действительно, если на территории ЧИАССР с 1 января по 22 июня 1941 года был зарегистрирован 31 случай бандповстанческих проявлений, то в период с 22 июня по 3 сентября 1941 года имели место 40 аналогичных фактов

В июне-июле 1941 г. это были: убийства оперуполномоченного РО НКВД Грязнова, прокурора Гадиева, оперуполномоченного Мерхелева, директора МТС Очеретлова, милиционера Лаухтина, народного судьи Албогачиева, участкового уполномоченного РО НКВД Додова, депутата Верховного Совета Чечено-Ингушской республики Джангураева, селькора М.Сатаева, председателя Беноевского сельсовета Бекбулатова,

начальника бригадмилиции Т.Хуптаева, активистов А.Манцаева, А.Есиева.

Что касается Хасана Исраилова, то не исключено, что он начал непосредственные действия даже не после начала Великой Отечественной войны, а лишь осенью 1941 г. Во всяком случае, на заседании бюро обкома партии 15 июля 1941 г. не говорилось, что на территории ЧИАССР ведутся активные военные действия против «бандитов». Зато С. Албогачиев, нарком НКВД ЧИАССР и его заместитель Шеленков были подвергнуты суровой критике за то, что «отсутствуют четкое распределение обязанностей и железная воинская дисциплина, имеет место расхлябанность, невыполнение распоряжений, нарушение единоначалия и безответственность некоторых руководителей отделов и начальников райотделений. Нарком тов. Албогачиев не укрепил организационно наркомат, не сплотил работников и не организовал активной борьбы с бандитизмом и дезертирством»[7]. Вместо этого Албогачиев и Шеленков занимаются склоками с наркоматом государственной безопасности, которым в ЧИАССР руководил Рязанов.

Отмечено, что в республике усилились бандитизм и дезертирство.

О том, что ситуация действительно была предельно напряженной свидетельствуют два приказа Л. П. Берии, занимавшего тогда пост наркома НКВД: 8 июля 1941 г. Берия отдал приказ № 00792 с целью "ликвидации остатков чеченских банд, укрывшихся в Хильдихароевском и Майстинском ущельях Ахалхевского района Грузинской ССР", 18 сентября 1941 г. - приказ №001171 о ликвидации террористических выступлений в Чечено-Ингушетии.

В то же время необходимо отметить, что нападение фашистской Германии на СССР вызвало в Чечено-Ингушетии массовый патриотический подъем.

Подавляющая часть чеченцев и ингушей, после длительного противостояния с царской Россией, поверила новой государственной системе, называемой "социалистической". В этой системе выросло новое поколение людей, воспитанных вдухе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. И вполне естественно, что вероломное нападение фашистской Германии, как и во всей нашей стране, вызвало в республике справедливый гнев народа. Следует подчеркнуть, что, в первые же дни фашистского вторжения в пределы СССР, чеченцы и ингуши выразили готовность с оружием в руках защищать свою Родину, её честь, свободу и независимость.

Об этой решимости говорили массовые митинги трудящихся городов, сёл и станиц республики, добровольная запись патриотов в действующую армию. Наряду с русскими, украинцами, представителями других национальностей, чеченцы и ингуши действительно показали образцы патриотизма, организованности и дисциплины при мобилизации в Красную Армию.

В решении от 25 июня 1941 года бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и Совнаркома ЧИАССР по докладу «О политико-моральном состоянии населения республики в связи с проведением мобилизации» с удовлетворением констатировали, что мобилизация во всех городах и районах республики проходит на высоком идейно-политическом уровне. Такая же оценка давалась и в ряде других последующих решениях.

Несмотря на это, как отмечалось выше, в начале марта 1942 г. без объяснения каких-либо причин, в Чечено-Ингушетии был прекращен призыв в армию по воинской обязанности. Тогда же уже отмобилизованная в добровольном порядке, полностью обеспеченная конным составом, хорошо экипированная, укомплектованная опытным командным и политическим составом, уже

получившая свой армейский номер, чечено-ингушская кавалерийская дивизия была по личному указанию Л.П. Берия распушена. Лишь по настоятельному ходатайству Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) и СНК республики из состава дивизии была сохранена часть - 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк. Показательно, что вплоть до конца 1942 г. он отлично дрался с противником под Сталинградом, понеся огромные потери, которые так и не были восполнены из Чечено-Ингушетии: действовал запрет на призыв по воинской обязанности.

Неувядаемой славой покрыл себя Герой Советского Союза, пулеметчик Ханпаша Нурадилов, который в боях под Сталинградом уничтожил 920 фашистов. Снайпер, Герой Советского Союза Абухажи Идрисов уничтожил около 350 захватчиков. Бесстрашно сражались Р. Ахриев, А. Ахмадов, танкисты М. Мазаев, Х. Алироев, сапер Я Езиев, пехотинцы М. Гайсуркаев, И. Исмаилов, Р. Лалаев и многие другие.

По Чечено-Ингушетии было призвано и мобилизовано в годы войны в действующую армию более 18500 представителей чеченского и Ингушского населения республики. Причем две трети из них ушли на фронт добровольцами. К тому же, в кадровых частях к началу войны служило не менее 9000 человек. Таким образом, чечено-ингушский народ послал на защиту страны 27500 человек, что составляло более 6% от всего населения республики. Это без учета 17000 человек, которые находились в ополчении по защите Грозного и его окрестностей[8].

Но наряду с этим нельзя отрицать и факт наличия дезертирства. Но его масштабы относительно Чечено-Ингушетии были значительно преувеличены еще в сталинскую эпоху, чтобы оправдать последующую депортацию чеченцев и ингушей. Ведь значительный уровень дезертирства наблюдался и в чисто русских

" *г.*

районах РСФСР[9]. Данные госархива Российской Федерации, свидетельствуют, что на территории республики в период с 1 июля 1941 года по 1 июля 1944 года насчитывалось дезертиров и уклоняющихся от службы в Красной Армии 5297 человек (а это были не все чеченцы и ингуши), в Северной Осетии-5228 (численность населения СОАССР в то время была в два раза меньше, чем в ЧИАССР), в Дагестане – 4795, в Краснодарском крае -26500, в Грузии–21326, в Азербайджане-23320 человек[10]. А в Средней Азии (особенно в Туркмении) дезертирство действительно имело массовый характер, дезертиры создавали вооруженные банды, последние из которых были ликвидированы лишь в начале 1950-х гг. Происходило как бы «второе издание» басмаческого движения.

Вопрос о дезертирстве заслуживает более подробного рассмотрения. С начала войны, в ЧИАССР, как и по всему СССР, началась всеобщая мобилизация. Повсеместно она не была подготовлена. «Людей держали на казарменном положении, но на фронт не отправляли,- пишет М.Н. Музаев, -оружия не выдавали, кормили очень скудно, а то и вообще не кормили. В маленькой Чечне, зачастую мобилизованные уходили в «самоволку» домой за продуктами. Только потом понимали, что они натворили – ведь теперь по законам военного времени дезертиров расстреливали. И возвращаться боялись. Но и домой им дороги не было. Приходилось скрываться в горах и лесах. Поэтому проблему дезертирства можно было решить, всего лишь наладив снабжение мобилизованных и ускорив их обучение и отправку на фронт. Естественно, что люди, которые уже были признаны дезертирами, не хотели сдаваться властям, ожесточенно сопротивлялись. Они знали, что пощады им не будет»[11].

Об этом свидетельствуют и факты, приводимые Мовсуром Ибрагимовым и Исламом Хатуевым в своей книге «Подвиг во имя Родины: «В начале сентября 1941 года командующий Северо-Кавказским округом направил в Чечено-Ингушский обком ВКП (б) письмо, в котором жаловался на то, что военнообязанные из ЧИАССР мобилизованные в строительные отряды, самовольно покидают свои части и направляются в Грозный. Для проверки этого тревожного сигнала бюро обкома партии своим решением от 20 сентября командировало в Ростов-на Дону секретаря обкома М. Г. Гайрбекова и председателя Президиума Верховного Совета республики Тамбиева. Они имели встречу с командующим СКВО генерал-лейтенантом Ремезовым и членом военного совета Мельниковым, военным прокурором округа. Встречались и беседовали с мобилизованными из республики военнообязанными. В результате проверки ими установлено, что «само командование военным округом возвратило 200 человек мобилизованных в строительные части по причине отсутствия организованного приема этих людей на строительные объекты». Среди этих мобилизованных было немало стариков и очень много больных. В течение 4-5 суток люди только один раз получили горячую пищу. Организованного приема и распределения военных по частям на месте назначения не было. Положение этих людей было исключительно тяжелое: их не кормили, медпомощь не оказывали, они находились под открытым небом. «Должен сказать, - отмечает Муслим Гайрбеков, - что мобилизация прошла исключительно плохо, преступно плохо. Людей брали пачками с улицы, без вручения повесток, без предварительного разъяснения цели этой мобилизации. Не было сказано, что они не смогут получить обмундирование. И люди с собой не захватили буквально ничего, поехали в одних чувяках и рубашках…». Зав.

военным отделом обкома партии Смолин заявил: «Следует сказать, что вся мобилизация с самого начала была проведена неправильно. Даже здесь, на призывном пункте (в Грозном), когда выступали Хасанов (секретарь обкома партии) и другие, они ориентировали призывников только на то, как надо драться на фронте. Зато более 60% мобилизованных совершенно не обеспечили теплой одеждой, обувью»[12].

Дезертирство было связано также и с поражениями Красной Армии на фронте летом-осенью 1941 г. В начале сентября 1941 г. из Ростова-на-Дону в республику поступило указание о мобилизации 8 000 человек. Они должны быть отправлены в Харьковский военный округ. Местные военкомы, чтобы показать свое рвение, мобилизовали по ЧИАССР 13 000 человек, даже без прохождения медкомиссии. Они были в спешном порядке отправлены в гражданской одежде и без оружия в Харьковскую область товарными поездами. Горячую пищу, а часто – вообще никакой пищи, по пути не выдавали. Затем, по прибытии на Украину, их погнали пешим маршем 80 км. к месту назначения. Как оказалось – на строительство укреплений, к поселку Акимовка. Но по прибытии они подверглись налету вражеской авиации. Сопровождающие их военные разбежались. Появился какой-то командир высокого ранга, который просто приказал мобилизованным идти куда угодно, только не оставаться здесь, потому что их скопление привлекает вражескую авиацию. Вся огромная толпа отправилась обратно на Кавказ. – без продуктов, без документов, большая часть при этом не знала русского языка. До Ростова-на-Дону добралось лишь 1200 из 13 000. Но прибывших в Ростовский крайвоенкомат (хотя они просили отправить их в «учебку», на фронт) встретили враждебно, не кормили. Больным не оказывали медицинской помощи. Хотя стояла осень, а люди были в

летней одежде, прошли огромное расстояние. После того, как их пообещали расстрелять как дезертиров, мобилизованные разбежались[13]. Эти люди не могли уже вернуться к нормальной жизни. Мало того – они стали носителями пораженческих настроений. Провал этой мобилизации стал одной из непосредственных причин массовых антисоветских выступлений в Чечне осенью 1941 г., когда всем казалось, что Советская власть уже обречена – вермахт вышел на окраины Москвы.

Все массовые вооруженные выступления имеет смысл разделить на три основных этапа:

- конец сентября – начало ноября 1941 г. – в Галанчожском, Шатоевском и Итумкалинском районах;
- август 1942 г. – Итумкалинский и Шатоевский районы;
- октябрь 1942 г. – Веденский и Чеберлоевский районы.

Как видно из этого перечисления, действиями повстанцев была охвачена только Горная Чечня, на «плоскости» выступлений не было.

Исходя из анализа событий, наверное, можно сказать о том, что с начала 1941 г. в Чечне имели место локальные вооруженные выступления населения. Исраилов и Шерипов предпринимают попытки объединить разрозненные бандитские группы. 28 октября 1941 г. они организовывают вооруженное выступление «повстанцев» в Итум-Калинском, Галанчожском, Шароевском и Шатоевском районах. Им удалось разогнать органы власти и распустить колхозы в некоторых селах. Однако вовлечь в вооруженную борьбу против власти население Исраилову и Шерипову не удалось. Когда Исраилов появился в Малхестах, то жители его просто выставили из села. Так же поступили жители многих других селений. 3–6 ноября 1941 г. выступление повстанцев было подавлено. В действиях против них участвовали три звена авиации, чекистско-войсковые группы. Исраилов и Шерипов скрылись в горах[14].

Разные источники называют разные даты рождения Хасана Исраилова. 1903 год – по характеристике НКГБ СССР, 1907 год – по письму наркома внутренних дел Грузии Каранадзе Лаврентию Берии со ссылкой на обнаруженный в августе 1943 дневник Исраилова, 1910 год – по сведениям чеченского историка Абдурахмана Авторханова. Однако А. Авторханов в «Мемуарах» пишет, что Х. Исраилов был его товарищем по детскому дому. Сам же А. Авторханов родился где-то в 1908-1910 гг., то есть, скорее всего они были ровесниками. Как пишет А. Авторханов в «Убийстве чечено-ингушского народа», Хасан Исраилов был уроженцем аула Нашхой Галанчжоского района. В семье из шести братьев он был самым младшим. В 1929 г. Х. Исраилов закончил среднюю школу, и тогда же вступил в ряды ВКП (б). Однако он не стремился к политической карьере, а посвятил себя творчеству – писал стихи и пьесы. Но работал постоянным корреспондентом центральной «Крестьянской газеты» в Чечне. Он специализировался на резких статьях в адрес чеченского советского и партийного руководства, которые не поместили бы в местной прессе. Критика, естественно, была выдержана в советском духе. Из-за своих статей весной 1931 г. Х. Исраилов был арестован местным ГПУ за «контрреволюционную клевету» и «связь с бандой». Он был осужден на 10 лет. Где он отбывал срок заключения – не известно. Во всяком случае, он пробыл в лагере три года. Был освобожден после энергичного вмешательства «Крестьянской газеты», когда выяснилось, что некоторые из чиновников, которых он обличал, действительно были уличены в различных преступлениях – в коррупции, халатности и т.д. После этого Х. Исраилов был освобожден и восстановлен в партии. Он поехал в Москву и поступил в Коммунистический Университет Трудящихся Востока (КУТВ). За три года, проведенных в

тюрьме, им было написано две книги художественных произведений.

В Москве с группой чеченцев и ингушей Х. Исраилов подал заявление Советскому правительству с требованием отставки первого секретаря ВКП (б) обкома Чечни Егорова и наркома НКВД ЧИАССР М. Г. Раева-Каминского. В заявлении сообщалось, что политика Раева-Каминского и Егорова приведет к всеобщему народному восстанию в Чечено-Ингушетии. Советское правительство переслало письмо на место для проверки фактов. В результате Х. Исраилов вновь был арестован, как и его друзья. Находился в заключении (под следствием?) с 1935 до начала 1939 гг. Затем Егоров и Раев-Каминский сами были «разоблачены» во время «Большого террора» и арестованы. Егоров В. Г. был арестован 8 октября 1937 г. прямо на Пленуме обкома ЧИАССР Шкирятовым и его чекистами. Раев-Каминский (кстати, бывший эсер и «боротьбист») был арестован в ноябре 1938 г. в Азербайджане, где работал наркомом НКВД. Оба были расстреляны. А Х. Исраилов, наоборот, освобожден. Новый секретарь обкома Быков вызвал Исраилова в обком в январе 1940 г., чтобы второй раз восстановить его в партии. Но Исраилов не явился, а прислал заявление: "Вот уже двадцать лет, как Советская власть ведет войну на уничтожение моего народа по частям – то, как кулаков, то, как мулл и "бандитов", то, как "буржуазных националистов". Теперь я убедился, что война отныне ведется на истребление всего народа. Поэтому я решил встать во главе освободительной войны моего народа. Я слишком хорошо понимаю, что не только одной Чечено-Ингушетии, но даже и всему национальному Кавказу трудно будет освободиться от тяжелого ярма красного империализма, но фанатичная вера в справедливость и законная надежда на помощь свободолюбивых народов Кавказа и

всего мира вдохновляют меня на этот в ваших глазах дерзкий и бессмысленный, а, по моему убеждению, единственно правильный исторический шаг. Храбрые финны доказывают сейчас, что великая рабовладельческая империя бессильна против маленького, но свободолюбивого народа. На Кавказе вы будете иметь вторую Финляндию, а за нами последуют другие угнетенные народы[15]. И после этого, якобы, начал восстание, достигнув уже к началу февраля 1940 г. крупных успехов.28 января 1942 года на нелегальном собрании учреждает «Особую партию кавказских братьев» (ОПКБ) ставящей себе целью «создание на Кавказе свободной братской Федеративной республики государств братских народов Кавказа по мандату Германской империи». Позднее ОПКБ была переименована в «Национал-социалистическую партию кавказских братьев».

Данная биография в изложении А. Авторханова стала наиболее распространенной в литературе. Но есть и другие варианты биографии Хасана Исраилова, представленные в публикациях Александра Слободянюка[16]., И.Пыхалова и др.»[17].

Отцом Майрбека Шерипова – еще одного главаря повстанцев, был царский офицер. Его старший брат Асланбек был определен в Полтавский кадетский корпус. Но отказался от военного будущего и перевелся в Грозненское реальное училище (гораздо более низкое по статусу учебное заведение). А. Шерипов был организатором первого чеченского Совета в селе Гойты, с августа 1918 г. – наркомнац Терской Советской республики, с июля 1918 г. – организатор и командующий Чеченской Красной Армией, пытался деблокировать Грозный, осажденный деникинцами («стодневная оборона»). В сентябре 1919 г., в возрасте 22 лет, погиб в бою с деникинцами[18]. Асланбек Шерипов стал

национальным героем Советской Чечни. С. Орджоникидзе называл его «первым чеченским марксистом». Об авторитете А. Шерипова можно судить по тому, что во время войны на территории Белоруссии и Украины действовал кавказский партизанский отряд из окруженцев и, бежавших из немецкого плена, имени Асланбека Шерипова.

Биография его младшего брата Майрбека Шерипова еще более туманна, чем биография Х. Исраилова. Известно лишь, что он родился в 1905 г. Был членом ВКП (б), по профессии – юрист. В 1938 г. был арестован за антисоветскую пропаганду, но в 1939 г. освобожден за недоказанностью вины. Был то ли прокурором ЧИАССР, то ли председателем Леспромсовета в 1941 году. До знакомства с Х. Исраиловым был связан с националистической организацией «Кавказ»[19]. Причем указывалось, что с 1920-х гг. «Кавказ» находится под контролем турецкой и немецкой разведок.

Данных для реконструкции его биографии мало. Можно отметить только, что в октябре-ноябре 1937 г. по делу «повстанческого центра» и межнационального центра были арестованы его родственники - директор Государственного музея Э. Шерипов, председатель коллегии защитников Д. Шерипов. Тогда же был арестован и прокурор ЧИАССР Х. Мехтиев.

Вероятно, с осени 1937 г. до ареста, М. Шерипов исполнял обязанности прокурора ЧИАССР, а после освобождения был переведен на должность председателя Леспромсовета. Это была распространенная практика в то время. Если человек освобождался из-под следствия, но в отношении его имелись сомнения, что он «не окончательно разоружился перед Советской властью», предполагалась дальнейшая его оперативная разработка, то его снимали с «политического» поста и отправляли на

хозяйственную работу. Так, например, Ежов после своего увольнения с поста наркома НКВД СССР был не сразу арестован, а отправлен руководить наркоматом речного транспорта, хотя было ясно, что все равно его скоро арестуют. Видимо, Майрбек Шерипов, будучи юристом, это тоже хорошо понимал. Освобожден в 1939 г. он был, скорее всего, в связи с разгромом «ежовщины». Тогда освобождали ряд советских и партийных работников, а также командиров, в отношении которых доказательства были явно фальсифицированы. На нелегальное положение он, вероятно, перешел осенью 1941 г., когда падение Москвы и крах Советской власти казались неминуемыми.

9 ноября 1941 г. состоялось заседание бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) на котором обсуждался вопрос «О кулацко-бандитском восстании населения некоторых сельсоветов Шатоевского, Галанчожского и Итум-Калинского районов». Слово «восстание», а не «бандитизм» или «бандповстанческие проявления» употреблено впервые с 1932 г. В протоколе № 156 указывается, что нарком НКВД С. Албогачиев не выполнил постановления обкома от 25 июля (так в тексте, на самом деле – 15 июля-М.И.). 1941 г. Борьба с бандитизмом велась пассивно, в результате чего произошла активизация бандитизма, началось восстание. Здесь же указано, что агентурно-осведомительные кадры НКВД ЧИАССР засорены предателями и провокаторами. Бюро обкома потребовало от С. Албогачиева ликвидации бандитизма, разгрома антисоветского подполья, репрессий по отношению к активным повстанцам. Было также вынесено решение очистить осведомительно-агентурные кадры от предателей и провокаторов, привлечь к строжайшей ответственности работников НКВД, которые проявили себя как трусы и предатели[20].

Причины пассивности С. Албогачиева сейчас достаточно ясны. Было впоследствии установлено, что его родственники воевали в составе банд в районе Назрани[21].

С. Албогачиев имел постоянную связь с Х. Исраиловым. Дневники и переписка последнего были захвачены в конце 1944 г. в ходе одной из чекистско-войсковых операций военнослужащими 263-го полка Тбилисской дивизии войск НКВД лейтенантом Анекеевым и старшиной Нециковым с 14 на 15 февраля 1944 г. в пещере, где укрывался Исраилов. Было обнаружено письмо Албогачиева к Исраилову, помеченное 10 ноября 1941 г., т.е. написано оно было на следующий день после заседания бюро обкома[22]. Вообще тогда было обнаружено около 2 кг документов и дневников Х. Исраилова, в том числе списки членов партии «кавказских братьев». Но опубликованы до сих пор из всего этого количества лишь два письма – письмо Албогачиева к Исраилову-Терлоеву и письмо Исраилова к новому наркому НКВД В. А. Дроздову.

С. Албогачиев высказывал сожаление, что горцы Исраилова (Терлоева) начали восстание раньше времени. Он просил Исраилова действовать осторожнее, в глубоком подполье, потому что сейчас за ним начнется охота, в то же время высказывал опасение, что «работники республики» (т.е. вероятно, партийного и советского аппарата, НКВД) будут теперь разоблачены. Албогачиев предупреждал Х. Исраилова, что будет демонстративно его преследовать. Самое важное в этом письме: у Исраилова отсутствовали связи с агентами «гестапо» в Орджоникидзе, а у Албогачиева такие связи имелись. Поэтому он просил Исраилова сообщать о всех действиях повстанцев, обещал сразу же переправлять эту информацию в Германию[23]. Связи с немецкой агентурой в Орджоникидзе у Албогачиева, скорее всего,

действительно были. Дело в том, что одним из лидеров созданного немцами Северо-Кавказского национального комитета был некий Албогачиев – вероятно, не только однофамилец, но и родственник С. Албогачиева. Поэтому более чем вероятно, что немцы предпринимали агентурный подход к С. Албогачиеву, который занимал все-таки очень важный пост наркома НКВД Чечено-Ингушетии.

Таким образом, скорее всего, С. Албогачиев пытался вести двойную игру – одновременно и выполнить постановление обкома, усилить борьбу с бандитизмом, получить в свое распоряжение всю информацию о деятельности Х. Исраилова, а с другой стороны – заручиться гарантиями в случае прихода немцев и победы Х. Исраилова.

С. Албогачиев информировал обком ВКП (б) о восстании в Галанчожском районе. Перед этим он дал телеграмму в Москву. В Галанчож выехал секретарь обкома В. И. Филькин с представителями районных властей. Но никаких следов восстания обнаружено не было. Однако Албогачиев заметил лишь, что «не там искали»[24]. Во время поисков ночью в горах он отправил и В. И. Филькина и С. Моллаева (председатель Совнаркома ЧИАССР) поискать лагерь мятежников за ближайшей горой вместе с местными вооруженными активистами, а сам со своими чекистами углубился в горы. Перед рассветом С. Албогачиев вызвал бомбардировщик по рации, который нанес удар по указанным им площадям. После этого С. Албогачиев утверждал, что бандиты там были, в большом количестве, но теперь унчтожены и рассеяны. Это вызвало серьезные подозрения В. И. Филькина, так как никаких доказательств существования восстания или бандгруппы обнаружено не было[25].

Причем и впоследствии, вплоть до вызова в Москву летом 1943 г., Албогачиев неоднократно «создавал

ложные ситуации». Нарком НКВД вел двойную игру вплоть до конца лета 1943 г. Затем оперуполномоченный милиции Семенов выяснил, что С. Албогачиев имеет родственников среди повстанцев. 2 сентября 1943 г. Албогачиев был смещен со своего поста и заменен В. А. Дроздовым, который был до этого начальником отдела НКВД по борьбе с бандитизмом (ОББ). Албогачиев пытался спастись, написав письмо Л. П. Берии с просьбой направить его на «самый острый участок работы». Существовала версия, что он до поры до времени пользовался покровительством Берии – ведь вплоть до лета 1943 г. обком не мог снять его с должности, хотя С. Алобгачиев показал свою профнепригодность еще летом 1941 г.[26]. Берия за него не заступился. 2 сентября 1943 г. С. Албогачиев был расстрелян.

Но есть версия, что он не был расстрелян, после депортации жил во Фрунзе, затем вернулся в Грозный, где получил квартиру, как ветеран органов. Якобы, С. Албогачиев участвовал в «процессе» над Л. П. Берией в качестве свидетеля и дал показания против Берии. В 1968 г. С. Албогачиев покончил с собой. Еще один вариант – после возвращения из депортации работал инженером на заводе в Ингушетии, умер в 1968 г. от воспаления легких.

К осени 1942 г., когда немецко-фашистские войска стали приближаться к границе Чечено-Ингушетии, повстанцы делают попытки обострить политическую обстановку в республике.

Базой М. Шерипова был Шатойский район (Горная Чечня), где он имел обширные родственные связи. Для своего начавшегося складываться повстанческого формирования Шерипов искал наиболее подходящие организационные формы, несколько раз менял название организации: "Общество спасения горцев", "Союз освобожденных горцев", "Чечено-ингушский союз горских националистов" и, наконец, "Чечено-горская национал-

социалистическая подпольная организация". М. Шерипов, находясь во главе Леспромсовета, мог достаточно свободно заниматься конспиративной деятельностью, потому что его должность предусматривала поездки в леспромхозы, в Горную Чечню. Программу своей организации М. Шерипов написал в первой половине 1942 г. Содержание программы не известно. М. Шерипов, как и Х. Исраилов собрал отряд на территории Шатоевского, Чеберлоевского и части Итум-Калинского районов из участников осенних антисоветских выступлений, дезертиров, бежавших из ссылки.

О военных акциях «боевых дружин» Х. Исраилова известно мало. Основной источник – протокол допроса в НКВД Хусейна Исраилова, брата Хасана Исраилова. Хусейн Исраилов, как можно понять, сообщает лишь о тех акциях, от которых было невозможно отказаться, участие в которых членов ОПКБ было доказано другими свидетелями. Из протокола известны имена руководителей боевых дружин Х. Исраилова – это Иби Алхастов и Идрис Магомадов – наиболее активные «полевые командиры». Боевыми группами также командовали Анзоров, Кутух Хамзаев, Ваха Борщигов[27].

Здесь нужно обратить внимание, что и Х. Исраилов и М. Шерипов действовали в одно и то же время в одних и тех же районах. Программа была сходная, насколько можно судить. Тем не менее, мысль об объединении появилась у них лишь осенью 1942 г. Но совместных боевых действий они не вели до самой смерти М. Шерипова в начале ноября 1942 г. Об этом свидетельствует тот же протокол допроса Хусейна Исраилова. Хусейн Исраилов четко различает боевые акции, которые совершали «кавказские братья» Х. Исраилова и отдельно (причем очень коротко, без всяких подробностей) упоминает о боевых акциях М. Шерипова[28].

Интересная подробность данного протокола допроса в том, что Хусейн Исраилов перечисляет акции «кавказских братьев» Хасана Исраилова с 1941 по 1943 гг. То есть в 1940 г. Х. Исраилов никаких силовых акций не проводил. О действиях М. Шерипова Хусейн Исраилов упоминает только в 1942 г.

11 июля 1942 г. была совершена неудачная попытка покушения на Майрбека Шерипова. После этого НКВД решил дискредитировать М. Шерипова. Были арестованы несколько членов его организации. На допросах им сообщили, что они были выданы М. Шериповым. Затем Мачеку Байсаеву и Хамзатову были разрешены свидания с женами. Они сообщили через жен о виновнике своего ареста. В Горной Чечне распространился слух, что Шерипов сотрудничает с госбезопасностью. Население начало отказываться от сотрудничества с Шериповым, отказывать ему в предоставлении убежища, в снабжении продуктами. Но Шерипов в августе 1942 г., видя, что наступает благоприятный момент, развил большую активность. Несмотря на слухи, он стал пытаться устанавливать контакты со старейшинами тайпов и кубовым незарегистрированным духовенством, надеясь опереться на их сторонников.

На август-октябрь 1942 г. приходятся самые крупные выступления повстанцев. Причина очевидна – это было время наибольшего продвижения вермахта вглубь СССР, когда немцы вышли на Волгу. На Кавказе наиболее южной точкой продвижения вермахта стал Малгобекский район Чечено- Ингушетии. Но он несколько раз переходил из рук в руки. 25 августа 1942 г. немецкие части ворвались в город Моздок и продолжили наступление в направлении города Орджоникидзе. До Грозного оставалось менее 100 км. В ЧИАССР было объявлено военное положение. Все население Грозного и прилегающих районов было мобилизовано на

строительство укреплений – все мужчины и женщины от 16 до 60 лет. Самовольный уход с работы или один прогул приравнивался к дезертирству и наказывался от 10 лет лагерей вплоть до расстрела по законам военного времени. Положение было настолько тяжелым, что в Чечено-Ингушетии началась подготовка партизанских баз и подполья на случай оккупации республики. Для подпольной работы было отобрано 400 коммунистов и комсомольцев. НКВД-НКГБ и штаб партизанского движения СССР создали сеть тайных складов оружия, боеприпасов и диверсионного снаряжения. Более 1 000 человек (в основном – чеченцев и ингушей) были сведены в 28 партизанских отрядов. Все эти люди прошли военное обучение, имели альпинистскую и спортивную подготовку.

Но неожиданно для немцев бои за Малгобек приняли затяжной и кровопролитный характер и растянулись на целый месяц. Однако оборонительные рубежи на подступах к Грозному были уже построены. Немецкому командованию стало ясно, что движение от Малгобека к Грозному по Алхан-Чуртской долине станет штурмом в лоб хорошо укрепленной эшелонированной линии обороны. Неизбежны очень большие потери. Поэтому вермахт изменил направление главного удара в сторону Орджоникидзе. Предполагалось взять Владикавказ и выйти к Грозному не со стороны укреплений, а по долине реки Сунжа, с юго-востока. Но и этот план осуществить фашистам не удалось.

В августе - сентябре 1942 г., при приближении линии фронта, среди части советских и партийных работников Чечни началась паника. Отдельные члены ВКП(б) бросили свои посты. Кто-то из занимавших руководящие посты, не просто впали в панику и бежали, но и начали искать контакты с антисоветскими повстанцами и даже с группами немецких диверсантов.

Многие из них имели и старые связи с подпольем. Это, в частности, был Идрис Алиев, занимавший должность начальника ОББ НКВД с января 1942 г. по начало июля 1943 г. Идрис Алиев допустил «зарастание» агентурной сети «двойными агентами»[29].

В конце июня 1942 г. Идрис Алиев и его оперативники провалили операцию по задержанию Х. Исраилова. Агент ОББ «Восточный» подвел Х. Исраилова к засаде сотрудников НКВД на расстояние 15-20 метров. Однако И. Алиев не подавал команды на задержание. Наконец, один из участников опергруппы Хасаев выкрикнул, что стрелять нельзя, это могут быть мирные колхозники, после чего Исраилов и двое его сопровождающих побежали в лес и скрылись. Погоня по непонятным причинам не была организована, операция полностью провалилась[30].

16 августа 1942 г. И. Алиев отозвал из райцентра Шароевского района опергруппу НКВД и войсковое подразделение. На следующий день на райцентр напал отряд М. Шерипова, районные учреждения были разгромлены и подверглись грабежу. Это была одна из его самых крупных акций. О готовящемся нападении М. Шерипова было хорошо известно Алиеву и Наркомату НКВД ЧИАССР. После этого началась оперативная разработка И. Алиева. Из показаний арестованных постепенно выяснилось, что у него имеется налаженная связь с руководителями повстанческого движения. Такие показания, в частности, дал бывший начальник Шароевского райотдела НКВД Чечено-Ингушской АССР Пашаев А. Х. Он утверждал, что слышал от М. Шерипова имена связанных с ним сотрудников НКВД. Это были имена Идриса Алиева, его сотрудника Худаева, а также Хасаева Джебраила - начальника милиции Итум-Калинского района, Межиева - начальника Райотделения НКВД Итум-Калинского района ЧИАССР, Исаева -

начальника Шатоевского РО НКВД и Исаева Бахо - начальника Чеберлоевского РО милиции. С Алиевым и Худаевым существовала договоренность, что перед нападением М. Шерипова на тот или иной населенный пункт, они будут отзывать из этого пункта опергруппы НКВД[31]. Как видно из этого списка, в сговоре с повстанцами М. Шерипова было практически все руководство НКВД Горной Чечни. Из-за этого Идрис Алиев летом 1943 г. был вызван в Москву и арестован там[32].

Ожесточенные столкновения происходили между повстанцами и сторонниками Советской власти осенью 1942 г. Причем на стороне Советской власти были не только солдаты и работники НКВД, но и простые чеченцы и ингуши. Халим Решидов, первый секретарь Курчалоевского райкома партии, лично уничтожил двух бандитов. Коммунист-активист сельского Совета с. Хильдихарой Исмаил Макашев уничтожил двух бандитов и сам погиб, активист сельского Совета Магомед Ханпукаев уничтожил 3-х бандитов и сам погиб. Активную борьбу с бандитами вели комсомольские работники Итум-Калинского райкома ВЛКСМ Ахмет Чадаевич Осмаев, боец истребительного батальона Абуязид Абдулаев из Шатоевского района и другие[33].

Осенью 1942 г. повстанцы предприняли нападения на колхозные фермы, чтобы угнать скот, т.к. начиналась зима. В октябре 1942 г. в селении Махкеты Веденского района повстанцы напали на колхозную животноводческую ферму, магазин. Колхозники-махкетинцы быстро отразили нападение. 22 ноября 1942 г. в селении Гуни этого же района банда Мата Махмудова из 34 человек, вооруженная винтовками, напала на молочно-товарную ферму колхоза «Красный животновод» с целью ее разграбления и увода скота. Простые колхозники во главе с жителями села Магомедом Вахабовым и

Абубакаром Хамбахадовым отбили бандитов. В бою с бандой, который продолжался около двух часов, колхозники, встретившие врагов с вилами и топорами, убили или ранили более половины состава группы, другие были обращены в бегство. В этом бою пали смертью храбрых многие сельчане: Магомед Вахабов, Абубакар Хамбахадов, Абзаил Аюбов, Ваха Джамалаев и другие. За проявленное мужество и храбрость в этой борьбе 23 колхозника были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЧИАССР.

В конце 1942 года группа бандитов напала на молочнотоварную ферму колхоза им. Ворошилова селения Бенгарой Итум-Калинского района. Заведующий фермой Амхадов с небольшой группой колхозников вступил в бой и отбивался до прихода колхозников, которые не только не дали бандитам увести колхозный скот, по и по существу обезвредили бандгруппу[34].

В. И. Филькин, работавший в 1941-1943 гг. секретарем Чечено-Ингушского обкома партии вообще отрицает наличие в Чечне в начале 1940-х гг. какого-то восстания или повстанческого движения. Он считает, что имели место отдельные действия банд. Аргументы В. И. Филькина – восстания не было, потому что не было единого центра руководства восстанием, банды действовали независимо друг от друга, их действия были не только антисоветскими, но и откровенно уголовными – нападения на магазины, на фермы, угон скота. В. И. Филькин утверждает, что в бандитских действиях участвовало не более одного процента взрослого мужского населения Чечни (т.е. не более 500 человек)[35].

То, что антисоветское движение в Чечне в начале 1940-х гг. пользовалось всенародной поддержкой – миф. Нельзя забывать, что молодое поколение чеченцев родилось и выросло при Советской власти. Многие чеченцы, особенно из «плоскостной» Чечни осуждали

антисоветское движение в Горной Чечне. Так, весной 1945 г. управляющий фермой овцесовхоза в Казахстане, спецпереселенец, поэт и член Союза писателей Нурдин Музаев написал письмо «отцу Иосифу Виссарионовичу Сталину». Он заявлял, что еще задолго до депортации предлагал секретарю обкома Иванову дать ему командование над ротой. Силами роты Н. Музаев собирался ликвидировать бандитизм в Чечне. Если Н. Музаев не справится – он выражал согласие, чтобы его расстреляли[36]. Н. Музаев утверждал, что проблемы с бандитизмом быстро бы закончились, если бы на «плоскость» переселили 3-4 горных района.

Н. Нухажиев и Х. Умхаев излагают иную концепцию событий восстания Х. Исраилова и М. Шерипова[37]. Прежде всего, они утверждают, что в записке «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР»[38], Кобулов намеренно сгустил краски. Л. П. Берии был нужен предлог для депортации чеченцев и ингушей. Кобулов собирал во время своей командировки в ЧИАССР осенью 1943 г. такой материал, который стал бы достаточным обоснованием для выселения. Поэтому в свою докладную записку Кобулов стремился включить любые негативные факты и максимально их усилить. С этой задачей он блестяще справился[39].

Н. Нухажиев и Х. Умхаев считают, что причиной депортации народов Кавказа и калмыков было желание Сталина покарать «виновных» в прорыве вермахта на юг, к Кавказу. Хотя это, было, конечно, в первую очередь ошибкой Ставки Верховного Главнокомандующего и лично самого Сталина. Однако виновными «назначили» калмыков и народы Кавказа – они переходили на сторону немцев, дезертировали, занимались бандитизмом и т.д.

Как другую вероятную причину можно рассматривать стремление советского генералитета уйти от ответственности перед руководством партии и лично И.

С. Сталиным за то, что гитлеровцы все-таки прорвались на Кавказ и к Волге. Генералам очень удобно было объяснять свои поражения и просчеты тем, что население было антисоветски настроено, занималось массовым бандитизмом, сотрудничало с гитлеровцами и т.д.

Существовали и другие варианты решения «чеченской проблемы». Секретарь Чечено-Ингушского обкома партии Иванов в записке А. Андрееву (который работал в Чечне, во время коллективизации), Маленкову и Берии в июне 1942 г. предлагал ликвидировать бандитизм в республике в кратчайшие сроки. Для этого, по мнению Иванова, надо было только выслать 60-80 активных бандитских семейств из Горной Чечни в отдаленные места с конфискацией имущества. То, что Иванов в самый опасный период (лето 1942 г.) считал, что проблему бандитизма так легко решить – говорит о многом. Ведь Иванов был прекрасно знаком с ситуацией в республике.

Более радикальным было предложение одного из аппаратчиков Управления кадров ОК ВКП (б) Чечено-Ингушетии. Он предлагал мобилизовать все мужское население чеченцев и ингушей, находящееся в республике, а не на фронте, в возрасте от 18 до 50 лет на «трудработы» в глубоком тылу[40].

Действительно зам. начальника ОББ Р. А. Руденко (тот самый, который впоследствии участвовал в Нюрнбергском процессе) в своем докладе о положении в Чечне в августе 1943 г. приводит цифры, которые расходятся с данными докладной записки Кобулова. Руденко утверждает, что в республике действуют только небольшие банды, в 6-10 человек, в розыске числится всего 2 000 дезертиров, около 1 000 которых и находится в бандах. «Рост» бандитизма Руденко объясняет «перегибами» в работе чекистских и войсковых подразделений. Проводятся массовые аресты и убийства лиц, которые не только не состоят на оперативном учете ОББ НКВД, но на которых даже не

имеется компрометирующих материалов[41]. Так, с января по июнь 1943 г. было убито 213 человек, из которых на оперативном учете состояло лишь 22 человека[42].

Например, в апреле 1943 года под руководством заместителя Наркома внутренних дел ЧИАССР Колесникова проводились операции по борьбе с бандитизмом на территории Чечено-Ингушской АССР. При проведении этой операции, как подтверждает Главная военная прокуратура, работниками НКВД во главе с Колесниковым задерживались лица, подозреваемые в связях с бандитами, а затем незаконно, без суда и следствия, расстреливались. Всего в апреле-мае 1943 г. было расстреляно 25 человек ни в чем не повинных граждан[43].

В. И. Филькин, как человек, непосредственно работавший на высоком партийном посту в республике в то время, разоблачил миф об «арсеналах вооружения» бандитов. Ведь по данным НКВД во время выселения было изъято около 20 000 стволов огнестрельного оружия. В. И. Филькин писал о том, что существовала определенная схема: заподозренных в сотрудничестве с бандгруппами, арестовывали и держали как заложников до тех пор, пока родственники не обменивали их на определенное количество оружия. Оружие можно было купить у самих сотрудников местного отделения НКВД-НКГБ. Таким образом, один ствол учитывался в сводках НКВД несколько раз. За разглашение подобной информации уже в 1970-х гг. В. И. Филькин был уволен с должности заведующего кафедрой истории КПСС Грозненского нефтяного института[44].

Таким образом, сотрудники НКВД продолжали в Чечне ту же практику, которая появилась еще в 1920-х гг. Сознательно преувеличивалось количество «бандитов», чтобы потом подать победные рапорты о борьбе с бандитизмом, получать награды, звания, продвигаться по

карьерной лестнице. При этом допущенные «перегибы» были практически безнаказанными: идет война, действуют законы военного времени, Москва признает, что в Чечне значительная бандактивность. А люди, пострадавшие в результате этих действий, свою невиновность доказать не могут, так как их родственники – малограмотные колхозники, а сами пострадавшие – либо мертвы, либо сидят. Это подтверждается письмом чеченского поэта Н. Музаева к Сталину. Н. Музаев также утверждал, что борьба с бандитизмом в Чечне во многом фальсифицирована. Группы милиции и НКВД, в том числе – из местного населения, ездили в леса и горы и устраивали там мнимые «стычки с бандитами», просто стреляли в воздух. А потом писали рапорты о тяжелых боях с бандгруппами[45].

Еще одним способом фальсификации размеров бандитизма в Чечне Н. Нухажиев и Х. Умхаев считают то, что в состав «чеченских бандитов» вписывали любые банды, действовавшие в то время на территории республики. Но Чечено-Ингушетия была в то время многонациональной республикой. На ее территории действовала дагестанская банда Расула Сахабова, а также русская банда дезертира Зиновьева (67 чел.), состоявшая из казаков, банда Платова-Михайлова в несколько десятков человек. Русские банды действовали в плавнях в Надтеречном районе[46].

Поэтому масштабы «крупного восстания» М. Шерипова сильно преувеличены. «Крупный населенный пункт» Дзумсой, который захватил М. Шерипов 17 августа 1942 г., состоял из 20 домов. Райцентр Химой – из 54 домов. Во время взятия Дзумсоя отряд М. Шерипова состоял всего из 150 человек. Из Дзумсоя М. Шерипов начал поход на Итум-Калу (17 км). По пути к повстанцам примкнуло, якобы, местное население и отряд вырос до 1500 человек. От Химоя Итум-Кала находится в 25 км. Это

– Горная Чечня, редко заселенная. Сомнительно, чтобы в треугольнике Химой-Дзумсой-Итум-Кала нашлось бы в августе 1942 г. 1400 мужчин, способных взять в руки оружие и присоединиться к повстанцам. Даже если считать, что к М. Шерипову присоединилось все мужское население Дзумсоя и Химоя (74 дома), то получается, что в каждом доме этих населенных пунктов проживало не менее 18 (!) боеспособных мужчин. Если при этом считать, что все дома были жилыми – а ведь наверняка в Химое было здание райсовета, милиции, сельпо и т.д. Во всяком случае, в документах есть упоминания о том, что повстанцы разграбили в Химое партийные и советские учреждения, растащили их имущество. Химой также был взят 17 августа 1942 г. Захват райцентра удался благодаря тому, что начальник ОББ НКВД ЧИАССР А. Алиев 16 августа 1942 г. вывел из Химоя опергруппу НКВД и войсковую часть, оставив населенный пункт без защиты.

Итум-Калу повстанцы взять не смогли, несмотря на то, что их насчитывалось, якобы, полторы тысячи. Впрочем, от взятия Дзумсоя и Химоя до атаки на село Итум-Кале прошло три дня. Не исключено, что отряд М. Шерипова смог соединиться с какими-то другими отрядами повстанцев. Есть сведения об участии в штурме Итум-Калы отрядов И. Магомадова и Бадаева[47]. Первый был командиром одной из «боевых дружин» Х. Исраилова. Вероятно, это была единственная и самая крупная совместная акция Шерипова и Исраилова. Стремительный захват Дзумскоя и Химоя в течение одного дня говорит о том, что у М. Шерипова имелся какой-то план восстания. Но Итум-Калу захватить 20 августа не удалось. Гарнизон населенного пункта оказал ожесточенное сопротивление. Затем в этот же день прибыло подкрепление в составе двух рот РККА, которые отбросили повстанцев от городка. Собственно говоря, на этом все крупные повстанческие акции М. Шерипова и завершились.

Повстанческое движение осенью 1942 г. пошло на спад во многом из-за жесткой позиции Советской власти. Абдурахман Авторханов пишет о бомбовых ударах, которым подверглись населенные пункты, контролируемые повстанцами – Шатой, Итум-Кала, Галанчож. Но Итум-Кала никогда не была взята повстанцами. Весной 1942 г. бомбовым ударам дважды подверглась вся Горная Чечено-Ингушетия. Было очень много жертв среди мирного населения.

А. М. Арсамаков пишет, что осенью 1942 г. массовым тиражом были выпущены советские листовки. Повстанцам обещали «легализацию», мобилизация в армию отменялась для чеченцев. В армию могли идти только добровольцы[48]. Действительно, с конца января по март 1943 г. в Чечне прошла мобилизация добровольцев. Всех остальных могли направить только в Трудовую армию, для восстановления народного хозяйства, притом – после окончания войны. Любой желающий мог свободно выйти из колхоза. Лидерам сопротивления была предложена амнистия и руководящие должности в советском аппарате.

Это привело к отходу людей от восстания – ведь фактически они добились всего, чего хотели, кроме независимости. К тому же, становилось очевидно, что немецкое наступление остановлено в Сталинграде, что, по крайней мере до лета 1943 г. немцы на Кавказ точно не придут. К концу 1942 г. вермахт остановился в своем наступлении на кавказском направлении. А с 3 января 1943 г. РККА сама перешла в наступление. Малгобек был окончательно отбит у немцев, освобожден Моздок[49].

«Во второй половине 1942 г.», как пишет А. Арсамаков, а, скорее, в конце 1942 г. в Галанчоже состоялся съезд народных представителей. Съезд отменил независимость Чечено-Ингушской республики. Съезд призвал горцев подчиниться Советской власти, так как

дальнейшая борьба стала бессмысленной. Восстание не разрослось на весь Кавказ, ни Германия, ни другие страны помощи оказать не сумели. Группу старейшин убедивших горцев покориться Советской власти возглавляли - житель с. Ачхой-Мартан устаз Солса Яндаров и житель с. Шалажи устаз Бауди Арсанов. Х. Исраилов, Идрис Магомадов, Хасуха Магомадов и Иби Алхастов подчинились решению съезда и сложили с себя полномочия. Однако они сделали заявления, что поклялись на Коране до конца жизни вести непримиримую борьбу с Советской властью. Поэтому они обязаны пасть на поле боя. Однако они обещали, что будут сражаться вдали от населенных пунктов, чтобы не подвергать опасности мирное население. Еще 300 повстанцев приняли решение продолжить борьбу, разделились на отряды по 30-40 человек и покинули съезд[50]. В целом борьбу против Советской власти в результате съезда прекратили около 4 000 человек. Они прошли «легализацию», однако не сдали большинство оружия – пулеметы, автоматы, автоматические винтовки. Для представителей Советской власти это означало, что чеченцы ждут второго наступления немцев на Кавказ.

Наступление немцев на Орджоникидзе было остановлено в районе осетинского аула Гизель. Здесь части Советской армии сами перешли в контрнаступление. 24 декабря 1942 г. Советская Армия начала общее наступление на Северном Кавказе. Этот удар одновременно отбрасывал противника от нефтяных месторождений Кавказа и отвлекал внимание немцев от Сталинграда. В течение января 1943 г. Советская Армия освободила Малгобек, Моздок, Нальчик, Пятигорск, Минеральные воды, Ставрополь, Армавир. Битва за Кавказ, однако, завершилась лишь летом 1943 г. За пять месяцев вермахт потерял на Северном Кавказе свыше 100 тысяч солдат и офицеров раненными, убитыми, больными и обмороженными. Активное участие в боях на Северном

Кавказе принимали 242-я и 317-я стрелковые дивизии, которые были сформированы в Чечено-Ингушетии. Отличился отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион, совершивший 30 ноября 1942 г. стремительный рейд по вражеским тылам за Моздоком.

М. Шерипов был убит 7 ноября 1942 г. то ли в ссоре со своими соратниками, то ли в результате спецоперации НКВД. Во всяком случае, И.Е. Дунюшкин утверждает, что он был убит своими дальними родственниками, агентами НКВД «Егерь» и «Охотник»[51].

Не обязательно, что люди, обозначенные в документах НКВД оперативными псевдонимами, являются агентами НКВД. Тот же Осман Губе проходил под псевдонимом «Полковник». Но агентом НКВД не являлся. И. Е. Дунюшкин работает в институте повышения квалификации сотрудников ФСБ. Возможно, он имел доступ к каким-то документам, не введенным в широкий научный оборот. Но, вероятнее всего, что смерть М. Шерипова стала «ценой легализации» двух его дальних родственников.

Вообще агенты НКВД-НКГБ и провокаторы сыграли значительную роль в подавлении повстанческого движения в Чечне. Несмотря на то, что А. Авторханов писал о том, что среди чеченцев нет доносчиков, что доносчиков в Чечне сразу убивают и кровную месть не объявляют и т.д., агенты и провокаторы были распространенным явлением в Чечено-Ингушетии в это время. Например, в мае 1942 г. только в Ножай-Юртовском районе на 27 тысяч человек населения, действовало 29 осведомителей[52]. Вербовали их, скорее всего, из-за старых провинностей перед Советской властью. Но значительную роль играла и практика «легализации». Чтобы получить «легализацию» мало было просто выйти из леса и сдать оружие. Зачастую

необходимо было поделиться какими-то сведениями, даже оказать органам госбезопасности какую-то помощь.

Причиной спада повстанческого движения в Чечне в 1943 г. стала и новая тактика борьбы с бандповстанчеством. С учетом опыта боевых действий в горно-лесистой местности были созданы маневренные «оперативные группы» из военнослужащих войск охраны тыла, НКВД-НКГБ и местных активистов. Такие группы состояли из людей, которые имели опыт боевых действий в горах. Они были вооружены автоматическим оружием. Численность оперативных групп составляла 10-20 человек. Их действия давали гораздо больший эффект, чем крупные войсковые операции, так как оперативные группы действовали такими же партизанскими методами, как и сами повстанцы.

К августу 1943 г. деятельность повстанцев сводилась, главным образом к скотокрадству, нападениям на обозы с продуктами питания. Продолжались также нападения на представителей местной советской администрации, милиционеров. Однако повстанцы избегали вступать в какие-то стычки с частями НКВД-НКГБ или армии[53]. Поэтому данные о последнем периоде повстанческого движения в октябре 1943 г., скорее всего, значительно преувеличены. Так, в октябре 1943 г. заместитель Берии, комиссар государственной безопасности 2-го ранга Серов сообщил заместителю наркома юстиции ЧИАССР Д. Мальсагову, что в районе села Нижелой идет 3-дневный бой частей РККА с чеченскими бандами, которые насчитывают несколько тысяч человек. Однако, Д. Мальсагов только что вернулся из истребительного отряда в Нижелое, и знал, что там никаких боевых действий вообще не было[54]. С другой стороны, значительный массив документов из партгосархива ЧИАССР, так называемая «коллекция профессора Божедомова» свидетельствует, что в октябре-

ноябре 1943 г. повстанческое движение уменьшилось настолько, что практически можно было говорить о его исчезновении.

Х. Исраилову приписывается создание в 1943 г. военизированной организации «Кавказские орлы» (полное название – Добровольческая Армия кавказских орлов-гитлеристов, ДАКО). Однако к осени 1943 г. стало очевидно, что весной 1944 г. второе наступление на Кавказ еще менее вероятно, чем весной 1943 г. Начался процесс массовой легализации повстанцев и членов политбанд. За октябрь-ноябрь 1943 г. легализовалось свыше 1300 боевиков, в том числе – Джавотхан Муртазалиев, ветеран антисоветской борьбы, недавний сподвижник М. Шерипова и Амчи Бадаев, второй ветеран антисоветской борьбы с 15-летним стажем, участник штурма М. Шериповым Итум-Калы.

Действительно, все непримиримые лидеры повстанцев сдержали свое обещания – они действовали в труднодоступных районах Чечни, не подвергая опасности мирное население.

С 1 сентября по 1 ноября 1943 г. за два месяца части РККА и НКВД-НКГБ не имели в Чечне никаких потерь. На 1 ноября 1943 г. продолжали действовать только три постоянных банды – Хасана Исраилова, Идриса Магомадова и Серли Махмудова. Кроме того, насчитывалось еще 20 одиночек и мелких (по1-3 человека) групп[55].

3.2. Борьба НКВД с чеченскими повстанцами после ликвидации ЧИАССР

Накануне начала операции «Чечевица» чекисты предприняли очередную попытку ликвидировать Хасана Исраилова. НКВД-НКГБ установил, что его скрывает Джавотхан Муртазалиев с помощью своего брата Аюба и

сына Хас-Магомада. 13 февраля 1944 г. Джавотхан и Аюб Муртазалиевы были арестованы. Аюб Муртазалиев показал, что Х. Исраилов скрывается в пещере Бачи-чу Дзумсоевского сельсовета Итум-Калинского района. В ночь с 14 на 15 февраля 1944 г. опергруппа Церетели окружила и обыскала пещеру Бачи-чу. Однако ни лидера, ни самой банды там уже не было. Был найден один ручной пулемет «Дегтярев», два диска к нему, одна английская десятизарядная винтовка, одна русская трехлинейная винтовка, 200 винтовочных патронов, бумаги Х. Исраилова общим весом около 2 кг. Иногда указывают, что была обнаружена еще одна винтовка иранского производства. В бумагах были обнаружены списки членов ОПКБ Итум-Калинского, Галанчожского, Шатоевского и Пригородного районов – 540 фамилий, 35 членских билетов организации «Кавказские орлы», напечатанных типографским способом в Германии, карта Кавказа на немецком языке. Было очевидно, что Х. Исраилов покидал пещеру в спешке. Аюб Муртазалиев показал, что его сын Хас-Магомад перевел Х. Исраилова в другую пещеру.

23 февраля 1944 г., в день начала операции «Чечевица» по депортации чеченцев и ингушей, в отряд Х. Исраилова пришли супруги Байсаровы – Ахметхан и Лайсат – молодые партийные работники, альпинисты и снайперы, которым НКВД безоговорочно доверяло. Лайсат Байсарова, в частности, была первым секретарем Итум-Калинского райкома ВЛКСМ. Они решили начать вооруженную борьбу в знак протеста против депортации чеченского народа. Чтобы добиться доверия у Х. Исраилова, они напали на спецгруппу НКВД на мосту через р. Шаро-Аргун. Байсаровы захватили спецпакет для гарнизона Химоя – шифрокоды для радистов и пароли на месяц. Откровенно говоря, все это Х. Исраилову было уже не нужно, но Байсаровы, во время нападения убив

лейтенанта НКВД и женщину-писаря, стали «повязаны кровью» с повстанцами.

Криминогенная обстановка в Чечено-Ингушетии после депортации резко обострилась, т.к. некоторая, но небольшая часть населения, в основном – мужчины, уклонялась от депортации, пыталась скрываться в горах и лесах, и оттуда вела борьбу с НКВД.

Чтобы уничтожить народных мстителей, вся горная Чечня была разделена на секторы, участки, микроучастки. Повсюду рыскали спецотряды с рацией во главе с офицерами. До выселения чеченцев они просто изучали местность, привыкали к ней, составляли подробные карты, после - охотились на абреков-одиночек, случайно или намеренно оставшихся в опустевших горах.

В мае 1944 г. в группе Х. Исраилова оставалось всего 4 человека. 25 мая 1944 г. замнаркома НКГБ СССР Б. Кобулов просил Л. П. Берию направить из Алма-Атинской области в Чечню религиозных авторитетов – «красного шейха» Баудтина Арсанова и Абдул-Гамида Яндарова (Солсахаджиева) с мюридом Бахой Баутдиновым для разложения повстанцев, вывода из гор и лесов людей, которые уклонились от выселения[56].

Берия рекомендовал Кобулову отказаться от массированного прочесывания гор и лесных массивов, так как они не дают результатов в летних условиях – «зеленка» покрылась листвой. Нужно сосредоточиться на различных агентурно-оперативных комбинациях. Целью работы должны стать ликвидация лидеров повстанческих групп и отрыв руководителей групп от рядовых участников. Был разработан ряд оперативно-агентурных комбинаций. В частности, создана группа «майора Вихря» из 12 человек, которые изображали немецких парашютистов. «Майор Вихрь» был фольксдойче, в совершенстве владел немецким языком, работал нелегально в Германии. Он должен был связаться с Х.

Исраиловым, Иби Алхастовым, Идрисом Магомадовым. От имени немецкого командования, «майор Вихрь» должен был предложить им вплоть до особого распоряжения командования вермахта воздерживаться от активности. Затем «майор Вихрь» должен был предложить им отправиться в Турцию, на встречу с «представителями немецкого командования». На этот случай были приготовлены конспиративные квартиры в Грозном и Боржоми. Во время отъезда лидеров, их группы должны быть ликвидированы[57].

Другие группы чекистов изображали углежогов, геологическую партию. Для ликвидации группы супругов Байсаровых (проходят в документах как группа Байсагурова) была создана группа чекистов, которые изображали «хозяйственную комиссию», вывозившую имущество депортированных. Это было сделано после того, как Байсаровы напали на такую хозяйственную комиссию. В этой группе было 12 человек и 2 ручных пулемета.

Агентурная работа проводилась в основном по линии легализации. После депортации населения из Чечни положение повстанцев резко ухудшилось. Они не могли найти себе убежище, т.к. население было выслано. По той же причине они не могли уходить в подполье и изображать мирных жителей. Появились проблемы с питанием, медикаментами, боеприпасами, одеждой. Оставшееся в домах имущество депортированных чеченцев вывозили специальные «хозяйственные комиссии». Повстанцы, оставшиеся в Чечне, были, по существу, обречены. В том числе – и при заселении Чечни новыми колонистами – ведь новые жители были бы к ним враждебно настроены. Этим объясняется то, что повстанцы теперь достаточно охотно шли на сотрудничество с органами безопасности. Но «цена»

легализации теперь значительно выросла по сравнению с 1942 и даже 1943 гг.

Для розыска и ликвидации Хасана Исраилова в начале лета в Ахалхоевский район был заброшен Мехтиев Завалу Абдул-Азизович, агент «Алхазур». В1931-1941 гг. он хорошо знал Х. Исраилова, так как Исраилов собирался жениться на его младшей сестре. «Алхазур» сотрудничал с органами НКВД-НКГБ с 1942 г. «Алхазур» кроме оружия имел при себе яд. В случае если бы ему не удалось найти Х. Исраилова, он должен был отыскать либо Алхастова, либо Магомадова и ликвидировать их[58].

Ахметхан Байсаров погиб в сентябре 1944 г. в ауле Мойсты, Л. Байсарова там же была тяжело ранена.

В октябре 1944 г. к Яндарову явились члены исраиловской группы – Абдурахман Исбахиев и Эльберт Исаев. А. Исбахиев по заданию НКВД-НКГБ создал «бандгруппу» из своих родственников – трех братьев Байсагуровых и двух братьев Умаевых. Все они ранее были в отряде Х. Исраилова, а потом откололись от него и создали так называемую, «кенахоевскую банду». Х. Исраилов этих людей остерегался, потому что они хорошо знали его приемы и методы. Группа Исбахиева действовала за вознаграждение.

А. Исбахиев связал их с агентом НКВД-НКГБ «Индербаевым» и, якобы от лица Яндарова, дал им задание ликвидировать Х. Исраилова. С 26 ноября по 1 декабря 1944 г. Исбахиев встретился с Х. Исраиловым в ауле Терлой и получил от него для передачи Яндарову письма, адресованные самому Яндарову, Дроздову, начальнику ОББ НКВД-НКГБ Чечни и «в Москву».

Писем было три. В письме к Яндарову Х. Исраилов просил встретиться с ним, поговорить о сложившейся обстановке, на которую изменил свои взгляды. Для выхода из сложившейся ситуации ему нужен совет Яндарова. Х.

Исраилов также просил прислать ему табак, одежду, бумагу дли письма, последние номера газет.

Второе письмо было адресовано начальнику ОББ НКВД-НКГБ Дроздову. Он интересовался участью Хусейна Исраилова, своего младшего брата и дяди Османа Мурадова, которые были арестованы. В письме содержалась просьба прислать ему последние номера газет и журналов, бумагу для письма, карандаши и, самое главное – лекарство от туберкулеза. Текст этого письма встречается в Интернете, в отличие от других писем. Тон письма спокойный, дружелюбный. Х. Исраилов утверждает, что не так уж он виноват. Как можно судить по письму, Х. Исраилов считает, что для него есть возможность наладить отношения с властями. Из-за этого письма уже в наше время возникла версия, будто Х. Исраилов был агентом НКВД, который спровоцировал восстание в Чечне, чтобы Берия имел достаточно аргументов для депортации чеченцев и ингушей.

Третье письмо адресовано Сталину, Молотову, Верховному Совету, иностранным корреспондентами представителям союзных держав одновременно. В нем содержатся объяснения причин его антисоветской деятельности. Смысл письма сводится к тому, что при определенных условиях он и другие полевые командиры согласны явиться с повинной. Х. Исраилов указывал, что переселение – неправильная мера. Молодежь Чечни воспитывалась в советских школах и выступала за Советскую власть. Основная проблема – это слаборазвитые и отсталые колхозы. Духовными проблемами является пренебрежение авторитетом духовных лиц, лишение духовенства политических прав. Изменилась и психология народа – в каждой чеченской семье хоть кто-то обязательно сидел в тюрьме или даже был расстрелян. Переселение привело лишь к росту преступности с марта 1944 г. на 160 %. Выход из ситуации

Х. Исраилов видел в отмене решения Советского правительства о депортации и в начале мирных переговоров. В процессе переговоров нужно предоставить «полные политические права» чечено-ингушскому народу. Под этим пространным документом, который Х. Исраилов почему-то называл «телеграммой» стояли подписи нескольких лидеров повстанческих групп. «Телеграмма» была доведена до сведения Л. П. Берии[59]. Другое дело, что, конечно, теперь Советская власть не желала вести никаких переговоров с повстанцами. Ведь они лишились поддержки населения, которое было депортировано. В пустых горах и лесах повстанцев было переловить гораздо легче.

Встреча Исраилова с Яндаровым была назначена на 7 декабря. По пути на встречу Исраилова ждали две засады из людей А. Исбахиева. Но если бы ему удалось благополучно избежать засад, то Яндаров должен был ему передать «посылку» в которой было, якобы лекарство и другие вещи, но на самом деле там находилось взрывное устройство.

На первую встречу 7 декабря 1944 г. Яндаров не явился. Хотя Х. Исраилов на место прибыл. Посредник – родственник Яндарова Абдурахман Исбахиев объяснил это осторожностью Яндарова. Хотя люди А. Исбахиева и сидели в засаде, стрелять они не решились. Место второй встречи через два дня назначил уже сам Х. Исраилов. На встречу в качестве снайперского прикрытия он взял Л. Байсарову[60]. Однако как прошла эта встреча – неизвестно.

В ночь с 14 на 15 декабря 1944 г. дом, где ночевал Х. Исраилов, в селе Ошной, был окружен группой А. Исбахиева. В перестрелке Х. Исраилов был ранен в руку и в бок, но ему удалось уйти. Агентура НКВД-НКГБ сообщила, что Исраилов тяжело ранен и люди из его группы – Чока Юсупов и Зома Завгаев ищут перевязочные

материалы. Впрочем, существует версия, что на самом деле во время перестрелки в селе Ошной Х. Исраилов был убит. Ч. Юсупов и З. Завгаев специально распускали слухи, что он жив, чтобы не вызвать уныния среди повстанцев.

26-27 декабря 1944 г. Ч. Юсупову и З. Завгаеву была устроена встреча с представителями НКВД-НКГБ с помощью Яндарова. З. Завгаев согласился за 400 000 рублей выдать живого Х. Исраилова. Другими условиями было предоставление «легализации» всем участникам группы, которые сдадутся добровольно и освобождение из Грозненской тюрьмы дяди Х. Исраилова по матери – Османа Мурадова, который играл заметную роль в восстании. Дело в том, что вместе с Х. Исраиловым находились его сын Магомед, Хожаев Сейд-Али, Хожаев Сейди и Завгаев Адам. Они сдаваться не собирались, ожидали, что они окажут активное сопротивление.

После того, как представители НКВД-НКГБ дали согласие на эти условия, 28 декабря в горы отправился отряд по поимке Х. Исраилова. В него входили оперативная группа НКВД-НКГБ, Яндаров, З. Завгаев, группа легализованных бандитов из 10 человек. Подробности последующих событий не известны. Однако при осмотре трупа были обнаружены ранения в руку и живот, которые Х. Исраилов получил в перестрелке с 14 на 15 декабря и два пулевых ранения в голову, которые стали причиной смерти. Яндаров сообщил сотрудникам НКВД-НКГБ, что стрелял З. Завгаев. Труп Х. Исраилова был доставлен из аула Бушни-Ошной в Урус-Мартан и там тайно похоронен.

Осман Мурадов был действительно освобожден из тюрьмы 29 декабря 1944 г., но уже 30 декабря умер. Официальная причина смерти – организм был ослаблен недоеданием в тюрьме, после выхода на свободу О. Мурадов чересчур много съел.

После смерти Хасана Исраилова Муса Хунариков, Иби Алхастов и Магомед Исраилов (сын Х. Исраилова) продолжали борьбу в отряде ингушского полевого командира Ахмеда Хучбарова. Группа А. Хучбарова и Махаури Бисолта были в свое время принципиально согласны ликвидировать Х. Исраилова. Но в действиях по его ликвидации никакого участия не принимали. Однако агентура НКВД-НКГБ повсюду распространяла слухи об их участии в гибели Х. Исраилова, чтобы оттолкнуть от них немногочисленных абреков, которые еще остались в выселенной Чечне[61].

Идрис Магомадов действовал в горах до зимы 1946-1947 гг. После выселения чеченцев, оставшиеся в горах повстанцы голодали, болели, т.к. лишились поддержки населения, у них не было возможности переночевать в тепле, раздобыть продукты или лекарства. Идрис Магомадов (Бай Идрис) в 1946 г. был сильно болен. В одной из перестрелок получил серьезное ранение. Истек кровью на руках у своего единственного сподвижника Мусы Хунарикова. М. Хунариков после этого сдался, был осужден, освободился лишь в 1958 г. Сотрудники МГБ, когда в руки им попало тело И. Магомадова, всадили в него еще несколько пуль и отрубили голову, а затем представили труп как результат проведенной ими «спецоперации»[62].

Лайсат Байсарова рассказывает несколько иную версию гибели Бай Идриса. Бай – это имя матери И. Магомадова. Л. Байсарова, правда, называет его Магомадом Идрисовым. По версии Л. Байсаровой, он погиб в ее присутствии, летом 1944 г. Местонахождение группы И. Магомадова выдал под пытками в НКВД Султан Мамедов. Группа была окружена в горах. В начале боя пулеметной очередью И. Магомадову оторвало руку. Он залег за валуном и стал прикрывать отступление группы. Хасан Исраилов послал туда ночью Л. Байсарову,

т.к. она обладала альпинистскими навыками, могла незаметно пробраться по скалам. Л. Байсарова принесла ему чай с медом, перевязала и зарядила пистолет. Затем чекисты начали ночную атаку, Л. Байсарова укрылась поблизости. И. Магомадов успел выстрелить только три раза. Затем пуля попала в его пистолет, он получил несколько ранений и упал. Потом майор-грузин выстрелил в него разрывной пулей в упор. Затем этот же майор отрезал ему голову[63].

Эта версия подтверждена документами. Это произошло 23 августа 1944 г. И. Магомадова преследовали бойцы 141-го горнострелкового полка, который был предназначен для борьбы с бандами. Командовал операцией по уничтожению И. Магомадова майор Светладзе[64].

Иби Алхастов погиб в январе 1948 г., в бою с отрядом НКВД. Он был несколько раз ранен и поэтому остался прикрывать отступление своей группы[65].

Одним из немногих оставшихся в живых к 1948 году повстанцев был, находящийся с 1944 года в группе Идриса Магомадова, Бехоев Дунди Дадаевич. В 1949 году Бехоев легализовался, явившись в органы МГБ Грузинской ССР. Тогда же в 1949 г. органами ГБ ГССР Бехоеву было дано задание, способствовать выявлению бандитов, для чего Бехоев был вооружен и вновь направлен в места, где оперировали повстанческие группы. Бехоев не выполнил задание органов МГБ, как он показывал, потому, что он рассказал повстанцам о цели своего прихода и ими был разоружен.. В августе 1951 года в селении Советское, Грозненской области в доме Мусаевой Хавы он был задержан, а затем, в 1952 году осужден Особым Совещанием МГБ СССР[66].

Даже после уничтожения основных сил сопротивления, отдельные группы повстанцев продолжали вести боевые действия против существующей власти. Конечно, их деятельность не могла бы быть

обеспечена без определенной поддержки со стороны населения живущего теперь на земле чеченцев. И такая поддержка, особенно со стороны аварского и грузинского населения продуктами питания, одеждой, предоставлением жилища для повстанцев существовала. Конечно же, она носила далеко не массовый характер, но имела место быть. Например, 18 марта 1949 года отделом ББ МВД ДАССР за пособничество «чеченским бандитам в Веденском районе, ДАССР был арестован, а затем и осужден на 8 лет ИТЛ житель села Тандо (Элистанжи), аварец Халилов Асхаб. В ходе следствия выяснилось, что Халилов А. в течение длительного времени «поддерживал преступную связь с действующими чеченскими бандитами на территории бывшей ЧИАССР. Неоднократно принимал бандитов у себя дома, угощал их и оказывал им всяческую помощь, чем самым помогал бандитам продолжать свои преступные действия и скрываться от органов власти». В том числе Халилову Асхабу инкриминировали, что летом 1947 года он принял у себя дома «бандита из банды Абдурахманова – Магомадова Хасуха, в честь чего устроил вечеринку, а перед уходом дал бандиту около пуда муки»[67]. За подобные же действия был осужден на 8 лет и житель села Марзой-Мохк, Веденского района, аварец по национальности, матерью которого была чеченка, Махмудов Таха.

24 декабря 1948 года по постановлению Особого Совещания при МВД СССР заключен в ИТЛ сроком на 10 лет аварец, житель села Верхний Датых, Первомайского района Грозненской области Нурмагомедов Абдурахман, за то, что «он с 1944 по 1948 год имел связь с бандитами чеченцами, снабжал их продуктами питания и содействовал в совершении ограблений»[68].

По свидетельству генерал-майора КГБ Э. Б. Нордмана, последние две организованные группы повстанцев, созданные во время войны, действовали в

горах Чечни еще в 1968 г. Они уже не вели никакой политической борьбы, занимались чисто выживанием. При республиканском УКГБ был создан спецотдел ОББ, который эти группы ликвидировал примерно в 1969-1970 гг.[69].

Небольшие группы повстанцев действовали на бывшей территории ЧИАССР еще длительное время. Хасуха Магомадов, «последний абрек», сражался в горах до 1976 г. В том году ему был 71 год, он был болен раком в последней стадии. Предчувствуя приближение смерти, он побрился, искупался, выстирал одежду и пришел на кладбище своего родового села в Шатойском районе, где вырыл себе могилу. Но там был замечен и окружен милицией, дружинниками и солдатами. Х. Магомадов уже не мог самостоятельно удерживать винтовку, поэтому соорудил треножник для стрельбы. В перестрелке ему удалось все же убить одного работника милиции. Тело старого абрека было буквально изрешечено автоматными очередями. Но результаты вскрытия показали – состояние его организма было таким, что вряд ли Х. Магомадов сумел прожить еще хотя бы сутки – организм был съеден метастазами рака.

Оценка повстанческого движения Х. Исраилова и М. Шерипова неоднозначна. Существует целый спектр мнений. В современной российской историографии распространена «имперская» концепция этого движения, наиболее ярко представленная в статьях И. Пыхалова. Восстание было массовым, Х. Исраилов и М. Шерипов сотрудничали с нацистами и сами были нацистами. Поэтому депортация – вполне заслуженное наказание.

Встречается версия, что Х. Исраилов и М. Шерипов были провокаторами, которые инсценировали это движение по заданию НКВД-НКГБ, чтобы подготовить почву для депортации. В пользу этой версии говорит то, что они были представителями советской национальной элиты.

Нет непротиворечивых и хоть сколько-нибудь подробных версий их биографий. Подозрительна переписка Х. Исраилова с С. Албогачиевым и начальником ОББ НКВД Дроздовым. Подозрительна программа Особой партии Кавказских братьев, написанная Х. Исраиловым. Но в этом случае действия НКВД нелогичны. Если восстание Х. Исраилова началось в феврале 1940 г. (как написано едва ли не в половине публикаций), то значит, Сталин планировал выселить чеченцев еще до войны. Но потом об этом забыл и начал выселять другие народы. Если же восстание Х. Исраилова началось осенью 1941 г., то НКВД-НКГБ вел очень рискованную игру – начинать крупную провокацию на Северном Кавказе, где и до этого вспыхивали неоднократно вооруженные восстания, когда немцы стоят под Москвой. Причем неизвестно было, устоит ли Советская власть и удастся ли ей депортировать чеченцев.

Тогда более правдоподобна версия А. И. Ляпчева[70] о том, что Л. П. Берия осенью 1941 г. не исключал падения Москвы и краха Советской власти и пытался вести свою игру. Поэтому Л. П. Берия не подавлял демократическое национально-освободительное движение Х. Исраилова и М. Шерипова в Чечне, чтобы потом, в случае поражения СССР, попытаться вести с немцами переговоры от лица народов Кавказа. В эту схему укладывается стремление Л. П. Берии с весны 1942 г. во что бы то ни стало убить и Х. Исраилова, и М. Шерипова, не брать их ни в коем случае живыми, чтобы они не смогли дать никаких показаний. Ведь и Авторханов в апреле-мае 1942 г. получил от Л. П. Берии задание обязательно убить Х. Исриалова, а не заниматься разведкой в его штабе, хотя А. Авторханов не был диверсантом и вообще не имел военной подготовки.

В любом случае, под какими бы лозунгами не осуществлялось движение Х. Исраилова и М. Шерипова,

как считают некоторые исследователи, оно нанесло колоссальный вред чеченскому народу, потому что предоставило Сталину предлог для расправы над Чечней[71].

Но можно согласиться с Синицыным, который утверждает, что нельзя однозначно утверждать, что одной из основных причин депортации чеченцев и ингушей послужило вооруженное антисоветское повстанчество.

« Принимая во внимание,- пишет он,- что эти явления во время войны были распространены и на других территориях Советского Союза, их необходимо рассматривать в совокупности с другими мотивами депортаций, включая и "возмездие" главному противнику и его союзникам в связи с началом войны (депортация этнических немцев, финнов и др.), и наказание за пособничество врагу во время оккупации, и "устрашение" присоединенных к СССР в 1939 - 1940 гг. народов, и "превентивные меры" - избавление ряда народов от "соблазна предательства", и военно-стратегические задачи - освобождение стратегически важных областей страны от "потенциально нелояльного" населения, и "решение" национального вопроса путем ликвидации многонационального состава страны и ассимиляции "малых народов", и "грузинский фактор" - личное отношение Сталина и Берии к отдельным народам, а также их возможное намерение предоставить Грузинской ССР приоритетную роль на Кавказе, и извлечение экономической выгоды[72].

Примечания

1.Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР.– М.: СП «Вся Москва», 1991. – 79 с. (Под псевд. А. Уралов). – с. 1.

2.Заключение по Ножай-Юртовскому району, 23 мая 1942 г..// ГАРФ. Ф.Р.-9478. Отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом// Цит. по: Чеченцы и ингуши. Пакет документов №2 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С.57–59)
3.Там же.
4.Бугай Н. Л. Берия – И Сталину: «Согласно Вашего указания…» - М.: АИРО-XX, 1995. С. 91.
5.Там же. С.97-98
6.Степан Кашурко. О легендарной ингушке ЛайсатБайсаровой. //http: //www.memo.ru/ hr/hotpoints/ caucas1/msg/2007/02/ m85268. htm. 01 августа 2014 г.
7.ГАРФ. Д.401. Оп.12. Д.127-09. Л.80.
8.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. История Чечни XX и начала XX1 веков. С.484-494.
9.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. – Грозный, 2009. С. 65
10.См.: Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа. Материалы республиканской научно-практической конференции. Грозный, 2007. С.16.
11.Музаев М.Н. Игра в «темную» с правовыми оценками и историографией // Объединенная газета. 2004. № 3(35).
12.Ибрагимов Мовсур М., Хатуев Ислам З. Подвиг во имя Родины. (Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) Грозный, 2015. С.160-161.
13.Музаев М.Н. Игра в «темную»…
14.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. С.619.
15.Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР.– М.: СП «Вся Москва», 1991. С. 12.
16.Слободянюк А. Бригада-Дивизия милиции войск НКВД по охране тыла Южного фронта 1941-1943 гг.// Материал Форума Поисковых Движений forum.patriotcenter.ru/ 03 Июль 2011
17.ГАРФ. Ф.Р-9478. Оп.1. Д.55. Л.1-9.
18.Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. - М., 2007. - С.462
19.Слободянюк А. Бригада-Дивизия милиции войск НКВД по охране тыла Южного фронта 1941-1943 гг.// Материал Форума Поисковых Движений forum.patriotcenter.ru/ 03 Июль 2011
20.Цит.по: http://www.hrono.ru/sobyt/1900sob/1917chech.php. Выписка из протокола № 156 бюро обкома ЧИАССР от 9 ноября 1941 г.// ГАРФ. Ф.Р.-9478. Отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом.
21.ГАРФ. Ф.Р.-9478. Оп.1. Д.55. Л.370.

22.Письмо С. Албогачиева к Х. Исраилову от 10 ноября 1941 г.// ГАРФ. Ф.Р.-9478. Оп.1. Д.55. Л.1-9.
23.Письмо С. Албогачиева к Х. Исраилову от 10 ноября 1941 г.// ГАРФ. Ф.Р.-9478. Оп.1. Д.55. Л.1-9.
24.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ. соч. С. 85.
25.История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т.2. С.628
26.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ.соч. С. 86
27.Цит. по: Чеченцы и ингуши. Пакет документов №2 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С.57–59)
28.Там же.
29.ГАРФ. Ф.9401. Оп.9. Д.80. Л.798; Оп.2. Д.1. Л.582 и др.
30.ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.68. Л.32; Д.3. Л.505 и др.
31.Цит. по: Чеченцы и ингуши. Пакет документов №2 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С.57–59).
32.Там же.
33.Филькин В. И. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный. 1989. С.30
34.Там же
35.Там же. С.32.
36.Бабиченко Д. Сидоров Н. Чеченские грабли.//Итоги, № 4 (294), 29 января 2002.
37.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ.соч. С. 75-78
38.ГАРФ. Ф.Р.-9479. Оп.1. Д.157. Л.78.
39.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ.соч. С. 59
40.Бабиченко Д. Сидоров Н. Чеченские грабли.//Итоги, № 4 (294), 29 января 2002.
41.ГАРФ. Ф.Р.-9478. Оп.1. Д.41. Л.244
42.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ.соч.С. 61
43.ГАРФ. Ф.8131. Оп. 32. Д.5066. Л.93-94.
44.См.: Ибрагимов Муса М. Василий Иванович Филькин-видный государственный и общественный деятель Чечено-Ингушетии//Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни.-Грозный. 30 ноября-1 декабря 2012 г. С. 253-257.
45.Бабиченко Д. Сидоров Н. Чеченские грабли.//Итоги, № 4 (294), 29 января 2002.
46.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ.соч. С. 77
47.Петров В. Александров В. Второй кавказский фронт.// Независимое военное обозрение, №11, 2001.

48.Арсамаков А. М. Указ.соч.
49.Бугай Н. Л. Берия – И Сталину: «Согласно Вашего указания…» - М.: АИРО-XX, 1995. С. 100
50.Арсамаков А. М. Указ. Соч.
51.И.Е.Дунюшкин. Идеологический и военный аспект борьбы с вайнахским национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в 1941 году. Доклад на научной конференции 9 декабря 2001 года.// Сборник докладов "Мир и война: 1941 год". - Издательство гуманитарного университета. Екатеринбург. 2001г.
52.Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С.57–59.
53.Турченко С. Серые волки абвера.// Труд-7, 6 июня 2005.
54.Н. Нухажиев Х. Умхаев. Указ.соч. С.86
55.Божедомов А.И. Выселение // Импульс. 1993. № 8 (70). С. 10 -11.
56.См.: Чеченцы и ингуши. Пакет документов №2 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С.57–59.
57.Степан Кашурко. О легендарной ингушке Лайсат Байсаровой. …
58.Степан Кошурко. Там же.
59.Бугай Н. Л. Берия – И Сталину: «Согласно Вашего указания…» - М.: АИРО-XX, 1995. С. 113
60.Степан Кошурко. Указ.соч.
61.Там же.
62.Арсамаков А. М. Указ. Соч.
63.Степан Кошурко. Указ.соч.
64.См.: Чеченцы и ингуши. Пакет документов №2 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2. С.57–59
65.Арсамаков А. М. Указ.соч.
66.ГАРФ. Ф.8131.Оп.32. Д.980.Л.3-4.
67.ГАРФ.Ф 8131.Оп.32.Д.549. Л.3.
68.ГАРФ. Ф.8131. Оп. 32. Д.524. Л.16-17.
69.Турченко С. Серые волки абвера.// Труд-7, 6 июня 2005.
70.Ляпчев А. И. Загадки Абудрахмана Авторханова.// Проза. Ру., 2012.
71.См.:История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. С.630-631.
72.Синицын Ф. Л. Сопротивление народов СССР депортациям (1941 - 1949 гг.) //Вопросы истории. 2011. №2. С.48-49.

Глава 4. Жизнь чеченцев в условиях «спецпоселения»

4.1. Отлов чеченцев, избежавших депортацию, и их отправка в места спецпоселения

Пока новые хозяева чеченской земли грабили и делили оставленное имущество, операция по переселению чеченцев и ингушей продолжалась. Так, в мае-июне 1944 года были демобилизованы из Красной Армии и направлены на лесозаготовки во Владимирскую и Костромскую области свыше 1200 человек. По фронтам были изданы специальные приказы, в которых предлагалось "…всех чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселенцев НКВД Казахской ССР Алма-Ату"[1]. Многие командиры не выполняли этот приказ, укрывали своих бойцов, с которыми прошли самые суровые годы боев, давали им другие фамилии и национальности. Так было с Героем Советского Союза М. Висаитовым, которого не менее трех раз за годы войны представляли к этому званию, а получил он его только в 1990 году, так было и с известным разведчиком из отряда Д. Медведева А. Цароевым и другими.

Но уже в мае 1944 года на станцию Муром прибыли около 1 тысячи военнослужащих (сержанты, рядовые) чеченцев, ингушей и карачаевцев[2]. Они поступали из армейских соединений, действовавшей Красной Армии. Среди них был и Исмаил Исмаилов,уроженец села Гуни, Веденского района, воевавший еще в финскую войну 1939 года, и награжденный к 1944 году двумя орденами Славы, орденом Красной Звезды и медалями был, несмотря на отчаянное сопротивление командира полка, снят летом 1944 года с передовой и до конца войны заготавливал лес в одном из леспромхозов Костромской области. Как

отмечает Н.Ф. Бугай, прибытие бывших военнослужащих из числа репрессированных народов продолжалось как в конце 1944 г., так и в 1945 г. Многие из них устремлялись в бывшие республики, однако по строгому предписанию они вынуждены были убывать к местам нового расселения народов. Среди тех, кому посчастливилось довоевать до Победы, был и житель села Дышне-Ведено, Веденского района Нухаев Саид. Он был призван в Красную Армию в 1939 году. До 22 июня 1941 года их часть стояла под Архангельском. После начала войны Саида перебрасывали на разные участки фронта. Воевал и под Киевом, затем Венгрия, Австрия. После окончания войны полк, в котором он служил, держали в резерве. Демобилизовался в 1947 году. К этому времени он знал, что весь народ выслан в Казахстан и Киргизию, но все-таки приехал в Дышне-Ведено. Однако в его доме, как и в домах других чеченцев уже жили другие хозяева. После этого, Нухаев поехал в Семипалатинск, где находились его братья, и вернулся в родное село только в 1958 году[3].

Всего в отдаленные места последовали 3892 офицеров, сержантов и рядовых из числа чеченцев и ингушей, прибывших на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР. На местах органы власти не располагали сведениями о расселении их семей по областям и районам, что серьезно затрудняло бывшим воинам поиски своих семей[4].

Узнав о трагедии депортации, солдаты и офицеры действующей армии стали проявлять озабоченность судьбой своих родных и близких. 31 октября 1944 г. заместитель наркома внутренних дел В.В. Чернышов и начальник ОСП НКВД СССР В.М. Кузнецов направили Берии письмо, где сообщалось: "В НКВД СССР поступает значительное количество заявлений от офицеров и бойцов Красной Армии, являющихся по национальности калмыками, карачаевцами, балкарцами, чеченцами,

ингушами и крымскими татарами, которые ходатайствуют об освобождении из спецпоселения своих родственников - спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Крыма и бывшей Калмыкской АССР". Далее В. Чернышов и М. Кузнецов предлагали "в случае оставления заявителя на службе в Красной Армии и при отсутствии компрометирующих материалов на его родственников - спецпереселенцев (жену, детей, родителей, несовершеннолетних братьев и сестер) освобождать последних из спецпоселения в персональном порядке, без права их возвращения на Северный Кавказ, в Крым и на территорию бывшей Калмыкской АССР". Берия наложил на письме резолюцию: «Переговорите со мной". Чуть ниже имелась приписка В. Чернышова "Тов. Кузнецову. Тов. Берия согласен, но не применять широкой практики, исключительно индивидуально подходить по заключению ОСП НКВД СССР»[5].

В мае 1944 года Берия отдал приказ НКВД очистить Кавказский регион от представителей репрессированных народов, не оставив ни единого. В Дагестане, Азербайджане, Грузии, Краснодарском крае, в Ростовской и Астраханской областях были выявлены, в общей сложности 4146 чеченцев, ингушей и отправлены в места ссылки. По приказу Берии, на переселение отправлялись даже те чеченцы, которые находились в тюрьмах и лагерях. Они передавались в ведение управления ИЖЛАГА НКВД, а те, кто был болен и не мог следовать этапом, переселялись в Карагандинский лагерь НКВД. Заключенные отбывшие свой срок, после освобождения направлялись в места нового поселения чеченцев и ингушей.

Гагаев Абу-Муслим (Близкие называли его Ц1ики), уроженец села Гуни, Веденского района. Весной 1936 года по доносу своего односельчанина – пришлого дагестанца Хамзата М. он был арестован и приговорен к 10 годам

заключения за антисоветскую деятельность, выразившуюся в организации религиозной группы, исповедающей и пропагандирующей «реакционную идеологию зикризма». Абу-Муслим являлся внуком Хьапты Кишиевой, сестры глубоко почитаемого в Чечне и Ингушетии Шейха Кунта-Хаджи. Он с детства впитывал в себя учение Великого Устаза, слушая рассказы о нем из уст своих родственников Тушалы, Говды и Гобы Керимовых, которые имели счастье видеть и непосредственно общаться с Кунта-Хаджи, который был самым близким другом их отца Керима Абдуллаева. Абу-Муслим знал и умел искусно рассказывать предания о жизни, учении и наставлениях Шейха. Кроме того, обладая прекрасным голосом, хорошо исполнял религиозные песни (назмы), многие из которых сам и сочинял. Следователь, который вел дело, предложил ему сделку: Ты рассказываешь мюридам Устаза Кунта-Хаджи его заветы. Если ты согласишься говорить им по текстам, которые мы дадим тебе и будешь выдавать эти идеи за идеи Устаза, тогда дадим тебе свободу, если нет-отправим в лагерь. Гагаев предпочел лагерь, свободе купленной за бесчестие.

Годы заключения проходили на лесозаготовках в поселке Зимний Стан, Коми АССР. Слава Аллаху, что с ним оказалось там и некоторое количество чеченцев и ингушей. В минуты отдыха Абу-Муслим и его земляки собирались в круг и исполняли назмы. Их пение нравилось заключенным и даже конвоирам, которые потом взяли за правило во время движения на работу и обратно отдавать приказ: «Гагаев, запевай!». И тогда над колонной раздавался звонкий голос Абу-Муслима, восхвалющего Великого Аллаха и его Пророка Мухаммада(С.А.В) «Ла Илах1а Иллалах1, Мухьаммад Расулуллах1…», который подхватывали остальные

Внучатый племянник Шейха Кунта-Хаджи из села Гуни Гагаев Абу-Муслим (с посохом) с семьей. Г. Текели, Каз. ССР. 1952 г.

вайнахи и даже научившиеся подпевать, заключенные других национальностей. Для несведущих это была некая неизвестная мелодия, а для Гагаева и других вайнахов-молитва Аллаху. Летом 1944 года, после освобождения территории СССР от фашистских захватчиков, Абу-Муслима амнистировали и освободили из заключения, но выбраться из этих болотистых мест можно было только в зимний период, по так называемому «зимнику». Пришлось дожидаться заморозков, после которых Гагаев, вместе еще с двумя чеченцами, преодолев пешком расстояние около 300 километров, добрались до Сыктывкара. От столицы Коми АССР до Грозного их

путь растянулся почти на год. Денег на проезд не было, приходилось добираться на товарняках, а так как они не знали маршрут, очень часто оказывались в совершенно противоположном направлении от Грозного. Останавливаясь в пути, устраивались на работу к местным жителям, чтобы заработать на пропитание, и снова на товарняках продолжали свой путь. В начале 1946 года все-таки они добрались до Грозного, но там их арестовали, объявили, что чеченцы и ингуши высланы в Казахстан и Среднюю Азию и вместе с другими чеченцами, избежавшими депортации в 1944 году отправили в г. Текели, Талды-Курганской области. Местонахождение семьи он не знал и только после долгих поисков, в 1948 году,дети, находившиеся в Актюбинской области переехали к нему. Абу-Муслим пользовался громадным авторитетом среди мюридов Кунта-Хаджи. После возвращения на Родину, к нему в село Марзой-Мохк, послушать рассказы о Великом Устазе, иногда за советом, приезжали со всех уголков Чечни и Ингушетии, приглашали его к себе на разные религиозные мероприятия. Он продолжал писать и исполнять назмы. После длительной болезни, в мае 1972 года Абу-Муслим скончался и похоронен на кладбище у подножия горы Эрта, где покоится его знаменитая прабабушка Нана-Хеди[6].

Один из заключенных чеченцев, Юсупов Алаудин Юсупович, находящийся в ИТЛ с 1940 года, в июне 1951 года, стремясь избежать участи спецпоселенца, писал в своем заявлении на имя Председателя Совета министров СССР: «Я являюсь по национальности чеченец, …Проживал с 1938 по 1940 гг. в Винницкой области. С

1940 по 1947 гг. проживал в Архангельской области. С 1947 по настоящее время я проживаю в Коми АССР по месту заключения. Я слышал, что после окончания срока, а он у меня кончается в 1952 году, меня не освободят, а направят, как спецпоселенца в места высылки чеченцев. Лагерное начальство на мой вопрос, правда ли это, ответа дать мне не может. Прошу Вас ответить на этот вопрос»[7].

В другой жалобе на имя Генерального прокурора СССР в сентябре 1951 года Юсупов вполне обоснованно полагает: «Применение ко мне репрессий после отбытия срока наказания, как к лицу, принадлежащему к чеченской национальности, являлось бы неправильным, вследствие того, что я еще с раннего возраста потерял всякую связь со своими сородичами и с Чечено-Ингушетией. Родители мои являются давно умершими. Мать умерла в 1921 году, а отец в 1933 году. В период Великой Отечественной войны я находился на трудовом фронте – в ИТЛ, где я отбывал наказание за уголовное преступление. Указ об упразднении Чечено-Ингушской АССР в то время на меня не распространялся. Прошу не направлять меня на спецпоселение»[8].Но на эту жалобу Прокуратура СССР направила ставшим стандартным ответ: «Прошу объявить заключенному Юсупову А.Ю., 1913 г. рождения, что его жалоба Прокуратурой СССР рассмотрена и оставлена без удовлетворения. Вопрос о зачислении его на спецпоселение может быть рассмотрен после отбытия срока наказания»[9]. Окончательную ясность в этот вопрос внес вышедший через некоторое время под грифом «Совершенно секретно» Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952г. « 0 направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении». В нем предусматривалось «Отбывших наказание за разные преступления в исправительно-трудовых лагерях,

колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР карачаевцев, ингушей, чеченцев, калмыков, балкарцев, немцев, крымских тагар, греков, иранцев, турок, кулаков - жителей западных областей Украины и Белоруссии, Молдавской ССР и Прибалтики, участников и пособников националистически-бандитского подполья, иеговистов и др. лиц, члены семей которых выселены по специальным постановлениям Правительства СССР на вечное поселение,- по истечении срока наказания направлять этапом на спецпоселение под надзор органов Министерства государственной безопасности СССР по месту жительства их семей. Распространить на лиц, перечисленных в статье 1, действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»[10].

В Москве, как пишут в служебной записке Л.П. Берия, зам. Наркома НКВД В.В. Чернышов и начальник отдела спецпоселений НКВД М.В. Кузнецов 16 августа 1944 года, на эту дату «проживают: чеченцев -140 семей, ингушей – 70 семей, карачаевцев – 66 семей и калмыков – 193 семьи». Чиновники далее пишут, что считают целесообразным «предложить указанным семьям выехать из города Москвы с отметкой в паспортах о запрещении проживания в режимных городах, рекомендовав проживать чеченцам, ингушам и карачаевцам – в Казахской ССР, калмыкам – в Новосибирской области»[11]. Лишь семье всемирно известного языковеда, профессора Дешериева Ю.Д. позволено было остаться в Москве и продолжить свою исследовательскую работу в АН СССР. Некоторые из чеченцев, за те или иные заслуги перед советской властью освобожденные от депортации, добровольно направлялись в места поселения своих

соплеменников. Так поступил, например, известный артист Махмуд Эсамбаев, которому предлагали остаться жить и работать в городе Пятигорске.

Варварское выселение чеченцев, ингушей и других народов закончилось лишь к 1949 году[12].

4.2.Хозяйственно-бытовое обустройство

Процесс депортации успешно завершился. Люди, пережившие нечеловеческие испытания в ходе переселения, должны были вновь пройти через тяготы и лишения.Спецпоселенцы расселялись в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях. Несмотря на то, что к приему и размещению спецпереселенцев местные органы власти обязаны были подготовиться, на самом деле практически ничего не было сделано для создания им элементарных жизненных условий. Как писал в своей докладной записке Сталину Л. Берия в июле 1944 года: «Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны НКВД в феврале-марте 1944 г. было переселено на постоянное жительство в Казахскую и Киргизскую ССР - 602 193 человека, жителей Северного Кавказа, из них чеченцев и ингушей - 496 460 человек, карачаевцев - 68 327, балкарцев - 37 406 чел. Переселение этого контингента с территории Северного Кавказа и расселение в местах нового жительства было проведено удовлетворительно. В колхозах размещены - 428 948 чел., и совхозах - 64 703 чел., и передано для трудового использования в промышленных предприятиях - 908 542 чел.

Основная масса спецпоселенцев выселялась на территорию Казахской ССР (477 809 человек). Однако республиканские органы Казахской ССР не уделили должного внимания вопросам трудового и хозяйственного устройства спецпоселенцев Северного Кавказа. В

результате бытовое устройство спецпоселенцев в Казахстане и приобщение их к общественно-полезному труду находилось в неудовлетворительном состоянии. Семьи спецпереселенцев, расселенные в колхозах, не принимались в члены сельхозартелей. Неудовлетворительно проходило наделение семей спецпереселенцев приусадебными участками и огородами, а также обеспечение жильем. Спецпереселенцы, расселенные в совхозах и переданные в промышленные предприятия, слабо привлекались для работы на производство, отмечены заболевание сыпным тифом, недостатки в хозяйственном и бытовом устройстве, кражи, уголовные преступления»[13].

Людей размещали в полуразрушенных бараках, конюшнях, сараях, многие вынуждены были рыть землянки или строить шалаши. Осенью 1944 года почти 10 тысяч семей жили в помещениях, которые считались совершенно непригодными для проживания. Еще почти 26 тысяч семей были размещены во дворах местных жителей, причем хозяева выделяли спецпереселенцам неотапливаемые или полуразрушенные помещения. Областные советы имели планы строительства жилых домов для спецпереселенцев, но выполнялись они слабо. Так, за 1944 год в Казахской ССР было построено, для этой категории населения, всего 1638 домов из запланированных 55900. В Киргизской ССР на начало 1946 года из 31 тысячи семей спецпереселенцев только 4973 были обеспечены постоянным жильем. Многие из них ютились под навесами, во дворах[14].

Реальное положение переселенцев,размещенных в г. Караганда отражается в Постановлении Бюро ГК КП(б) этого города от 13 октября 1944г. О бытовых условиях и трудоустройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа по Самаркандской группе предприятий». Бюро отмечает, « что если трудпереселенцы с Северного Кавказа в

организациях: Совпрен, КарГРЭСС и УВС - 369 в основном трудоустроены и для них созданы необходимые условия, то в Металлургстрое положение остается угрожающим. Руководители ССМЧ Казметаллургстроя-нач. строительства т. Белов, гл. инженер т. Гарбер, помощник по кадрам т. Ермухамбетов, вместо того, чтобы создать необходимые условия, отнеслись к их трудоустройству грубо и бюрократически. Все переселенцы размещены в 2-х стандартных бараках и 2-х землянках. В стандартных бараках очень тесно, так, на 35 кв. метрах размещено 80 человек, кровати стоят в два яруса, поэтому в помещении грязно и душно. Совершенно нетерпимое положение в землянках, где размещено около 400 человек, землянки к жилью совершенно не приспособлены, в них сыро, душно и отсутствует совершенно естественный свет. Все живущие в землянках абсолютно раздеты и не имеют постельных принадлежностей. В результате сложившихся таких условий люди ослабли, и выйти на работу не в состоянии. Такое отношение к людям создало угрожающее положение, и за короткий промежуток времени умерло 35 человек только в Металлургстрое»[15].

О том каким образом переселенцы самостоятельно решали проблемы с жильем рассказывается в их воспоминаниях. Один из них, Данил Озниев, которому в 1944 году было шесть лет вспоминает: *«Когда земля отошла от мерзлоты, (зимой земля промерзала на глубину до 50 см) переселенцы начали строить свое собственное жилье, так называемые «землянки» на краю села. Никакого строительного материала не было. В качестве кирпича использовали куски пластов, получаемых путем вспашки однолемешным плугом целинной земли и разрезки полученного длинного пласта штыковой лопатой на куски длиной по 40 см. Для строительства жилья сначала копали яму, глубиной полтора метра, размерами*

примерно четыре на три метра. Затем, клали стены, из брусков пласта, начиная от поверхности земли, высотой в один метр от земли. Крышу делали двухскатную. Для этого посередине клали деревянную балку (кругляк из березы). Поперек клали березовый кустарник, неочищенный от сучков, толстыми концами опирающийся на балку. В качестве утеплителя сверху клали солому или камыш, удерживаемый от сноса сильными степными ветрами, пластовыми брусьями. Пол и стены внутри обмазывали глиняным раствором. Как правило, ставили одно маленькое окно и одну дверь, открывающуюся вовнутрь. Таким образом, получалось полуподвальное жилье теплое зимой и прохладное летом. С наступлением зимы, снежные бури и, так называемые «поземки», сравнивали наше жилье с общим уровнем снежного покрова. Только кончики печных труб оставались непокрытыми снегом. Чтобы выйти утром из дому, открывали дверь и делали ступенчатое отверстие в снегу, чтобы выйти вверх, за тем, эту дыру превращали в ступенчатую снежную лестницу. Выйдя из дома, шагами отмеряли примерное расстояние от двери до окна, копали яму в снегу, пока не попадешь на оконный проем, и очищали окно от снега»[16].

Отапливались такие дома из русских печей, которые выложены были из самана. В качестве освещения применяли керосиновые лампы. Мебель готовили также сами из досок и другого подручного материала, в том числе применяли чурки от деревьев в качестве стульев и столов. Полы в комнатах делали при помощи раствора из глины. Добавляя к этому раствору песок и воду, получали жидкий раствор и им белили полы для красоты. Как правило, в таких домиках было очень тепло.

Еще один способ строительства собственного жилья спецпереселенцами описывает З. Исакиева: *«Единственным доступным материалом была глина,*

которую размешивали с водой и соломой, формовали в виде больших кирпичей, сушили, и только после этого выкладывали стенки на той же глине. Крыша имела элементарное перекрытие из сплетенного караганника, поверх которого опять намазывалась глина и насыпалась слоем земля. Пол был земляной, ни у кого не было средств купить дефицитную в степи даже необрезную доску. Печь опять же была из глиняных кирпичей, двери и окна были минимальные, чтобы не транжирить тепло. Подобные мазанки строились сплошными рядами, чтобы одна стена служила сразу двоим хозяевам, это было до такой степени апробировано, что три стены из четырех были общими и только входная дверь со своей стеной были индивидуальны. Подобная «архитектура» была необходима в условиях выживания и зачастую окна вообще отсутствовали в стенах, так их начали делать в крышах[17].

О первоначальных этапах жизни спецпереселенцев рассказывает уроженец Урус-Мартана Хамид Исрапилов,которому во время выселения было 14 лет. Их привезли в село Аксу Аксуйского района, Талды-Курганской области. Расселили в заброшенных домах, сараях, землянках, где нельзя было погреться: не было печей, дров. «*Усталые, измученные длительной дорогой люди, от голода начали болеть и пухнуть, из-за чего умирали. Трупов с каждым днем становилось все больше. Те кто еще дышали выносили трупы на улицу каждое утро и складировали штабелями. Хоронить их было невозможно из-за мерзлого грунта. Тела мертвых приходилось держать до весны»[18].* Такая ситуация складывалась повсеместно. Жителей села Гуни Веденского района привезли в поселок Курашасай, Актюбинской области. Поселили в тех же бараках, сараях, землянках. Работали на шахтах, где добывали каменный уголь. Сразу же начал свирепствовать тиф, от которого

люди умирали целыми семьями. *«Хоронить не успевали, да и сил было немного для того, чтобы долбить под могилу, ставшую твердой как бетон промерзлую казахстанскую землю,- рассказывает 93-летний Магомед-Яраги Дилиев из села Марзой-Мохк, Веденского района. – Было несколько человек среди нас, которым было под силу выполнять эту горестную работу. Среди них Тушалаев Сайд-Альви, человек недюжинной силы воли, пользующийся громадным авторитетом среди чеченцев, бывший узник сталинских лагерей. Он был осужден в 1937-х гг. за религиозную деятельность как внук Керима Абдуллаева, ближайшего соратника и друга Шейха Кунта-Хаджи. Сайд-Альви вместе со своим племянником Ибрагимовым Муьсли, а также Межидовым Нуну и Умаевым Сайдмагомедом делал все возможное и даже невозможное для того, чтобы предать земле погибших односельчан»[19].*

В соответствии с решениями центральных органов власти, переселенные чеченцы и ингуши в короткий срок должны были получить приусадебные участки, скот и зерно в обмен за принятое от них в местах выселения. В Постановлении СНК СССР, принятом в мае 1944 года, предусматривалось выделение каждой семье по одной голове крупного рогатого скота, в среднем по 200 кг. живого веса каждая, и продовольственного зерна[20]. Это обстоятельство несколько улучшило тяжелое материальное положение депортированных. Однако, наделив спецпоселенца коровой или овцами его сразу же облагали натуральным и денежным налогом. И нередко люди продавали ту же корову, чтобы уплатить налог. Правда, уже в 1945 году спецпереселенцы были освобождены от налогов.

Довольно часто направляемые правительством в расположение переселенцев продовольственные и иные фонды уходили на другие цели или разбазаривались

Спецпереселенцы из села Гуни Веденского района и села Борзой Шатойского района. Сидят слева направо: Ибрагимов Муьсли, Тушалаев Сайд-Альви, Гунаев Ахмад, Ибрагимов Несирхо, Хамбахадов Умар. Актюбинская область. 1951 г.

местными органами власти. Начальник Отдела спецпоселения МВД СССР полковник В.Шиян докладывал: «Тяжелое продовольственное положение выселенцев усугубляется тем, что, зерно, выделенное для снабжения остронуждающихся колхозников, в ряде случаев расхищается и распределяется не по прямому назначению». Так, только по одной Карагандинской области незаконно было израсходовано 2286 центнеров муки и 1212 центнеров крупы[21].

Председатель колхоза «Жана-Турмыс» Ключевского района Актюбинской области Шушаков, из 20 центнеров зерна, отпущенного для выдачи остронуждающимся в продовольственной помощи, 5 центнеров забрал себе, 300 кг. передал своему родственнику, 160 кг отдал ответственному секретарю райисполкома. В том же районе, другой председатель

колхоза Артабаев из 20 центнеров муки, предназначенной для отпуска колхозникам-спецпереселенцам, 3 центнера продал на сторону, присвоив деньги. Из выделенной продовольственной ссуды для выдачи колхозникам Семиозерского района Кустанайской области 150 кг. зерна получил секретарь райкома КП(б) Досаев, 150 кг.- бывший председатель райисполкома Камов, 100 кг.- райпрокурор, 100 кг – начальник РОМГБ[22].

Что касается приусадебных участков, то в 1945 году 83303 семьи (74,3%) депортированных имели свои огороды и участки для выращивания овощей. Это несколько улучшало положение депортированных, но до благополучия было очень далеко.

Мешали решению проблемы адаптации чеченских спецпереселенцев к изменившимся условиям жизни и имеющие широкое хождение среди них слухи, о том, что Сталин, якобы не знает о выселении народа, и как только он об этом узнает то, тотчас же вернет чеченцев обратно домой. Поэтому не надо сажать огороды, обзаводиться хозяйством - дескать власти принуждают к этому, чтобы привязать людей к ссылке и т.п. В докладной записке министра внутренних дел Казахстана А.А. Пчелкина министру внутренних дел СССР Круглову отмечалось, что под влиянием агитации мулл… в Зерендинском и Щучинском районах Кокчетавской области на протяжении 1944 г. и начала 1945 г наблюдались массовые случаи забоя скота…. Мулла Барахоев, пользуясь значительным влиянием среди чеченцев и ингушей говорил своим единомышленникам: «Вы как старшие, должны подготовить всех ингушей и чеченцев к выезду на Кавказ. Пусть они готовят продукты питания на путь следования. Работать в колхозе и держать скот не нужно, следует забивать его, или продавать, так как он может остаться здесь. Строить дома тоже ни к чему. Другой мулла Сальмурзаев давал такую установку: «Мы должны

разъяснятьь спецпереселенцам, чтобы они не обзаводились хозяйством и не выходили на работу под любыми предлогами. Все это будет способствовать быстрейшему возвращению их на Кавказ, а если Советская власть увидит, что они живут хорошо, то на родину возврата не будет»[23].

Вспоминая об этом наш информатор Исрапилов Хамид говорил: «*Весной 1944 года по решению местной власти для спецпереселенцев выделялись огороды, где можно было посеять картофель, кукурузу, тыкву, бахчу. Выдали и семена. Но большинство не хотели тратить на это свои оставшиеся силы, потому что у них не угасала надежда, что их вот-вот вернут на Родину. Вся беда была в том, что добродушные чеченцы считали, что Сталин ничего не знает о чудовищном происшествии с народами Кавказа, а если узнает, он немедленно издаст Указ о возвращении их обратно на Родину». По словам Исрапилова, его отец тоже не хотел заниматься огородом, но однажды он пригласил их в свою хижину, и рассказал, что ему приснился вещий сон. Во сне к нему явился его устаз Яндаров Солса-Хаджи, который сказал, что они задержатся в Казахстане на целых 13 лет и велел брать огороды и выращивать урожай. С того дня они начали сеять огороды кукурузой и в конце года получили на удивление хороший урожай. С этого времени к ним вернулись силы. Для тех спецпереселенцев, которые так и не решились посадить огороды, зимой 1945 года пришел голод и большинство из них умерло[24]*.

Руководство республик и областей в которые были переселены чеченцы принимали серьезные меры для улучшения положения последних, но эти усилия зачастую наталкивались на безразличие, а порой и откровенный саботаж руководителей на местах. Хорошо иллюстрирует это положение Письмо заместителя Председателя Совнаркома Каз.ССР и секретаря ЦК КП(б) Казахстана

Председателю Карагандинского облисполкома и Секретарю обкома КП(б) Казахстана «О хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев». В письме подчеркивается: «Несмотря на ряд постановлений Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана по хозяйственно-трудовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа и Грузинской ССР, облисполкомы и обкомы КП(б) Казахстана до сих пор не приняли действенных мер по выполнению этих постановлений. В связи с этим хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев нельзя признать удовлетворительным, а некоторая часть этих спецпереселенцев, в течение продолжительного времени с момента их расселения находится в крайне тяжелых жилищно-бытовых и материальных условиях, требующих немедленного улучшения. Отдельные руководители партийных, советских и хозяйственных организаций не уделяют должного внимания хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев, проявляя к ним излишнюю подозрительность, не понимая того, что хозяйственное закрепление спецпереселенцев в местах расселения является важной политической задачей.

Считая такое положение нетерпимым, Совет Народных Комиссаров Казахской ССР и Центральный Комитет КП(б) Казахстана требует от облисполкомов и райисполкомов, от областных и районных комитетов КП(б)К немедленно принять решительные меры по созданию жилищно-бытовых условий спецпереселенцам, для чего:

1.Для работы по улучшению хозяйственно-бытовогоустройства спецпереселенцев во всех областях их расселения создать оперативную тройку в составе: 1-го заместителя председателя облисполкома, 2-го секретаря обкома КП(б) Казахстана и начальника УНКВД.

2.В районах расселения спецпереселенцев создать районные тройки в составе: 1-го заместителя председателя райисполкома, 2-го секретаря РК КП(б) Казахстана и начальника РО НКВД.

3.Обязать райисполкомы в месячный срок:

а)восстановить и распределить среди спецпереселенцев то количество продовольствия, строительных материалов, шерсти кож и овчин, которое им было выделено Союзным правительством, но израсходовано не по назначению;

б)принять меры к обеспечению нормальных жилищно-бытовых условий спецпереселенцев, проживающих в совершенно непригодных для жилья помещениях, ремонта помещений, занимаемых спецпереселенцами, используя для этого местные строительные материалы и внутренние ресурсы, а также к обеспечению спецпереселенцев топливом на зиму 1945-1946г.;

в)установить строгий контроль за натуроплатой спецпереселенцам за отработанные ими трудодни в колхозах, обеспечив своевременную выдачу натуроплаты наравне с колхозниками и местным населением;

г)принять меры к обеспечению скота спецпереселенцев кормами на зимний период или сохранению его путем передачи на передержку в колхозные и совхозные стада или стада подсобных хозяйств пром-предприятий и строек.

4.Выявить всех детей спецпереселенцев, лишившихся родителей, и поместить их в существующие детские дома и другие детские учреждения. При необходимости-открыть дополнительно детские дома для размещения в них детей спецпереселенцев.

5.Выявить безнадзорных стариков и инвалидов, которые не могут быть переданы на иждивение родственников, и определить их в инвалидные дома.

6.Установить количество спецпереселенческих семей, до сего времени не вступивших в члены сельхозартелей, и

немедленно принять меры к вовлечению их в члены колхозов с таким расчетом, чтобы к концу месячного срока эта работа была закончена полностью. Принять меры к полной реализации шерсти, овчин и кож, отпущенным Союзным Правительством, для изготовления спецпереселенцам одежды и обуви, а также принять меры к изготовлению обуви, одежды из ресурсов колхозов, совхозов и предприятий с раздачей особо нуждающимся спецпереселенцам.

8. Каждые 10 дней информировать Совет Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана о ходе выполнения мероприятий, указанных выше.

К 25 ноября специальной запиской доложить Совнаркому и ЦК КП(б) Казахстана о проделанной работе по хозустройству спецпереселенцев»[25].

Серьезной проблемой для спецпереселенцев являлось отсутствие одежды и обуви. В архивных документах отмечается, что у абсолютного большинства спецпереселенцев (особенно северокавказского контингента) еще в момент прибытия к местам поселения теплой одежды и обуви, необходимых в условиях сурового климата Казахской ССР, не имелось. В последующем их положение в этой части все более обострялось и дошло до того, что к середине 1946 года у значительной части спецпереселенцев отсутствовала не только теплая одежда, но они не имели необходимого даже для летнего периода[26]. Правительство для решения этого вопроса выделило для спецпереселенцев с 1944 по 1946 гг. 12408 пар кожаной обуви, 18096 полушубков, 62291 пар валенок, 1200000 метров ткани хлопчатки. Кроме этих товаров, выделенных союзным правительством спецпереселенцы получали их и из республиканских и местных фондов. Конечно же все это далеко не полностью удовлетворяло потребности депортированных в элементарной одежде и обуви. Кроме того, как это было почти всегда,

Чеченские девушки-спецпереселенки. 1950-е гг.

значительная часть выделяемых товаров расхищались на местах или использовались не по назначению. Например министр внутренних дел Казахской ССР докладывал своему шефу в Москву: «Следует отметить, что факты незаконного расходования допускались не только низовыми аппаратами, но и руководящими областными органами. Так, например, несмотря на массовую раздетость спецпереселенцев в Кокчетавской области, по личному распоряжению председателя облисполкома т. Ергебекова из фондов спецпереселенцев было израсходовано в начале 1945 года не по назначению 2725 м. хлопчатки[27].

Развитию различных заболеваний и повышению смертности среди спецпереселенцев, способствовала недостаточность медицинского обслуживания. Не хватало медперсонала, медикаментов. Не было налажено

систематическое медицинское обслуживание поселенцев. В справке направленной министром внутренних дел Казахской ССР А.Пчелкиным, на имя Л. Берия довольно мягко характеризуется создавшаяся ситуация: «Вследствие того, что существовавшая сеть лечебных учреждений с прибытием новых контингентов не в состоянии была их охватить, в первый период имели место перебои в своевременном оказании медпомощи спецпереселенцам. Для нормального медсанобслуживания в последующем в местах расселения были открыты дополнительные медпункты и увеличено количество больничных коек»[28]. С трудом верится в то, что этих дополнительных коек и медпунктов было достаточно для того, чтобы обеспечить даже минимальную медицинскую помощь практически поголовно больному населению. Все эти обстоятельства способствовали массовой гибели людей. Как отмечает С. Максудов, только в Джалал-Абадской области Киргизской ССР из прибывших в марте 1944 г. 26378 человек к июню 1946 года умерло 10366 человек. В отдельных районах этой области смертность переселенцев была еще выше. Так, в колхозах Алабугинского района из 2664 умерло 1610 человек, или 60% всех переселенных сюда чеченцев и ингушей. Это за период март-декабрь 1944 года[29]. В архивных документах отмечается, что«наибольшая смертность относится ко второму полугодию 1944 года и первому полугодию 1945 года, т.е. осеннему, зимнему и весеннему времени первого периода акклиматизации, совпавшего к тому же с продовольственными затруднениями и необеспеченностью соответствующей одеждой и обувью. Как показывает анализ смертности,- говорится в одном из документов, - основными ее причинами являлись:

1.Коренное изменение климатических и бытовых условий, что особенно сказывалось на стариках и детях, за счет которых главным образом и присходила смертность.

2.Массовое распространение среди спецпереселенцев во время прибытия заболеваний тифом.
3.Недостаточность продовольствия, как по количеству, так и калорийности, что приводило к упадку питания и значительности истощения, в том числе принимавшего резкие формы (дистрофия).
4.Необеспеченность теплой одеждой и обувью, способствовавшая простудным заболеваниям, с которыми ослабленные организмы не могли справиться»[30].

Родственники у изголовья очередной жертвы депортации

Большинство исследователей считают, что в результате депортации погибла примерно третья часть чеченцев. Демограф и историк С. Максудов утверждает, что чеченцы и ингуши потеряли за период 1944-1948 гг. приблизительно 136 тысяч человек[31]. Историк Н. Ф. Бугай пишет, что чеченцы и ингуши потеряли 144704 человека. Этнолог В. А. Тишков полагает, что косвенные потери за 15 лет депортации составили среди чеченцев 200

тысяч человек. Известный исследователь А.Некрич называет цифру 174 тысячи. В любом случае потери страшные и трагедия нечеловеческая[32].

А. Некрич назвал процесс на который были обречены чеченцы и другие депортированные , “пауперизацией” (превращение в деклассированные элементы общества, доведение до крайней нищеты, лишение прав). Он показывает, что в 1943 и 1944 годах миллион человек был приговорен не столько к экспроприации, сколько к пауперизации. За первые шесть лет жизни в спецпоселениях люди были унижены до состояния нищих, лишенных всех прав и преследуемых[33].

4.3.Административно-правовой режим проживания

Важной стороной в условиях депортации выступал режим проживания. Первоначально правовое положение депортированных регулировалось Приказами и директивами Народного комиссара внутренних дел СССР. 7 февраля 1944г. Л.Берия подписал приказ о введении в действие Положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев.

Во всех Управлениях НКВД создавались отделы спецпоселенцев (ОСП), которые являлись самостоятельными органами не подчиненными ГУЛАГу. Районные комендатуры дислоцировались в районных центрах при райотделах НКВД, замначальники которых назначались комендантами и подчинялись ОСП. Поселковые комендатуры сосредотачивались в центрах расселения спецпереселенцев, которых они должны были обслуживать и подчинялись районным спецкомендатурам, а там где их не было райотделам НКВД. Штаты спецкомендатур зависели от количества

обслуживаемых спецпереселенцев. На них возлагались задачи по агентурно-оперативному обслуживанию переселенцев, главной из которых объявлялась «борьба с побегами». Спецкомендатуры должны были предупреждать побеги, производить дознания по делам о побегах, и вести «разработку» бежавших. В их задачу входило также выявление антисоветских и уголовных элементов, «отражавших политический настрой» среди депортированных. Кроме этого комендатурам вменялось осуществление административных и организационных мероприятий связанных с «соблюдением установленного режима в местах расселения спецпереселенцев» и оказания содействия в их «хозяйственном и трудовом устройстве.

Для осуществления поставленных задач спекомендатуры должны были расставлять и вербовать осведомительную сеть, вести агентурные разработки и деловые формуляры по преступлениям спецпереселенцев, за исключением дел о контрреволюционных преступлениях и бандитизме. Отдельный раздел Положения посвящался правам и обязанностям спецпереселенцев. Положение закрепляло, что они пользуются всеми гражданскими правами, за исключением некоторых ограничений, предусмотренных отдельными решениями органов государственной власти.

Ограничение налагались на свободу передвижения. Спецпереселенцам и их семьям запрещалось без разрешения спецкомендатур НКВД отлучаться за пределы территории своего сельсовета, за исключением случаев, когда это связано с посещением установленных для них мест работы. Налагался запрет на выезд или уход за пределы административного района расселения в городах, для чего в паспортах спецпереселенцев делалась отметка «Действителен для проживания только в таком то городе или районе». Самовольное оставление мест расселения

должно было караться в уголовном порядке как за совершенный побег, если самовольная отлучка превышала одни сутки, в соответствии с существующими законами.

В положении говорилось о том, что спецпереселенцы обязаны заниматься «общественно-полезным трудом» в колхозах или по найму в совхозах и других государственных и кооперативных организациях в пределах районов расселения». За нарушение трудовой дисциплины они, наравне с остальным населением страны могли привлекаться к административной и уголовной ответственности в соответствии с Указами ПВС СССР от 26 июня 1940г. (Запрет на самовольный уход с работы) и от 26 декабря 1942 г.(Об уголовной ответственности за это)[34].

Как отмечается во многих документах, исходящих от органов, контролирующих спецпереселенцев, чеченцы к труду относились добросовестно, но малейшие конфликты с начальством, комендантом, участковым инспектором были чреваты уголовным преследованием, в том числе и по вышеназванным статьям, предусматривающим наказание до восьми лет лишения свободы. Весьма показательно в этом отношении уголовное дело по обвинению Джанхотова Джамбура Джамбраиловича, уроженца села Урус-Мартан, проживавшего в Талды-Курганской области. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1952 года за уклонение от работы в местах обязательного поселения по ст.82 ч.2 УК РСФСР заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет.

В своей жалобе на имя Председателя Верховного суда СССР Джанхотов пишет, что с марта 1944 года по 27 октября 1950 года работал в колхозе. Вследствие того, что он болен туберкулезом, что подтверждается медицинским заключением, и климатические условия высокогорности отрицательно влияют на его здоровье, он обратился в

правление колхоза с просьбой исключить его из членов колхоза. На общем собрании колхоза 27 октября 1950 года он был исключен из колхоза, но уже 10 ноября 1950 года Джанхотов устроился на работу в Буденновский Скотоимпорт, где и проработал вплоть до ареста 24 июля 1951 года. Джанхотов считает, что дело против него возбуждено по инициативе участкового уполномоченного, который имел с ним личные неприязненные отношения. Расследовав по жалобе Джанхотова это дело, Генеральная прокуратура Союза ССР вынесла протест Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, в котором констатировала: «Учитывая, что Джанхотов был исключен из членов колхоза не за отказ от работы, а согласно его личного заявления и то, что после выбытия из колхоза он работал в пункте Скотоимпорт, считаю, что Джанхотов за уклонение от занятий общественно-полезным трудом заключен в исправительно-трудовом лагере неправильно, а потому прошу: Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1952 года по делу Джанхотова отменить и дело производством прекратить. Джанхотова из-под стражи освободить с направлением его на спецпоселение по прежнему месту жительства»[35].

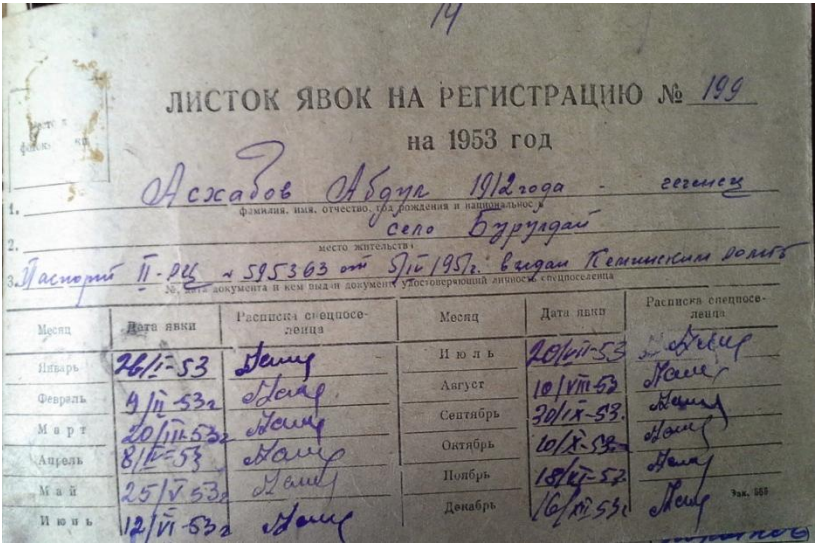
Суды очень часто отказывались рассматривать подобные сфальсифицированные дела, и тогда, следственные органы направляли их на рассмотрение в Особое Совещание, где заседавшая там «тройка» почти всегда принимала требуемое следствием решение. К примеру, Управлением МГБ по Семипалатинской области 22 мая 1951 года, якобы за уклонение от общественно-полезного труда и ведение паразитического образа жизни был арестован и привлечен к уголовной ответственности уроженец села Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР Гигаев Абдулмуслим Магомедович, проживающий в г. Семипалатинск. Он демобилизовался в 1944 году из

Советской Армии по болезни и был направлен в г. Семипалатинск. Работал трактористом на уборке урожая, затем мотористом. С 1946 года по январь 1951 года трудился в вагонном депо слесарем по ремонту вагонного парка. Имел много поощрений за хорошую работу. В январе 1951 года заболел туберкулезом легких и был госпитализирован. Пролежал в больнице больше месяца. В середине февраля выписался из больницы, но продолжал лечиться амбулаторно. По выздоровлению поступил на работу в Заготскот Семипалатинска трактористом, где проработал некоторое время. Но состояние здоровья ухудшилось, и Гигаев вынужден был уволиться с работы и продолжить лечиться амбулаторно. 22 мая 1951 года в 11 вечера он был арестован на своей квартире и обвинен по статье 82. Ч.2. УК РСФСР–уклонение от общественно-полезного труда. Следствие МГБ передало дело в Народный суд. Ознакомившись с делом, суд отказался его рассматривать, так как не нашел состава преступления в деяниях Гигаева. После этого дело было направлено в Особое Совещание, которое назначило обвиняемому наказание – 8 лет заключения в ИТЛ[36].

Следующим этапом в определении правового статуса спецпереселенцев можно назвать постановление СНК СССР за №35 от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев», которое полностью дублировало предыдущий нормативный документ и подтверждало установленные ограничения. Новым был пункт 4, вводивший обязанность для глав семей или лиц их заменяющих, в трехдневный срок сообщить в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, который также становился спецпереселенцем,смерти, побеге и т.д.) и пункт 5, которым вводились административные взыскания в виде штрафов до 100 рублей или ареста до 5 суток за нарушение установленных

для спецпереселенцев режима и общественного порядка в местах поселения и неподчинения распоряжением спецкомендатуры[37].

Таким образом, можно считать, что до конца 1945 года произошло оформление правового статуса спецпереселенца, как лица ограниченного в свободе передвижения и несущего за нарушение режима спецпоселения административную (пока еще) ответственность. Однако, как справедливо отмечает Л. Белковец «Свой законченный вид, с применением уголовного наказания, система спецпоселения приобретет лишь на следующем этапе»[38].

ЛИСТОК ЯВОК НА РЕГИСТРАЦИЮ № 199

на 1953 год

1. Асхабов Абдул 1912 года - ингуш
фамилия, имя, отчество, год рождения и национальность

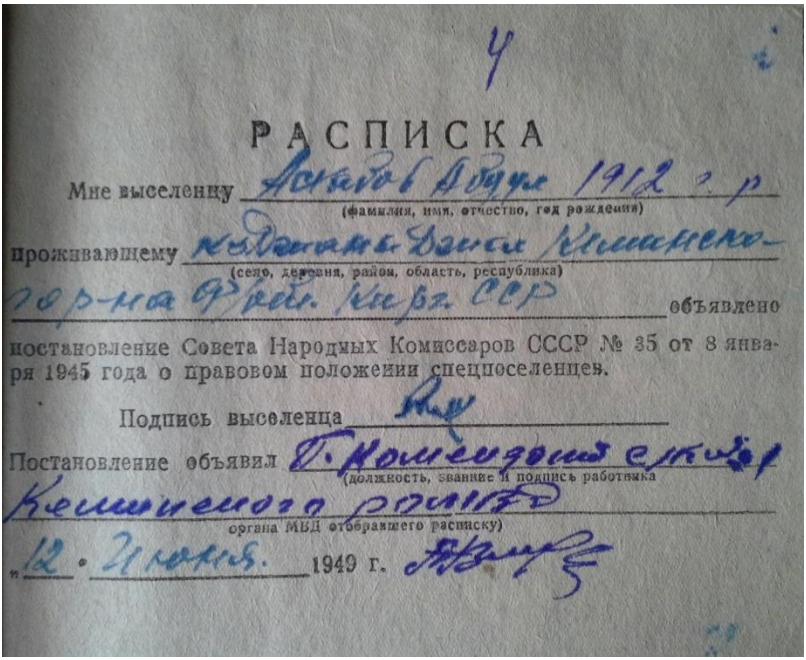
2. село Бурундай
место жительства

3. Паспорт II-ОЧ № 595363 от 5/IV 1951г. выдан Пензенским ОВИР
№, дата документа и кем выдан документ, удостоверяющий личность спецпоселенца

Месяц	Дата явки	Расписка спецпоселенца	Месяц	Дата явки	Расписка спецпоселенца
Январь	26/I-53	Асхабов	Июль	20/VII-53	Асхабов
Февраль	9/II-53г.	Асхабов	Август	10/VIII-53	Асхабов
Март	20/III-53г.	Асхабов	Сентябрь	30/IX-53.	Асхабов
Апрель	8/IV-53	Асхабов	Октябрь	20/X-53г.	Асхабов
Май	25/V-53г.	Асхабов	Ноябрь	18/XI-53г.	Асхабов
Июнь	12/VI-53г.	Асхабов	Декабрь	16/XII-53г.	Асхабов

В 1948-1949 гг. принимается ряд нормативных актов, которые в значительной степени ужесточили административный режим в местах спецпоселения. 21 февраля 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление №418-161сс «О ссылке, высылке и спецпоселениях», которое послужило руководством к

дальнейшим действиям НКВД-МВД. После этого вышел приказ Министра внутренних дел СССР №00246 «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев» от 8 марта 1948 г. Во всех местах расселения спецпереселенцев устанавливался строгий режим. Главы семей теперь должны были один раз в месяц являться на отметку в спецкомендатуру. За уклонение от явки следовало административное взыскание как за нарушение режима. Органам МВД поручалось в кратчайшие сроки сверить фактическое наличие спецпереселенцев с учетными данными и организовать их точный учет. Всем спецпереселенцам под расписку было объявлено, что за побег с мест поселения устанавливалась уголовная ответственность в виде лишения свободы сроком на 10 лет[39]. Завершается процесс формирования режима спецпоселения принятием Указа Президиума Верховного Совета ССР «Об уголовной ответственности за побеги с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны» от 26 ноября 1948 года. Чеченцы и спецпереселенцы других национальностей, как утверждалось в указе, переселены «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Указ предусматривал уголовное наказание за самовольный выезд из мест поселения в виде 20 лет каторжных работ для самих спецпереселенцев и 5 лет лишения свободы для лиц, помогавших им покинуть места поселения. Эти дела возбужденные по фактам побега подлежали передаче на рассмотрение Особого Совещания при МВД СССР[40]. Вслед за этим последовал приказ министра МВД за номером 0729 от 29 ноября 1948 года, разъяснявший положения Указа. Все ответственные работники МВД – УМВД обязаны были довести Указ до сведения всех выселенцев на их собраниях. От каждого взрослого спецпереселенца надо было взять расписку о

РАСПИСКА

Мне выселенцу Асаев Абдул 1912 г. р.
(фамилия, имя, отчество, год рождения)

проживающему Надтаки Дени Кошкелов-
(село, деревня, район, область, республика)

гор-на Чечено-Инг. АССР объявлено
(подпись выселенца)

постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 35 от 8 января 1945 года о правовом положении спецпоселенцев.

Подпись выселенца

Постановление объявил
(должность, звание и подпись работника органа МВД отобравшего расписку)

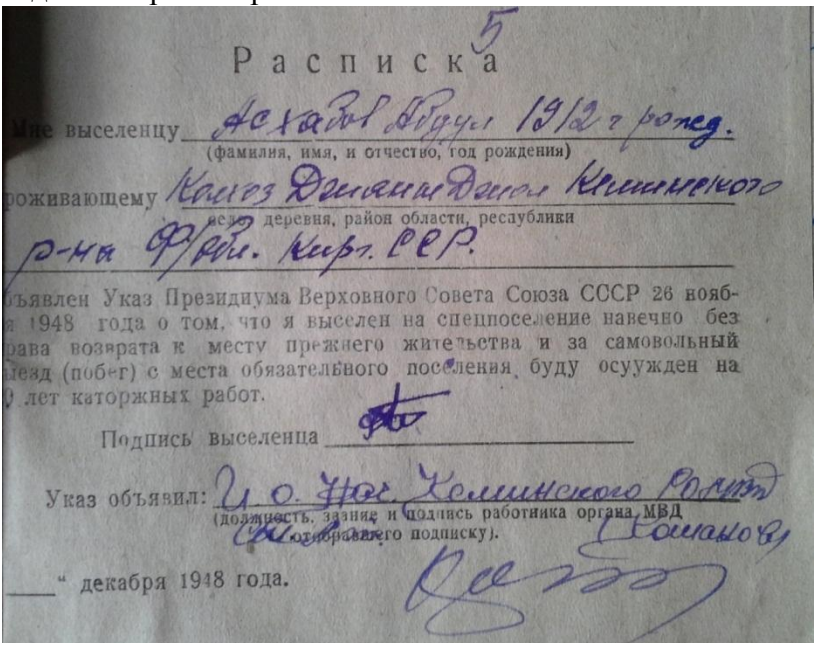
"12" Июня 1949 г.

том, что ему объявлено содержание закона.

В приказе ужесточались требования и к самим работникам МВД- УМВД, которые за халатное отношения к своим обязанностям могли быть уволены не только из органов но и привлечены к уголовной ответственности[41].

В результате, по этому Указу было осуждено значительное число чеченцев, во многих случаях безосновательно, опираясь на какие-то формальные, несущественные моменты. Только за январь-февраль 194 года Особым Совещанием при МВД за побеги было осуждено 489 человек к 20 годам каторжных работ[42]. Так, например, 13 января 1949 года Тельманским РО МВД Карагандинской области за побег с постоянного места поселения была арестована Тураева Айшат, 1915 года рождения, уроженка села Дочиборзе, Шатойского района, ЧИАССР и 3 сентября 1949 года Особым

Совещанием при МВД СССР осуждена за это деяние к 20 годам каторжных работ.

Расписка

Мне выселенцу Асхабат Бдуев 1912 г рожд.
(фамилия, имя, и отчество, год рождения)

проживающему колхоз Дочиборзе Джегутинского
(село деревня, район области, республики

р-на Ф/Рос. Кирг. СССР.

Объявлен Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР 26 нояб-
я 1948 года о том, что я выселен на спецпоселение навечно без
рава возврата к месту прежнего жительства и за самовольный
ыезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на
0 лет каторжных работ.

Подпись выселенца

Указ объявил: и.о. нач. Хамминского РОМТД
(должность, звание и подпись работника органа МВД
оформляющего подписку).

"___" декабря 1948 года.

Как выяснилось при прокурорской проверке этого дела, 22 февраля 1944 года Тураева, проживавшая в с. Дочиборзе пошла на рынок в село Алхазур-Котар, Урус-Мартановского района, где 23 февраля была задержана и выслана. С этого момента, как пишет ее брат Тураев Иса, в жалобе на имя Председателя СМ СССР Маленкова Г.М., их семья рассталась с ней. В 1948 году им через адресный стол удалось разыскать место ее нахождения, и в начале 1949 года Айшат решила приехать к ним, но по дороге была задержана и осуждена на 20 лет. Эта женщина была абсолютно неграмотна, русским языком не владела, и являлась инвалидом – у нее не было правой руки. Из писем лиц проживавших с Тураевой в Акмолинской области, ее брату стало известно, что она ходила по

дворам жителей села и собирала милостыню, не имея близких родственников для ее содержания.

После неоднократных обращений брата осужденной Тураева Али в различные инстанции, только 6 февраля 1954 г. Генеральная Прокуратура СССР внесла протест на постановление Особого Совещания по делу, признав, что ее осуждение было незаконным, так как Тураева А. не была в соответствии с требованиями Указа от 26 ноября 1948 года ознакомлена с этим документом. Но 5 беспросветных лет несчастная женщина провела в Воркутинских лагерях[43].

Также, как и Тураеву, многих спецпереселенцев, которые сменили место жительства задолго до выхода этого Указа и в силу разных обстоятельств не попадали в поле зрения спецкомендатур, привлекали к ответственности на основании этого Указа. Показательно в этом отношении дело Идрисова Мовлада, уроженца села Бено-юрт, Надтеречного района, ЧИАССР. До выселения он окончил 2 курса пединститута и работал учителем в школе. С 1944 года он трудился учителем в Киргизской ССР. Во время летних школьных каникул 1948 года, с разрешения комендатуры он поехал искать своих родственников в Казахской ССР. Его жена и дети были высланы отдельно от него, и он долго не знал, что с ними и где они. Потом, в поездке, ему стало известно, что два его сына умерли еще в 1945 году, а жена уехала к родственникам. В поисках семьи Идрисов побывал в нескольких областях Казахской ССР и не уложился в отпускное время. Телеграммой, попросив директора школы предоставить ему отпуск без сохранения зарплаты, и получив разрешение от него, Идрисов задержался в своих поисках на два месяца и, возвращаясь на работу в Киргизию 12 ноября 1948 года на ст. Петропавловск был задержан и 30 апреля 1949 года осужден Особым Совещанием при МВД СССР к 20 годам каторжных работ.

В жалобе на имя Генерального Прокурора СССР от 5 октября 1949 года Идрисов задает высокопоставленному чиновнику внешне наивные, но по сути, весьма серьезные вопросы, на которые прокуратура ответить, опираясь на право и закон не может. Идрисов не отрицает того, что, возможно нарушил закон, но он объясняет: «Я не знал, что этот Указ выйдет, а по ст. 82.ч.1 очень редко судили таких преступников как я, если задерживали их, то местный прокурор выдавал санкцию на 5 суток ареста и после этого виновного освобождали без суда.

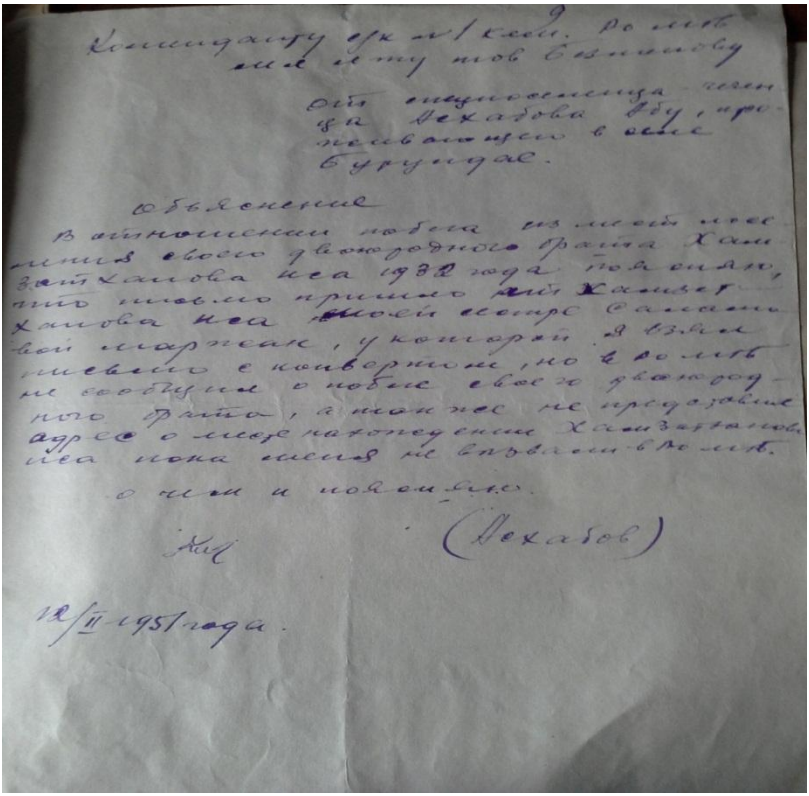
Я сделал преступление до Указа, и меня посадили до Указа, а судили по Указу. Поэтому прошу смягчить приговор. Мне кажется, что незаконно осужден не только я, но и все без исключения, попавшие до Указа и осужденные по Указу. Почему? Потому что тот или иной спецпереселенец не знал когда он совершал побег, будет ли Указ и, кроме того, тот или иной спецпоселенец не подписал, и ему не объясняли этот Указ. Поэтому я спрашиваю, почему этот Указ, который вышел 26 ноября имеет обратную силу»[44]. В заявлении в Прокуратуру СССР от 13 июня 1953 года Идрисов пытается опять получить ответы на поставленные вопросы. «Ни следственными материалами и ни свидетельскими показаниями не было доказано того, что я сделал против советской власти какое-либо преступление до 23 февраля 1944 года. Спрашивается, на основании чего из меня сделали спецпоселенца?

Я приехал из Киргизской ССР в Казахскую ССР в июле месяце 1948 года в целях розыска своей семьи и меня арестовали 12 ноября 1948 г. Спрашивается, на основании чего меня судили по Указу от 26 ноября 1948 г.

В Конституции СССР написано, что отец за сына и сын за отца не отвечает. Спрашивается, какое мое дело, что какая то банда сделала бунт или восстание против советской власти, и, причем я, что моя родня были

чеченцы по национальности. Прошу дать разъяснение»[45]. Здесь же Идрисов вполне резонно задает еще один вопрос. «Что это за разбирательство дел, когда человеку, который с оружием в руках воевал против советской власти дают 20 лет, и мне такой же срок за опоздание на работу на несколько дней? А мне за что?» Прокуратура на эти вопросы отвечает, как всегда однозначно-они тщательно разбирались и оснований для пересмотра дела не нашли. И только в августе 1954 года Зам. Генерального прокурора СССР Д.Салин вносит протест по делу Идрисова, где предлагает постановление Особого Совещания от 22 апреля 1949 г. по делу Идрисова отменить, дело переквалифицировать на ст.82 ч.1 УК РСФСР определив наказание 3 года ИТЛ и за отбытием наказания из под стражи освободить[46].

Много было случаев, когда задерживались и предавались суду, якобы за побег, переселенцы, которые, выполняя свои производственные обязанности, оказывались на некотором расстоянии от места проживания, не имя никакого умысла к побегу. Если получалось вовремя обратиться в вышестоящие судебные и надзорные органы удавалось найти справедливое решение и избежать осуждения на 20 лет каторжных работ. Показательна в этом отношении Жалоба уроженца села Мескер-Юрт, ЧИАССР, Умхаева Алим-Солта Сотоевича, проживающего на ст. Чу, Джамбульской области на имя Генерального прокурора СССР. Он пишет, что 9 июня 1951 года был задержан органами МГБ в городе Джамбул по причине выезда без разрешения со ст. Чу. Умхаев 31 мая вместе с несколькими своими односельчанами оформился на работу шофером во вновь организующуюся автороту «Союззаготтранса» и руководство предприятия предложило им выехать в город Джамбул для перегонки автомобилей оттуда. Получением разрешения для выезда спецпереселенцев занимался

Командиру уч. в/части. Ро ль
ни и ту нов Свинцову
от спецпоселенца чеч
ки Дехабова Эбу, про
живающего в селе
Бурундае.

Объяснение

В отношении побега из места посе
ления своего двоюродного брата Хам
зат Хамидова нса 1932 года пояс
нить ничего не могу, т.к. Хамидов
Хамидов нса живет своей семьей с самого
своего переезда, у которого я взял
письмо с конвертом, но в милли
не сообщил о побеге своего двоюрод
ного брата, а потому не представляю
адреса о месте нахождения Хамзат Хамидова
нса пока писем не получал и ро ль.
о чем и пояснил.

Хай (Дехабов)

12/II-1951 года.

Объяснительная за побег родственника

представитель «Союззаготтранса», но ему не удалось этого сделать вовремя. Тогда он все таки сказал: «Вы езжайте, а там что-нибудь придумаем. Однако, после приезда в Джамбул Умхаев был арестован и обвинен в побеге. После завершения следствия 23 июля 1951 года уголовное дело по обвинению Умхаева с заключением было направлено на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР. После получения Жалобы, Особое Совещание, 6 октября 1951 года возвратило дело для доследования с указанием прекращения производства в связи с тем, что Умхаев выехал со станции Чу

Джамбульской области в город Джамбул по служебным надобностям и умысла к побегу с места спецпоселения не имел. 26 декабря 1951 года в соответствии с этим указанием уголовное дело против Умхаева производством было прекращено. Но полгода Умхаев в тюрьме все-таки просидел[47].

Еще один подобный случай произошел в той же Джамбульской области. 12 июня 1951 года был взят под стражу за, якобы совершенный побег Басханов Ахмед Махмудович, проживавший в Джувалинском районе Джамбульской области. Суть дела заключалась в том, что Басханов 12 июня 1951 года выехал от места жительства в Джувалинском районе до разъезда №110 этого же района, находящегося на расстоянии 9 километров. Целью выезда было устройство на работу по своей специальности в качестве дизелиста в строительную организацию. Получив согласие на прием, Басханов возвращался обратно, но по дороге домой был взят под стражу и обвинен в побеге. Он работал до этого в заготконторе гонщиком скота и по условиям работы удалялся от места жительства на гораздо большие расстояния, и спецкомендатура не препятствовала этому. Здесь же видимо сыграли свою роль какие-то другие обстоятельства. Возможно, начальство не хотело отпускать хорошего работника, а Басханов настаивал на своем. Через несколько месяцев после ареста, 3 сентября 1951 г, он пишет письмо Секретарю ЦК ВЛКСМ, в котором описывает свою трагедию. «Я начал свою трудовую деятельность с 14-летнего возраста. Начиная с 1948 года, работал в заготскоте Джувалинского района Джамбульской области. В 1949 году за хорошую работу был направлен на учебу на годичные курсы механизаторов, которые успешно закончил. По возвращении продолжал работать на прежнем месте вплоть до ареста. В 1950 году как передовик производства был принят в ряды ВЛКСМ.

…Как член комсомола обращаюсь к Вам с просьбой вмешаться для уточнения справедливости. В данный момент мое дело находится на рассмотрении в Особом Совещании при МВД СССР»[48]. ЦК ВЛКСМ направил письмо арестованного комсомольца в Прокуратуру СССР с просьбой провести проверку законности ареста Басханова, и 24 ноября 1951 года начальник отдела по спецделам Прокуратуры СССР А. Камочкин пишет Прокурору Казахской ССР Набатову Л.А. «Басханов А.М., 1933 года рождения был привлечен к уголовной ответственности по Указу от 26 ноября 1948 года за самовольный выезд с места поселения на ст. Бурнос Джувалинского района, на разъезд №110 того же района. Из объяснения обвиняемого подтвержденного всеми материалами дела видно, что он выехал на разъезд №110 не с целью побега с места обязательного поселения, а с целью поступления на работу по своей специальности тракториста.За указанное нарушение Басханов подлежит наказанию не в уголовном, а в административном порядке»[49].

В данном случае слишком ретивым провинциальным чиновникам не удалось сломать судьбу молодого человека. Но, к сожалению, таких фактов торжества справедливости в отношении спецпоселенцев было не так уж и много.

Важнейшим направлением деятельности спецкомендатур являлась агентурно-оперативная работа среди спецпереселенцев. Инструкция об этой работе была приведена в действие приказом НКВД №00191 от 27 февраля 1944 года. К задачам этой работы относились: выявление и пресечение попыток побегов с мест поселения; выявление «упаднических» и вообще отрицательных настроений, связанных с хозяйственным и трудовым устройством. Должны были выявляться бандитские настроения, случаи уголовной преступности

(убийства, кражи, хулиганство), факты отрицательного отношения к спецпереселенцам советских и хозяйственных организаций и отдельных лиц. Главной задачей являлось «содействие органам в выявлении и изъятии из среды спецпереселенцев враждебных элементов».

Агентурно-осведомительная сеть охватывала все пункты расселения спецпереселенцев. В соответствии с первоначальным планом один осведомитель должен был обслуживать 20-30 семей, в последующем количество осведомителей увеличилось. Порядок вербовки был основательно продуман: в начале, проверялись политические и деловые качества кандидата, его связи со спецпереселенцами. Выяснялось, не замечен ли он в антисоветских делах или высказываниях.

На втором этапе, получив санкции на вербовку осведомителя от начальника РО НКВД, а на вербовку агента - от начальника ОСП, комендант (в первом случае), или начальник райотдела (во втором), вызывал намеченное лицо для личного знакомства и предварительной беседы, по результатам которой принималось окончательное решение. Агентурная работа прежде всего предлагалась членам ВКП(б), лицам имеющим хорошее образование, религиозным авторитетам.

От кандидатов, отказавшихся от сотрудничества, бралась подписка о неразглашении характера встречи. Но не всегда такой отказ заканчивался столь благополучно. Людей отказывающихся от сотрудничества с органами МГБ нередко преследовали в уголовном порядке, приписывая им нарушение каких-либо статей законодательства о спецпереселенцах[50].

Например, Управлением МГБ по Алма-Атинской области 17 июля 1951 года был арестован и привлечен к уголовной ответственности уроженец села Атаги

Атагинского района ЧИАССР Когиров Ноха Исакович, 1917 года рождения, проживавший в г. Алма-Ата, Каз. ССР. Его обвинили в том, что находясь на спецпоселении с февраля месяца 1950 г. по день ареста общественно-полезным трудом не занимался, тем самым нарушил Постановление СНК СССР №35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев».

31 октября 1951 года Особым Совещанием при МГБ СССР принято постановление: Кагирова Ноха Исаковича за уклонение от работы в местах спецпоселения заключить в ИТЛ сроком на 8 лет, считая срок с 17 июля 1951 года с последующим возвратом на поселение.

После вынесения постановления Особого Совещания, Когиров обратился с жалобой в ЦК КПСС, в которой объясняет истинную причину своего осуждения. «Я в октябре 1938 года добровольно ушел служить в Красную Армию, участник финской кампании и Великой Отечественной войны, где находился до ее окончания. Награжден Орденом Красной Звезды и Орденом Славы II степени, двумя медалями, 6 раз ранен. После окончания войны, в 1946 году был демобилизован и направлен на спецпоселение как чеченец в г. Алма-Ата. Все это время работал на разных должностях. Комендатура постоянно использовала меня в оперативных целях по розыску сбежавших с мест поселения. Когда я отказался от дальнейшего участия в этой работе, меня арестовали на 5 суток, якобы за нарушение общего порядка, а затем, не выпуская из КПЗ, предъявили обвинение в уклонении от общественно-полезного труда.» Уклонение от обязательного труда усмотрели за период, когда Когиров Н.И. лечился от 70% потери зрения, как следствия тяжелого ранения на фронте. Документы о прохождении лечения, представленные Когировым, как утверждает последний, умышленно были уничтожены следователем Сучковым.

Как видно, не пощадили даже участника двух войн и фактически нетрудоспособного инвалида. Все его жалобы на незаконное осуждение оставались без удовлетворения. Только, в соответствии с Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» срок наказания ему был сокращен наполовину и он вышел из тюрьмы в 1955 году[51].

4.4.Особенности повседневной жизни

Взаимоотношения с местным населением. Как отмечается во многих документах, отношение местного населения и руководящих работников к спецпереселенцам было «недоброжелательным, а в отдельных случаях, явно враждебным, сопровождающееся незаконными действиями, издевательством и расправами». Например, председатель Тихомировского сельского совета Павлодарской области Иванченко при обращении к нему прибывших поселенцев по вопросам трудоустройства заявил им: «Вас следовало бы всех истребить, а не переселять с места на место».

Директор одного из совхозов Карательского района Южно-Казахстанской области Востриков в течение всего 1944 года, несмотря на ряд указаний об улучшении положения спецпереселенцев, никаких мер не принимал. Люди жили скученно, в условиях антисанитарии, питание организовано не было. В результате, при вспышке тифа из 200 заболевших умер 101 человек. В Восточно-Казахстанской области местный житель Немцев выстрелом из ружья убил чеченцев Ильясова и Домраилова, следовавших в магазин, расположенный в соседнем поселке, за продуктами, заподозрив их в краже картофеля. В Алма - Атинской области местный житель член партии Акжанов и его товарищ Калибеков не пропустили в клуб на демонстрацию кинофильма группу

чеченцев, заявив им: «Кино не для бандитов и изменников Родины». После учиненного скандала, Калибеков со своим братом-директором школы и военруком, членом ВКП(б) Бектугановым,взяв из военного кабинета школы винтовки, обошли квартиры шести чеченцев, произвели у них обыск и, арестовав, продержали около трех суток до вмешательства органов власти[52]. В Кустанайской области председатель колхоза Устименко избил 10 человек спецпереселенцев, а председатель другого колхоза той же области Михайлюк собственноручно застрелил двух спецпереселенцев[53].

Вместе с тем была и поддержка, сочувствие со стороны местных жителей, которые с пониманием относились к трагедии чеченского и других депортированных народов.

В Казахстане было очень холодно и очень голодно, вспоминала одна из депортированных Хабира Я., «*Это была бедная земля. Казахам и так трудно приходилось, а тут еще нас переселили. Были, конечно, стычки из-за этого. Нас естественно не любили. Более того, казахи уже были наслышаны о нас. Советская пропаганда тогда хорошо работала. Казахам рассказали, будто идут страшные люди, с рогами, их не надо любить, надо закидывать камнями и т.п. Правда, на деле оказалось по-другому. Вместо того чтобы закидывать камнями, казахи нас боялись. Постоянно просили отца снять шапку и показать рога. Когда отец снимал шапку, они снова просили "показать" рога*»[54].

Как вспоминал журналист Цицкиев М-Б. местные жители не поверили, что весь народ–предатели и изменники, хотя официальная пропаганда трубила об этом везде. *«Многие потеснились, дали нам приют и хлеб. До*

сих пор помню высокого статного врача, заведующего райздравотделом Григорьева Григория Григорьевича, также ссыльного из Ленинграда. Когда слег отец, он часто приезжал к нам в далекую от райцентра казахскую деревушку. Часами сидел у постели больного, стараясь как - то облегчить его участь. Но помочь ему уже никто не мог.

Навсегда запомнил Хорева Михаила Ивановича, учителя русского языка и литературы, тоже из ссыльных. Ему самому не легче было, чем нам,но он согревал нас своим теплом и добротой. Михаил Иванович после уроков часто приглашал меня к себе домой, кормил обедом, помогал выучить трудный для меня предмет. И таких людей было немало. Добрых, милосердных, сочувствующих чужому горю. Сердечная им благодарность»[55].

Майрбек Чикаро записал воспоминания своей матери о взаимоотношениях с казахами: За 13 лет, почти все хорошо-или плохо знали казахский язык, я спрашивал у своих родителей зачем они его учили, ведь нужно было говорить на русском все равно с властью....Мать говорила, что отношение казахов было к депортированным особое: да, они боялись властей, но, не могли не протянуть руку помощи...их песни, были жалостными, они отражали и наше настроение в те годы...они не были жестоки, у них были свои проблемы, но из года в год они становились все ближе и ближе к чеченцам,и все это сближало нас с ними... Моя мать и сейчас помнит казахский язык, какие -то фразы и слова...Даже может напеть какие -то песни казахские А ведь прошло почти 60 лет, и после Казахстана она ни разу не общалась с казахами...Можно ли было бы выучить язык народа, если бы они плохо относились к депортированным?[56]

Школьное обучение детей. С особой теплотой и нежностью вспоминают своих учителей и воспитателей чеченские дети, обучавшиеся в школах или оказавшиеся в детских домах Казахстана и Киргизии. Государство уделяло серьезное внимание обучению детей переселенцев. Уже 20 июня 1944 г. вышло распоряжение СНК за подписью В. Молотова в котором устанавливалось, что обучение детей чеченцев, ингушей и других переселенных народов будет производиться на русском языке в существующих начальных школах по месту их жительства. Разрешалось обучение детей спецпереселенцев в средних и высших учебных заведениях на территории Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Оно должно было проходить в существующих средних и высших учебных заведениях указанных республик, с правом переезда учащихся к месту нахождения учебного заведения, но без права выезда за пределы республики как в период обучения, так и после окончания учебного заведения. Кроме того был определен перечень вузов, в которых могли получать образование дети спецпереселенцев[57].

Однако в первый год переселения, по оценке руководства МВД Казахстана, положение со школьным обучением было крайне неудовлетворительным. Это было связано с незнанием большинством детей языков на котором велось преподавание, отдельными фактами противодействитя обучению со стороны родителей, а также раздетостью и разутостью, вследствие чего в зимние периоды большинство детей, привлекаемых к обучению, вынуждено посещение школ прекратить[58]. Но в Казахстане, уже в 1945/46 учебном году, из 89102 человек детей школьного возраста обучалось 22020 человек, из которых закончили ремесленные училища и школы ФЗО 1050 детей[59]. В Киргизии из учтенных в 1946 г. 21240

детей школьного возраста школы посещали4560 человек[60].

Спецпереселенцы. Актюбинск. 1954г.

Но уже к 1950 году практически все дети спецпереселенцев обучались в школе. Например, в справке Карагандинского горкома партии в июле 1951 года отмечалось, что «по учету значится: 6129 чел. детей спецпереселенцев, в том числе: чеченцев 1404 чел., немцев 4142 чел., других национальностей 593 чел. В течение 1950/51 учебного года в школах города обучалось 6055

чел. В том числе: в первых классах 5206 чел., в 5-7 классах 813 чел., в 8-10 классах 36 чел. Не охвачено обучением 74 чел. чеченцев и ингушей по причине того, что их родители не желают отдавать в школу девочек. Такое положение получилось там, где школы не провели соответствующей воспитательной и разъяснительной работы с родителями этих детей»[61].

Чеченцы стали понимать, что образование является весьма эффективным фактором, обеспечивающим достойный уровень благосостояния человека. Спецпереселенцы, имеющие хоть какое-то образование имели возможность найти хорошую работу, а следовательно создать более благоприятные условия жизни для своей семьи. Поэтому родители старались сделать все возможное, чтобы дети их пошли учиться. Нужно отметить, что если мальчиков отпускали в школу беспрепятственно, то девочек определяли туда все еще весьма неохотно. О том, как формировалось это новое отношение к учебе детей, рассказывает в своих мемуарах Абдулла Киндаров, проживавший во время выселения в поселке Калиниское, Фрунзенской области, Киргизской ССР: «По инициативе Аббаса Гайсумова (религиозный авторитет, герой Гражданской войны, сын шейха Сугаип-муллы-М.И.), наши старики развернули целую кампанию по вовлечению детей в школу. Аксакалы посещали дома и вели долгие переговоры с родителями, близкими и родственниками детей, не посещающих школу. С них брали слово, что они непременно пошлют своих детей учиться. Одновременно выявляли семьи, которые в силу материальных затруднений этого сделать не могли. Списки таких семей передавались в сельский совет и РайОНО для оказания помощи.

Старики останавливали детей школьного возраста, бесцельно гуляющих по селу в учебное время, приводили их к своим родителям и стыдили последних… Аббас

Учащиеся Калининской средней школы №1, Фрунзенской области Барон Киндаров, в центре и Абдул-Вахаб Саидов, первый справа во втором ряду

говорил своим слушателям: мы долго жили в ночи невежества, пора выходить на свет. Коран и пророк Мухаммед учат нас искать пути к знаниям, всемерно постигать их»[62]. Показательно, что такая активная работа старейшин по вовлечению чеченских детей в учебу привела к очень серьезным результатам. Выпускники этой сельской школы заняли затем в восстановленной Чечено-Ингушетии ведущие позиции в науке, культуре, экономике. Абдулла Киндаров был секретарем ОК ВЛКСМ и министром культуры ЧИАССР, его брат известный в республике врач Барон Киндаров, долгое время занимал должность заместителя министра здравоохранения. Крупными учеными, известными в республике и стране стали профессора Абубакар и Аюб Манкиевы, Абдул-Вахаб Саидов, Сайд-Ахмад Хусаинов,

Чечено-Ингушское республиканское объединение «Россельхозтехника» возглавлял Абдулла Саидов.

О трудностях, с которыми сталкивались чеченские дети на пути к образованию, рассказывает кандидат исторических наук С. Умаров. Он впервые пошел в первый класс Писаревской семилетней школы, Булаевского района, Северо-Казахстанской области, уже в возрасте 10 лет в 1947 году. До этого времени чеченских детей в школу не брали. «*Много позже мы узнали, что нас приняли тогда только благодаря мужеству и самоотверженности одного человека – директора школы Георгия Афанасьевича Григоревского. Он был вынужден взять на себя полную ответственность (в письменной форме) – за политическую и идейно-нравственную атмосферу не только в школе, но и в селе в связи с приемом на учебу чеченских детей»[63].*

Тахир Идаев воспитанник Курашасайского детского дома Актюбинской области писал о своих учителях: *Пусть не обидятся наши тогдашние наставники, но у нас, у детдомовцев, были свои любимчики, которых мы обожали и уважали особо. Это Борис Федорович Шильберг-преподаватель физики и его жена Зоя Ивановна Новикова, учительница начальных классов. Помнится Борис Федорович работал на шахте, учился заочно в институте и успевал преподавать физику и немецкий язык в школе. Их особая забота о нас, какой-то особый подход к нам тогда и сегодня до слез волнует нас.»[64].*

Тахир Идаев после окончания Курашасайской семилетней школы с отличием окончил школу ФЗУ, работал на Актюбинском заводе ферросплавов, был секретарем комсомольской организации завода, затем также с отличием окончил Высшую партийную школу при ЦК компартии Казахстана, работал в партийных органах Актюбинской области и Чечено-Ингушетии.

О своих первых школьных годах, прошедших в селе Ново-Алексеевка, Хобдинского района Актюбинской области рассказывает Народный артист РСФСР Муса Дудаев: «*Моей первой учительницей стала Нина Макарьевна Шалаева, чьей человеческойтеплотой я согрет на всю жизнь...*

До середины октября нас, школьников, часто водили на колхозные поля собирать колоски, оставшиеся после уборки урожая. Нина Макарьевна ставила меня всегда рядом с собой. Она, конечно, замечала, когда я

Учащиеся Курашасайской 7-летней школы Актюбинской области. В центре Б.И. Шильберг со своей женой З.И. Новиковой. В первом ряду второй справа, будущий зам. генерального директора Грозненского радиотехнического завода Мовсуд Байалиев

тайком потирал в руках колосья и ел зерна, что было категорически запрещено объездчиком… Когда Нина Макарьевна замечала мой «грешок», она смотрела по сторонам, была как бы на атасе, а мне говорила

улыбаясь:-Не ешь, Муса, животик будет болеть, потерпи… Зимой, пока я доходил до школы в своем сером, залатанном пальтишке, я замерзал. Она всегда быстро снимала с меня пальтишко, накидывала на меня свой пуховый платок, снимала с ног обувь, подставляла маленькую табуретку к печке, сажала меня на нее и растирала мои замерзшие конечности…

Сидел я за партой один, она подсаживалась, помогала мне разлинеить газету (тетрадей у нас не было), сама писала поначалу букву, которую мы изучали, а потом водила моей рукой, чтобы я правильно в строчку писал…

Она часто, идя в школу, прихватывала из дома несколько пирожков для меня. Они были такие вкусные, что я их вкус помню до сих пор. Она была очень молодой, юной девочкой, хотя уже окончила Актюбинское педагогическое училище… Ее большие карие глаза излучали такое тепло, что его хватило бы на целую зиму. Я не долго у нее проучился, полтора года, и мы переехали в другое село. Я после этого ее ни разу не видел, никто не произносил при мне ее имени, но я запомнил ее на всю жизнь»[65].

Но охватить всех детей школьного возраста учебой у властей не получалось. В 1955/56 учебном году из 61 тыс. детей школьного возраста обучалось только 50 тыс., или 81%. Особенно плохо обстояло дело с обучением девочек, которые, как правило, оставляли школу с четвертого класса, и лишь единицы из них учились в старших классах. Очень мало чеченцев и ингушей училось в эти годы в высших и средних учебных заведениях. В 1955 году таковых было всего лишь 187 человек[66].

Взаимопомощь, досуг, семья, юмор в жизни спецпереселенцев.По прошествии некоторого времени после переселения, люди стали жить своей обычной человеческой жизнью: влюблялись и женились, рожали и

воспитывали детей, развлекались, шутили над собой и друзьями.

В первые годы, вплоть до 1947 года люди были озабочены только поисками пропитания, но со временем появились и радости и развлечения. Регулярно стали проводиться синкъерам (вечеринки), где девушки пели песни и танцевали вместе с юношами, где они знакомились друг с другом и очень часто закладывали основы будущей семьи. Эти чеченские вечеринки имели не только развлекательную функцию, но и несли с собой огромный воспитательный потенциал. Здесь велись беседы о чеченском этикете, народных традициях и обычаях и никому не позволялось их нарушать.

Очень важной чертой хозяйственного и семейного быта чеченцев всегда был, как отмечает З. И. Хасбулатова,[67] институт взаимопомощи ***белхи.*** На ***белхи*** шли всем миром, это было событие радостное, коллективное действо с участием родственников и односельчан – здесь всегда звучали шутки, в перерывах между работой молодые и люди постарше танцевали, обменивались новостями. Сооружение фундамента дома, возведение крыши, пахота – этим занимались взрослые, размешивание глины для обмазки дома, для самана, для покрытия потолка, перебирание шерсти, веяние семян зерна доверяли молодым. Соревнуясь они делали эту работу, узнавая друг друга в труде. Это была еще одна возможность общения в процессе труда, закладки будущих, возможно родственных отношений. Вышесказанное подтверждают воспоминания жительницы села Старые Атаги, Матраш Шаптукаевой, записанные ее дочерью Айшат Исмаиловой: *«Несмотря на сложные условия жизни и тоску по родине, чеченцы всеми силами поддерживали дух проводя различные традиционные мероприятия, такие как «Белхи», «Синкъерам». В 1950 г. на одном из таких синкъермов был и девятнадцатилетний*

чеченец с Новых Атагов Хасан Муслимов, который вскоре стал зятем семьи Шаптукаевых. У Хасана Муслимова и Малики Шаптукаевой в Лениногорске сложилась молодая семья»[68].

Гармошка была самой заветной мечтой чеченской девушки

Как рассказывают бывшие спецпереселенцы, особые страдания им доставляло отсутствие новорожденных детей. Если в довоенный период у чечено-ингушского населения ежегодно рождалось свыше 20000 детей[69], то с 1945 по 1947 гг. в среднем за год родилось только около 4000 детей,[70] и каждый родившийся ребенок становился,

Семья Бугаевых. В центре будущий известный политик и ученый Абдулла Бугаев. 1951 год

буквально, предметом поклонения. В представлениях чеченцев, как отмечает известный чеченский этнопедагог Ш.М. Арсалиев, «Дитя является как бы средоточением, вместилищем ласки и нежности, хотя традиционная сдержанность чеченцев не одобряет открытых проявлений нежности, не говоря уже о баловстве»[71]. Многие женщины, молодые девушки приходили в дом к новорожденному и просили счастливую мать дать возможность подержать, хотя бы несколько минут, малыша на руках. Моя мать, Ибрагимова Рукият рассказывала, что когда в апреле 1948 года родился я, то не было отбоя от желающих поглядеть на младенца, и она

вынуждена была отказывать большинству из них, боясь сглаза. Правда, через месяца три-четыре уже разрешала желающим девушкам повозиться с ребенком, за что они с удовольствием помогали матери выполнять разнообразную работу по дому. Но уже в начале 1950-х гг. новорожденные дети были уже практически в каждой чеченской семье.

Важное место в жизни депортированных чеченцев занимал юмор. Народ, который на протяжении почти всей своей истории подвергался сильным стрессам, будь то войны или другие катаклизмы, не может замкнуться в себе. Как говорят специалисты, юмор для чеченцев — это своего рода защитная реакция, выработанная издревле. Чувство юмора вырабатывает в человеке гибкость, способность к хорошей социальной адаптации. Наверное, поэтому чеченцы себя хорошо чувствуют в любом обществе.

Именно благодаря тонкому чувству юмора, способности смеяться, спасался народ в самых трудных жизненных ситуациях: во время депортации, и во время военных конфликтов. Но, несмотря на любовь к шутке, чеченцы, да и в кавказцы в целом, всегда боялись обидеть человека. О том, что смех не должен переходить в насмешку, предупреждает и чеченская пословица: «шутка начало ссоры»[72].

Азамат Исмаилов рассказывает о своем родственнике, который в самый тяжелый момент жизни умел тонкой шуткой разрядить ситуацию. «*Брата моего деда звали Абдул-Муталлиб. Он был очень веселым человеком, с живым умом. Помогал и поддерживал людей в этот трудный час. Когда на новом месте поселения умер первый из Чечен-аульцев, они похоронили его в чистом поле, основав, таким образом, новое кладбище. Когда люди стали расходиться Абдул-Муталлиб, повернувшись в сторону могилы сказал:*

Фото 1950 г. Сестры Шоршуева Эсет(сидит) и Ибрагимова Рукият с сыновьями. Актюбинская область.

"Хьенех, хьеши тIе багIахь, юьрт да хир ву хьо. Хьеши ца багIахь-мехкан да хир ву хьо." Если будут гости (другие похороненные здесь)-будешь старостой села(кладбища), а если нет-будешь хозяином этих земель(так как один). К сожалению, "гости" у этого "села" еще были. И было их много. В том числе и Абдул-Муталлиб»[73].

Еще одна история, рассказанная про моего отца Ибрагимова Муьсли, его сверстниками из села Гуни, Веденского района. Большинство жителей этого села были переселены в поселок Курашасай, Актюбинской области, Казахской ССР. Работали на шахтах треста «Актюбинскуголь». Комендантом в этом поселке был некий Каменев, человек очень жесткий и придирчивый, который следил за каждым шагом чеченцев, запрещал им,

в том числе, исполнять религиозные обряды, и петь назмы. Во время перерыва в работе, друзья попросили Ибрагимова исполнить какую-нибудь назму, так, как он их знал и довольно искусно исполнял. При этом Муьсли имел привычку исполнять назмы прикрыв глаза и закрыв руками уши. Как только запевала начал свое исполнение, его товарищи, подпевавшие ему, разбежались в разные стороны и спрятались в укромных местах. Почувствовав, что хор перестал его поддерживать, он открыл глаза, посмотрел вокруг и заметив, что товарищей нет, стремглав бросился наутек. Тут из своих укрытий выскочили хохочущие подельники и стали спрашивать Муьсли «Ты почему побежал?», а он в ответ: «А я увидел, что вас нет, подумал, что идет этот злодей Каменев, будь он проклят, и побежал прятаться от него».

Трудовая деятельность. Особое место в повседневной жизни чеченских спецпереселенцев занимала трудовая деятельность. Трудились они самоотверженно и эффективно. Не случайно в одном из своих интервью, опубликованном в газете «Правда» в конце 80-х годов XX века, Д.А. Кунаев, свыше тридцати лет руководивший Казахстаном, отмечал, что вклад чеченцев в становление и развитие экономики Казахстана неоценим, и, что казахстанцы с благодарностью всегда будут помнить об этом[74].

Несомненно, государство, переселяя огромные массы людей из одного региона в другой, учитывало необходимость использования трудоспособного населения в различных отраслях народного хозяйства. Можно даже предположить, что одной из причин выселения народов в Среднюю Азию и Казахстан явилась, кроме всего прочего, задача обеспечения трудовыми ресурсами эти регионы, которые испытывали острый дефицит рабочих рук, в связи с необходимостью интенсивного развития промышленности и сельского хозяйства. Об этом

свидетельствуют многие распоряжения и постановления ГКО СССР и Правительства Советского Союза того периода, в которых обязательно указывалось то, куда будут направлены работоспособные переселенцы. Так, в постановлении ГКО (№5073 «совершенно секретно») от 31 января 1944 года «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР указывалось: «Расселение прибывших спецпереселенцев производить с учетом трудоиспользования их, в первую очередь в сельском хозяйстве и животноводстве (совхозы, подсобные хозяйства, колхоз), рабочих и служащих в предприятиях районов вселения с использованием по специальности. Обязать Совнарком Казахской и Киргизской ССР обеспечить быстрейшее вовлечение прибывающих спецпереселенцев в члены сельхозартелей и промысловых артелей»[75].

Несмотря на усилия государственных органов, ситуация с трудоустройством спецпереселенцев на местах складывалась вначале не совсем благоприятная. Зачастую семьи депортированных не принимались в члены сельхозартелей, не привлекались для работы на промышленных предприятиях. Так, Л. Берия в записке, направленной в июле 1944 г. на имя Сталина, Молотова, Маленкова, отмечал, что в Казахской ССР «из 70296 семей, расселенных в колхозах, вступило в члены сельхозартелей 56800 семей, или 81 процент»[76].

В начальный период вовлечение спецпереселенцев в трудовую деятельность шло медленно. Многие руководители под разными предлогами не хотели принимать их на работу. Так при обращении к начальнику ОСМУ №2 треста «Алтайстрой» Глезеру по вопросу о необходимости улучшения трудоиспользования и бытовых условий спецпереселенцев, он заявил: «Спецпереселенцы мне не нужны, и я приму все меры,

чтобы от них освободиться»[77]. В Верх-Убинском районеВосточно-Казахстанской области на заседании Мало-Убинского сельского исполкома постановили, что со стороны нас никакой помощи не будет и пусть они не надеются на колхозы, а нанимаются работать к колхозникам»[78]. Отдельные факты отказов от трудоиспользования спецпереселенцев имели место также в Павлодарской, Джамбульской, Алма-Атинской и других областях[79].

На начало 1946 г. практически все спецпереселенцы из Чечено-Ингушетии были хозяйственно обустроены, а трудоспособные получили работу. Из 151924 трудоспособных чеченцев и ингушей, поселенных в Казахской ССР, занято на работах было 151349 человек. Не работающих в силу различных причин осталось всего 575 человек. Подавляющее большинство чеченцев и ингушей было занято в сельском хозяйстве – 103088 человек, в угледобывающей промышленности работало 5288 человек, в строительстве – свыше 2000 человек, в промышленности – 38406, в государственных и советских учреждениях – 3028, в просвещении – 271, в НКВД – 1236[80]. Спецпереселенцы использовались и для заготовки лесоматериалов под строительство собственного жилья. Так, в постановлении СНК №627–176 «совершенно секретно» от 29 мая 1944 г. указывалось: «обязать Наркомлес СССР за счет использования мобилизуемых спецпереселенцев в порядке пункта 18 Постановления ГКО №5900 от 15 мая 1944 г. заготовить в Боровлянском, Южаковском и Красноуфимском мехлеспунктах и вывезти к местам погрузки в течение III и IV кварталов с. г. и I и II кварталов 1945 г. 150 тысяч куб. м деловой древесины»[81].

При распределении спецпереселенцев в сферы производства учитывалась их производственная квалификация и специальность. В Актюбинской области в

1944 году специалистов из числа чеченцев было учтено 436 человек. Из них по основной профессии устроились: токарей-10, слесарей – 4, бурильщиков-3, трактористов-6, плотников-91, сапожников-46, портных-27, кузнецов-38, электросварщиков-1, огородников-4, столяров-2, зоотехников-2, ветработников-6, медработников-2, агрономов-1, остальные из-за нехватки вакансий в местах расселения работали не по специальности. Среди неработающих по специальности больше всего оказалось учителей-124[82].

Многие из чеченцев, ранее занятых на нефтепромыслах в Чечено-Ингушской АССР, обустраивались в нефтедобывающих регионах Казахской ССР. В сентябре 1944 г. заместитель наркома нефтянойпромышленности СССР И. Карягин сообщал: «Наркомнефть принимает на себя расходы, связанные с пересылкой спецпереселенцев-нефтяников из различных районов Киргизской и Казахской ССР в «Казнефтекомбинат» Гурьева». Переселению подлежали около 100 семей нефтяников, ранее работавших в нефтяной промышленности г. Грозный . Среди них были такие известные сециалисты-нефтяники, как Султан Кагерманов, Элеонора Мациева, Ильяс Алмазов, Гамид Ахтаханов, Хусейн Тутаев[83].

Как отмечает историк Жарас Ермекбаев, Чеченцы еще с 1944 года работали на промыслах объединения «Казахстаннефть», а также управлении треста «Казнефтеразведка», и «Косчагылнефть», конторах бурения «Эмбанефтьпродукт» и «Кулсары». Среди них были инженеры-нефтяники окончившие Грозненский нефтяной институ, а таже опытные нефтяники-практики. Работали помощниками бурильщиков, буровыми мастерами, операторами промыслов, мотористами, слесарями, электросварщиками, газосварщиками и т. п. Некоторые из них занимали должности, которые

Шофер Ибрагимов Джима. Актюбинск. 1950-е гг.

требовали высокое профессиональное мастерство. Например, мастером добычи промысла «Макат» был Ахияд Цомаев, работавший в нефтяной отрасли с 1926 года, а в 1940-1943 гг. возглавлявший дирекцию Старогрозненского промысла г. Грозного. Он был награжден двумя орденами «Знак почета», в 1938 году был избран депутатом Верховного Совета СССР. Буровым мастером промысла «Кошкар» трудился Сайдали Цухаев. В нефтяную промышленность он пришел в 1929 году, а перед выселением работал уже вторым секретарем Гудермесского райкома ВКП(б). Оба они числились среди передовиков производства, были, как тогда говорили, стахановцами. Буровыми мастерами на промысле «Кошкар» работали Муса Магомерзоев и Абу-Саид Хаджимуратов, начальником планового отдела на этом

Чеченские и немецкие девушки, работавшие на стройках г. Актюбинска. На переднем плане один из первых чеченских шоферов Салман Цуруев. Фото 1952 г.

промысле трудился Ваха Магомерзоев. В объединении «Казахстаннефть с 1944 года мастером котельно-сварочного цеха работал чеченец Николай Мустафинов, цеховым мастером автотранспортного комбината указанного объединения числился Ахмед Исраилов[84]. Лица с высшим и средним специальным образованием должны были использоваться на работе, только по своей специальности, преимущественно на тех предприятиях, где работают спецпереселенцы. Но если такой возможности использования квалифицированных специалистов в пределах района расселения спецпереселенцев не было, наркомы внутренних дел и начальники УНКВД разрешали таким специалистам

индивидуальное устройство на работу по их профилю в пределах области (края)[85].

В начальный период депортации, чеченцев и ингушей имеющих опыт партийно-хозяйственной деятельности активно выдвигали даже на руководящие должности в государственных и партийных структурах. Так, бывший секретарь Чечено-Ингушского ОК КП(б) Муслим Гайрбеков работал инструктором Кустанайского обкома партии, затем заведующим сектором промышленно-транспортного отдела. С 1947 года он переводится в Алма-Ату, заведующим орготделом Калининского райкома, а через некоторое время становится заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б) Казахстана. В Восточно-Казахстанской области инструктором отдела пропаганды и агитации работал В. Адсаламов. В. Айдомиров, работавший секретарем Грозненского райкома ВКП(б), был назначен директором маслопрома. Бывший первый секретарь Галашкинского райкома партии С.Б. Мизаев работал инструктором Георгиевского РК КП(б) Казахстана. С.В. Висаитов, кадровый офицер, гвардии майор трудился в должности инструктора Тюлькубасского райпотребсоюза Южно-Казахстанской области. Бывший прокурор ЧИАССР Хасан Мехтиев занимал должность директора райпищепромкомбината в Карагандинской области.

Одним из немногих чеченцев, которым было разрешено работать в правоохранительных органах был бывший заместитель наркома юстиции ЧИАССР Дзияутдин Мальсагов. Он был назначен на должность заместителя прокурора Талды-Курганской области, а в середине 1950-х гг. работал заместителем председателя Алма-Атинского областного суда.

Начальником театрального отдела Управления по делам искусств при Совете Министерств Киргизской ССР

Передовик производства, подземный слесарь Верх-Березовского рудника, Восточно-Казахстанской области Шоршуев Магомед

работал драматург и режиссер Абдулхамид Хамидов, автор бессмертной комедии «Бож-Али». Одновременно он занимался и творческой деятельностью – ставил спектакли в Иссык-Кульском областном драматическом театре. В постановке А.Хамидова и А. Кострова на сцене этого театра в 1946 году была показана комедия «Самолет опаздывает на сутки», которая имела огромный зрительский успех. А. Хамидову после его обращения с письмом к Сталину разрешили создать театролизованный ансамбль кавказского танца и песни. 7 ноября 1946 года этот ансамбль дал свой первый концерт в столице Киргизии городе Фрунзе. В составе ансамбля выступали популярные артисты Чечено-Ингушетии Умар Димаев, Ваха Дакашев,Магомед Уматгириев, Ахмед Хамхоев и другие. В него входили балкарские и карачаевские

артисты. Кавказский ансамбль песни и пляски совершал гастрольные поездки по городам и районам Киргизии, а в 1947 году он гастролировал и по Казахстану[86].

На ответственных должностях работал в Казахстане и будущий министр культуры ЧИАССР Ваха Татаев. С 1944 по 1947 гг. в Джамбульской он работает заместителем директора областного драмтеатра и директором кинотеатра «Октябрь», затем заместителем директора Казахского государственного театра для детей и юношества и директором кинотеатра «ТЮЗ» г. Алма-Ата. В 1948-1951 гг. Татаев – заместитель директора Государственного академического театра оперы и балета им Абая г. Алма-Ата. В 1951-1956 гг. – директор Казахской государственной эстрады и первый заместитель директора Казахской государственной филармонии им. Джамбула г. Алма-Ата. С 1956 года Ваха – слушатель Алма-Атинской партшколы. Затем его назначают начальником Управления культуры при Оргкомитете по восстановлению ЧИАССР.

Но не все бывшие ответственные партийные и хозяйственные работники использовались на руководящей работе. Например Супьян Моллаев, бывший председатель Совнаркома Чечено-Ингушской АССР работал в кооперативной артели по заготовке камыша в Алма-Атинской области. Бывший зам. Наркома внутренних дел ЧИАССР Исаев работал агентом-заготовителем сельпо в Талгарском районе Алма-Атинской области. Там же в качестве чернорабочей работает Дачаева, бывший нарком соцобеспечения республики. И такого рода примеров было довольно много[87].

Серьезное внимание уделялось проблеме подготовки квалифицированных кадров для промышленности и сельского хозяйства из числа спецпереселенцев.По имеющимся данным, только в 6 областях Казахской ССР было обучено в 1945–1946 гг.

свыше 2600 спецпереселенцев, в том числе трактористов – 189, комбайнеров – 74, шоферов – 159, слесарей – 43 и т. д. В 1945 г. в школы фабрично-заводского ученичества и ремесленные училища, в которых обучались рабочим профессиям, было призвано около 3000 подростков из числа спецпереселенцев, а планом на 1946 намечалось призвать еще 4000 человек[88].

Большинство депортированных чеченцев, как неоднократно подчеркивалось в отчетах НКВД и партийных комитетов, добросовестно относилось к своим трудовым обязанностям. В служебной записке инспектора ЦК КПСС Гаенко и Алаторцев писали: «в подавляющей своей массе спецпоселенцы добросовестно трудятся, нередко демонстрируя примеры высокопроизводительного труда, получая за свой труд такую же оплату, какую получают и все остальные рабочие и колхозники»[89]. Широкое распространение получило среди спецпереселенцев социалистическое соревнование. В Бескарагайском овцеплемхозе бригада Исмаилова Юнуса во время весеннего сева перевыполнила нормы выработки на 100 и более процентов. В колхозе «Вторая пятилетка» Булаевского района Северо-Казахстанской области чеченец В. Эльмурзаев, работая на тракторе СТЗ, за 10 рабочих дней при норме 45 га вспахал 94 га и сэкономил горючего 56 кг. В Южно-Казахстанской области спецпереселенцы из Келесского района, занятые на дорожных работах, в соревнованиях 5 районов заняли первое место и получили переходящее Красное Знамя, а 120 человек – премии. На руднике «Кельтемашатуголь» братья Махтиевы перевыполняли нормы добычи угля, давая от 500 до 700 процентов и зарабатывая в месяц до 6000 рублей каждый. На шахтах треста «Кировуголь» работало 119 спецпоселенцев, из них 98 человек систематически перевыполняли производственные нормы[90]. «Основная масса трудоспособных выселенцев,

– отмечалось в докладной записке ЦК КП(б) Казахстана, – относится к труду добросовестно, многие из них получили и получают в данное время премии, поощрения и правительственные награды». За высокие производственные показатели спецпереселенцы, проживающие в Казахской, Киргизской и Узбекской ССР, были представлены к правительственным наградам. Так, в Казахстане были награждены орденами и медалями Советского Союза 15643 спецпоселенца[91].

Ахмет Сапаров из Шаройского района в 18-летнем возрасте оказался в Ленгерском районе Южно-Казахстанской области Казахстана. В 1944-1946 гг. работал табунщиком, в 1946-1952 гг.-чабаном, а с 1952 года старшим чабаном колхоза имени Калинина. Достиг высочайших успехов в своей отрасли. Ахмет Сапаров от каждой из ста овцематок сохранил по 175-176 ягнят, были случаи, когда удавалось получать и по 198 ягнят. Имел множество правительственных наград. После восстановления ЧИАССР в республику не вернулся, продожал работать на прежнем месте и в прежней должности старшего чабана. В 1971 году, за выдающиеся достижения в развитии сельскохозяйственного производства был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда[92].

Только в Лениногорском районе Восточно-Казахстанской области в 1948 году были награждены медалью «За доблестный труд в период Великой Отечествaенной войны» 18 чеченцев.

Семья Кати Умаева из древнего чеченского селения Дойкур-ойла (Толстой-Юрт), была переселена в поселок Образец, Карагского района, Северо-Казахстанской области. Приученный с детства к труду Ката выучился на механизатора, и вскоре стал одним из лучших работников местного совхоза. Свою первую правительственную награду получил уже в 1947 году – это была медаль «За

доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны». Спустя четыре года, в 1951 году ему вручен первый орден «Трудового Красного Знамени», а спустя всего один год – еще один. Причем, вторую награду он получил за рационализаторское предложение, которое помогло спасти урожай зерновых по всей Северо-Казахстанской области. В тот год лето выдалось на редкость дождливым, и созревший урожай полег так, что о механизированной уборке нечего было и думать. В то же время недостаток рабочих рук не позволял организовать ручную уборку. Выход из, казалось бы, безвыходной ситуации нашел Ката Умаев, который придумал специальное приспособление, позволявшее по ходу движения комбайна приподнимать полегшие колосья. Смонтировав это приспособление на своем комбайне, Ката Умаев с успехом опробовал его в деле, после чего убрал урожай на своем участке в короткий срок и без потерь. Причем, работал он одновременно на трех комбайнах, два из которых вел на прицепе.

Изобретение Каты тут же было подхвачено во всей области и помогло собрать рекордный урожай. А областное начальство помимо ордена, наградило его еще и мотоциклом, что по тем временам было настоящей роскошью. Причем, указанный мотоцикл был выделен по специальной разнарядке и предназначался первоначально для одного из участников Великой Отечественной войны. Причем, тот сам не возражал против передачи мотоцикла молодому комбайнеру. Прошло еще пять лет, и К. Умаев представлен уже к званию «Герой Социалистического труда». Однако кто-то в Москве решил, что для спецпереселенца достаточно будет «Ордена Ленина». Тем не менее, это был высший орден СССР, получить который считалось высочайшей честью[93].

Уроженец с. Гуни Веденского района тракторист из Актюбинской области Абуханов Шарани тоже был

награжден одной из самых высоких наград Советского Союза-орденом Трудового Красного Знамени, а его родной брат и помощник – Долу медалью «За Трудовую доблесть».

На Лениногорских предприятиях в 1956 году 61 чеченец был занесен на «Доску почета», 65 получили звание «Лучший по профессии», звание «Лучший металлург присвоили Басаеву, Успахаджиеву и другим рабочим-чеченцам[94]. Звания «Лучший каменщик» удостоился Шамсудин Хаджиев-бригадир каменщиков треста «Лениногорсксвинецстрой», впоследствии удостоенный за свои трудовые достижения уже в Чечено-

Орденская книжка Абуханова Шарани

Ингушетии звания Героя Социалистического Труда[95]. При всем этом не обходилось и без грубых нарушений прав спецпереселенцев в сфере их трудовой деятельности. Как отмечалось в записках в ЦК КПСС, отдельные руководители советских и хозяйственных органов допускали произвол в отношении к спецпереселенцам, без основания увольняли с работы, а иногда и большими группами в административном порядке перебрасывали с одного места работы на другое, не считаясь с квалификацией и желанием самих спецпереселенцев.

Слабое внимание обращалось на производственное обучение детей спецпереселенцев, крайне редко вовлекались они в управление предприятиями, колхозами, совхозами, МТС. В Постановлении Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана от 17 ноября 1944 г. указывалось об отношении к представителям депортированных народов следующее: «Несмотря на неоднократные указания СНХ Каз. ССР и ЦК КП(б)К о принятии решительных мер по пресечению издевательского отношения к спецпереселенцам, факты избиения их, занижения в оплате труда, питании, в представлении квартир и т. д. продолжают иметь место и, больше того, за последнее время число их увеличилось»[96].

Таким образом, чеченцы, составляя практически дармовую рабочую силу для новых мест проживания в первоначальный период депортации, впоследствии стали получать за свой труд практически такое же материальное и моральное вознаграждение, какое получали остальные. Многие семьи обзавелись хорошей домашней обстановкой и другими ценными вещами. Значительное количество из них приобрело легковые машины и мотоциклы, что в тот период времени являлось свидетельством очень высокого уровня материального благополучия семьи. В Акмолинской области, например, у чеченцев и ингушей насчитывалось в 1956 году 150 автомобилей и 614 мотоциклов, в Карагандинской области – 247 автомашин и 740 мотоциклов[97]. Значительная часть чеченцев трудилась в сельском хозяйстве, где труд оценивался в трудоднях, которые зачастую никаким реальным содержанием не наполнялись. Квалифицированные рабочие были заняты в горной промышленности, на предприятиях цветной и черной металлургии, в нефтяной промышленности. Очень незначительная часть чеченцев была представлена в сфере интеллектуального труда.

Хотя взаимоотношения спецпереселенцев и работодателей регламентировались специальными правительственными постановлениями, в которых определялись некоторые права работников, однако, в условиях специального режима, где эти права в основном регулировались спецкомендатурами, они во многом оставались декларативными. Их нарушения редко пресекались органами власти. Тем не менее, эта деятельность была определяющей для выживания спецпереселенцев, позволяла хотя бы минимально приблизиться к удовлетворению своих насущных потребностей. Понимая это, абсолютное большинство депортированных старалось выполнять и перевыполнять установленные нормы выработки.

Общественно-политическая деятельность. Несмотря на всевозможные ограничения, спецпереселенцы постепенно, по мере обустройства в новых регионах, начинали проявлять себя в общественно-политической жизни. Тем более, что переселенцы с Северного Кавказа сохраняли полностью права на все виды социального обеспечения. Для них не предусматривалось лишение или ограничение каких-либо гражданских прав, за исключением права выезда из мест поселения.

Главная роль в организации политической работы среди депортированных принадлежала коммунистам и комсомольцам. К середине 1946 года в партийных организациях Казахской ССР состояло на учете 1923 спецпереселенца, являющихся членами ВКП(б), в их числе 817 чеченцев, и 624 кандидата в члены ВКП(б), из них 232 чеченца. Комсомольцев было 369 человек. К марту 1949 года коммунистов и комсомольцев среди чеченцев стало несколько больше. Численность комсомольцев, в том числе и за счет приема новых членов, увеличилась более чем в два раза и составила 873 человека. Они работали

агитаторами, лекторами. Только агитаторами числились 380 человек. На родных языках в Казахстане среди спецпереселенцев были прочитаны 375 докладов, 243 лекций,проведено 12 тысяч бесед[98].

Людей, которые могли бы проводить политическую работу, катастрофически не хватало и поэтому приходилось изыскивать новые не совсем традиционные методы проведения массово - политической работы. В этих целях широко использовались религиозные деятели – муллы, члены семей почитаемых в народе вирдовых авторитетов. Они, с точки зрения властных структур,оказывали серьезное влияние на укрепление хозяйственного обустройства спецпереселенцев, на добросовестное отношение их к труду и оздоровлению политического настроения. Партийные и советские органы власти через священнослужителей привлекали народ к участию в выборных кампаниях, и люди постепенно втягивались в активную жизнедеятельность. Так, Затобольский райком КП(б) Казахстана в 1946 году провел специальное совещание со служителями церкви (18 человек), на котором не только разъяснил обращение ЦК КП(б), но и призвал провести работу среди избирателей[99].

Особый характер приобретали избирательные кампании, в ходе которых во многом выяснялось отношение спецпереселенцев к политике партии, к самой акции депортации. Эти оценки носили различный, порой противоречивый характер. Некоторые из этих высказываний приводит в своей докладной записке И. Сталину от 31 января 1946 года Нарком внутренних дел СССР С. Круглов. Он пишет, что житель Лазовского района Павлодарской области Басаев Ахмед, призывая переселенцев-чеченцев к активному участию в выборах, говорил: «В день выборов в Верховный Совет

Политинформацию с учащимися Алгинского Р.У.№6 проводит секретарь комсомольской организации училища, Тахир Идаев. 1953 год.

мы отдадим свои голоса за лучших людей нашей Родины. Мы должны быть довольны и должны радоваться тому, что нас, спецпереселенцев, не лишили избирательных прав». В таком же ключе говорил и мулла Хаджиев, проживающий в колхозе «Октябрь» Кагановичского района Фрунзенской области, в беседе с верующими спецпереселенцами: «Советская власть крепко помогает спецпереселенцам материально и морально. В избирательном законе никаких ущемлений интересов спецпереселенцев нет. Спецпереселенцы равны с другими гражданами СССР, и поэтому все спецпереселенцы должны отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных»[100].

Другой была характеристика предстоящих выборов и возможного участия в их проведении спецпереселенцев у Исмаилова из Казахской ССР: «Мы, чеченцы, голосовать не должны, а если нас заставят голосовать насильно, то мы должны зачеркнуть все бюллетени. Жаль, что мы теперь не имеем никакой силы». Бывший редактор

комсомольской газеты Магомаев говорил: «То, что нам сделала плохого советская власть, и то, что мы носим «славное» название спецпереселенцев, мы не забудем до седьмого поколения»[101]. Понятно, что подобная информация была получена органами НКВД из оперативных источников.

Все же, отчасти под влиянием агитационно-массовой работы, а также под прессом комендатур, спецпереселенцы активно участвовали в предвыборной кампании и в самих выборах. Во Фрунзенской области в кампании по выборам в Верховный Совет СССР (1946 год) в качестве агитаторов работали 208 чеченцев. В Сузакском районе Джалал-Абадской области чеченцы и ингуши были заняты во всех 14 участковых избирательных комиссиях[102]. Таково было положение и в других местах поселения депортированных. Отдельные исследователи не совсем обоснованно утверждают, что спецпереселенцев не принимали в члены комсомола, профсоюза, что они, обладая активным избирательным правом, в то же время, не могли баллотироваться в местные и центральные органы власти[103]. На самом деле, такого запрета не существовало и некоторые наиболее активные в трудовой и общественной деятельности представители депортированных народов получали возможность оказывать влияние на общественно-политические процессы. Чеченцев постепенно стали выдвигать в состав выборных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других органов. Например, в 1950 году кандидатом в депутаты Лениногорского городского Совета депутатов трудящихся, Восточно-Казахстанской области был выдвинут начальник горного участка Лениногорского рудника Хусаин Лобазанов. На том же Лениногорском руднике 5 чеченцев были избраны профоргами и 2 чеченца членами комитета комсомола. Депутатом райсовета

одного из районов города Алма-Ата был избран Ваха Татаев, работавший одним из руководителей Казахской государственной филармонии им. Джамбула[104].

Будучи еще школьником вступил в комсомол будущий министр культуры ЧИАССР Абдулла Киндаров. В своих воспоминаниях он пишет: «25 сентября 1951 года мне исполнилось четырнадцать лет. С этого возраста принимали в комсомол. Я был отличником учебы и активным общественником, поэтому, не задумываясь, написал заявление с просьбой принять меня в члены ВЛКСМ. За меня поручился наш преподаватель истории, член партии с 1918 года Сизов Степан Никитович… На заседании комитета и на общем собрании школьной комсомольской организации меня приняли без проблем… Единогласным было и решение бюро райкома комсомола»[105].

Участие спецпереселенцев в общественно-политической жизни значительно расширилось к середине 1950-х годов, после смерти И.Сталина. В Постановлении Совета министров СССР от 5 июля 1954 года со спецпереселенцев снимались некоторые ограничения в правовом положении. Отныне лица, занимающиеся общественно-полезным трудом, могли свободно проживать в пределах данной области, края, республики, а передвигаться, если есть командировочное удостоверение, по территории всей страны. Снимались с учета в органах МВД СССР дети до 16 лет, а дети старше 16 лет, направляемые на учебу, могли поступать в любое учебное заведение Советского Союза.В этом же Постановлении особое внимание уделялось усилению политической работы среди спецпереселенцев. Предлагалось вовлекать их в активную общественно-политическую жизнь. «Спецпоселенцы, как и другие трудящиеся, должны вовлекаться в профсоюзные, комсомольские организации,

а также поощряться и награждаться за трудовые успехи и использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью»[106].

Через год, 10 мая 1955 года, министр внутренних дел СССР С. Круглов дал указание снять с учета спецпоселения членов и кандидатов в члены КПСС и членов их семей. В марте того же года Совет Министров СССР издал распоряжение о призыве спецпереселенцев в Советскую Армию. Чеченцев стали избирать в руководящие органы партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Они были представлены среди делегатов районных, городских и областных отчетно-выборных партийных конференций. Высокой чести удостоился токарь механического цеха шахты №1-бис треста «Актюбинскуголь», член КПСС, участник Великой Отечественной войны, кавалер многих боевых наград, чеченец, Исмаил Исмаилович Исмаилов. Он был избран делегатом и участвовал в работе УШ съезда компартии Казахстана, который проходил в январе 1956 года[107].

Важным событием в жизни депортированного чеченского и ингушского народов стало издание газеты «Къинхьегаман байракх» («Знамя труда»), которая начала регулярно выходить на чеченском языке с лета 1955 года в городе Алма-Ате. С начала 1956 года стали транслироваться радиопередачи на чеченском и ингушском языках. Таким образом, власть и общество постепенно, шаг за шагом приближались к рубежу, от которого начинался отсчет нового времени - времени, которое дало принципиальную оценку трагической депортации чеченского народа и определило его дальнейшую судьбу.

Примечания

1.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. История Чечни XX и начала XX1 веков. С.563.
2.Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М. 2012. С.350..
3.Керла дахар. Веденская районная газета. 2007г., 14 февраля.
4.Там же.
5.ГАРФ. Ф. Р - 9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 33-34.
6.Из полевого материала автора. Рассказ записан со слов Салмана Гагаева,66-летнего сына Абу-Муслима в 2013 году.
7.ГАРФ Ф.8131. Оп.31. Д.29137. Л.2.
8.Там же. Л.5.
9.Там же. Л.7.
10.См.: «История российских немцев в документах 1763-1992гг.)». М.1993. С. 176-177.
11.ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д.154. Л.283.
12.Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в X1X-XX веках. М.,2005. С.847.
13.ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 134, л. 177.
14.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. С.186.
15.Государственный архив Карагандинской области (Далее-ГАКО). Ф. Зп. Оп.1. Д.187. Л. 149-149 об. Цит.по: Государственная архивная служба республики Ингушетия. Архивный вестник V. Назрань 2009 г.
16.Озниев Д.Т. Эпизоды жизни. //Помним. Депортация и возвращение 1401625410090865@groups facbook.com10 февраля, 12:01.
17.Зулай Исакиева. Роль депортированных вайнахов в развитии Карагандинского угольного бассейна // http://vaynakh-jornal.ru. 19. 06. 2014.
18.Полевой материал студенческого научного кружка кафедры «Политология и социология» ГГНТУ. Записал Исрапилов Бекхан-АНП-08.
19.Полевой материал автора. Записано 15 января 2011 года.
20.РГАСПИ. Ф.Р-17,оп.8,д396,п.328.
21.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. С.195-196.
22.Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Через круги ада.. С.54.
23.Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало X1X – середина XX в. М. 2011. С.770.

24.Полевой материал студенческого научного кружка кафедры «Политология и социология» ГГНТУ. Записал Исрапилов Бекхан-АНП-08.
25.ГАКО. Ф.18. Оп. 6. Д. 28. Л. 173-174.)Цит. По:http://www.vainahkrg.kz/e/. 27 апреля 2014 г.
26.Вайнахи и имперская власть… С.763.
27.Там же.
28.Там же. С.764-765.
29.Сергей Максудов. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М.ИГПИ. 2010. С.107.
30.Вайнахи и имперская власть…С.765
31.Сергей Максудов. Указ.соч. С.114.
32.Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Указ.соч. С. 54.
33.Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 76.
34.Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг.: Историко-правовое исследование. М.:РОССПЭН, 2008. С.203-206.
35.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31.Д.37905. Л.2-28
36.ГАРФ. Ф. 8131. Оп.31. Д.34804. Л.1-2,7-9.
37.ГАРФ. Ф.9401. Оп. 1. Д.213. Л.1.
38.Белковец Л.П. Указ.соч. С.208.
39.Там же. С.219-220.
40.Ингуши: депортация,возвращение, реабилитация… С.211-212.
41.Белковец Л.П. Указ.соч. С.221-222.
42.ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 2. Д.234. Л.353.
43.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31.Д.41613. Л.5-11.
44.ГАРФ. Ф.8131.Оп.31. Д.26171. Л.12.
45.Там же. Л.53.
46.Там же. Л.57.
47.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.29819. Л.2, 21-23.
48.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.30075. Л.8.
49.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.29819. Л.9
50.Белковец Л.П. Указ.соч. С.254-256.
51.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.35388. Л.2-23.
52.Ибрагимов Муса М.Труд и условия проживания как аспекты повседневной жизни чеченских спецпереселенцев в 1940-50-е гг.//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный. 2010. С.295.
53.Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. Алматы. 2009. С.191.

54.https//www/facbook/com/profile.php? id=100003442038241. 22 февраля 2014г.
55.М.-Б. Цицкиев. Как это было.//Грозненский рабочий. 23.02.1990г.
56.https//www/facbook. Com/mairbekv 12 июня 2014 г.
57.ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.46а. Д.4374. Л.4.
58.Вайнахи и имперская власть… С.764.
59.Там же.
60.Там же. С.786.
61.Информация Карагандинского горкома КП(б) Казахстана о ходе выполнения Постановления ЦК КП(б) Казахстана от 20 февраля 1951 г. «О работе среди спецпереселенцев»// Государственная архивная служба республики Ингушетия. Архивный вестник V. Назрань. 2009.
62.Абдулла Киндаров. Исповедь чеченца. Книга первая. Грозный.2008. С.126.
63.Грозненский рабочий. 1990 г. 13 февраля.
64.Тахир Идаев. Детство не отданное войне//Путь к коммунизму. 1985. 5 мая.
65.М. Дудаев. Встать звереныш! М.(Год издания не обозначен). С.93-94.
66.Вайнахи и имперская власть… С.873.
67.Чеченцы. М.: Наука, 2012. С.334-335.
68.https//www.facbook.com/profile.php? id=100005186051857
69.Максудов С.С. Указ.соч. С.111.
70.См. Земсков В.Н.. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960 гг. М.2005. с.193-195,
71.Арсалиев Ш. М-Х. Этнопедагогика чеченцев. М.2007. С.107.
72.http://smartnews.ru/regions/sevkav/14517.html#ixzz38DqddRZx 22 июля 2014 г.
73.https//www.facbook.com/halal.standart 15 января 2015 г.
74.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. С.569.
75.РГАСПИ. Ф. Р-17, оп. 8, д. 396, л. 5
76.ГАРФ. Ф. Р - 9401. Оп.2. Д.134. л.177.
77.Вайнахи и имперская власть… С.751.
78.Там же. С.752.
79.Там же.
80.Рассчитано по: ГАРФ. Ф.Р-9479, оп. 1, д. 257, л. 94–97.
81.Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. С. 138.
82.Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. С.145.
83.ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 1, д. 2158-65, л. 112, 192.

84.Ермекбаев Ж.А. Трудовой вклад чеченцев в Казахстане в годы Великой Отечественной войны.//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции,посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный. 2010. С. 30-31.
85.ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 182, л. 160–163.
86.Вести Республики. 2007. 23 февраля.
87.Вайнахи и имперская власть… С.872.
88.Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: Народы в эшелонах. (20–60-е гг.). М., 1998. С. 261.
89.ЦХСД. Ф. 3, оп. 58, д. 180, л. 20.
90.РГАСПИ. Ф. Р-17, оп. 8, д. 396, л. 6, 10, 15.
91.ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 65, л. 50, 312.
92.Ермекбаев Ж.А. Трудовой вклад чеченцев в Казахстане в годы Великой Отечественной войны… С.28.
93.См.: Эдильбек Хасмагомадов. Еще раз о выселении//Нана. 2010.№:6.
94.Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. С.141, 155-156.
95.Ибрагимов Муса М.Труд и условия проживания как аспекты повседневной жизни чеченских спецпереселенцев в 1940-50-е гг.//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный. 2010. С.300.
96.ГАРФ. Ф. Р-5446, оп. 47, д. 4430, л. 1–7.
97.Вайнахи и имперская власть…С.872.
98.Ибрагимов Муса М. Трудовая и общественно-политическая деятельность чеченцев в период сталинской депортации//Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации»18 февраля 2006 года, г. Грозный. Грозный 2006. С.59-60.
99.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация… С.174-175.
100.Там же. С.175-179.
101.Там же.
102.ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д.248. Л.298.
103.См.: Шнайдер В.Г.Проблемы социальной адаптации репрессированных народов Северного Кавказа в местах спецпоселения (Середина 1940-х – середина 1950-х гг.)// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск№ 66 / 2008; Алферова И.В. Госуджарственная

политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): Дисс. Канд. ист. наук. М., 1998.
104.Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане… С.205.
105.Абдулла Киндаров. Исповедь чеченца. Книга первая. Грозный..2008. С.116-117.
106.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация… С. 221-222.
107.Ибрагимов Муса М. Трудовая и общественно-политическая деятельность чеченцев в период сталинской депортации… С.62.

Глава 5. Сопротивление режиму депортации

5.1. Характер чеченсчкого сопротивления

Акция насильственного переселения целого народа не могла быть воспринята им безропотно, как кара божья. Как отмечает И.В. Лиджиева, «Обстановка полного произвола, насилия и бездушия в период проведения операции по выселению, а затем нечеловеческие условия в местах поселения не могли не вызвать протестные настроения у людей»[1].

Большинство репрессированных выражало недовольство действиями руководства страны. В докладной записке Круглову от 1946 года А. Пчелкин писал: Враждебные элементы с прибытием на поселение стали открыто призывать спецпереселенцев на вооруженные бандитские выступления, однако, не имея материальной базы среди своих сограждан, не встречая поддержки среди местного населения и не будучи знакомы с географическими условиями Казахстана, практически осуществить свои цели по организации бандитского движения в Казахстане не смогли. В связи с этим методом борьбы с Советской властью они избрали активную антисоветскую пропаганду, направленную на срыв хозяйственно-трудового устройства, и занялись одиночными бандпроявлениями, скотокрадством, мелкими и крупными хищениями»[2]. Исследователь Ф.Л. Синицын считает, что органы власти осознавали, что сопротивление может быть оказано и в местах нового поселения. Поэтому "для усиления охраны и предотвращения попытки к бегству с места расселения переселенных в Казахскую ССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев" в апреле 1944 г. в эту республику был передислоцирован 289-й стрелковый полк внутренних войск[3].

Понятие сопротивление в отечественной литературе разработано довольно слабо, хотя на Западе получило широкое изучение и распространение. Исследователи антифашистского Сопротивления в Германии предлагают в качестве критерия понятия «сопротивление» вопрос: было ли определенное поведение человека или группы людей сопряжено с риском для жизни (положения) или нет?[4]. Действительно, в советский период (по крайней мере, до середины 1980-х) любая позиция, отличающаяся от господствующей идеологии, была связана с определенным риском. От каждого советского человека требовалось постоянное признание в верности системе. Любое проявление несогласия с осуществляемой в данный момент генеральной линией рассматривалось как государственное преступление. В этих условиях понятие «сопротивление» имеет крайне мало общего с традиционным понятием противления врагу, который захватил твою страну.

Несмотря на то, что до открытых выступлений в местах нового поселения дело не доходило, сопротивление существующему режиму было весьма серьезное. Это сопротивление носило общенациональный характер со стороны чеченцев и ингушей, и оно вовсе не было уделом только некоторых героических представителей народа. В связи с этим можно вспомнить известную цитату из книги «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына "Но была одна нация, которая совсем не поддалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – Чечены».

Общенациональный характер этого сопротивления выражается, на мой взгляд, главным образом в борьбе за сохранение в экстремальных условиях существования этноса основных характеристик национальной идентичности чеченского народа, важнейшими

составляющими которой, как показывает практика и научные исследования являются соблюдение национальных традиций и обычаев, а также принадлежность к мусульманской религии тарикатского толка. Вместе с тем, эта борьба была реально связана с риском для жизни, свободы и социального положения для тех, кто в той или иной мере участвовал в этой борьбе.

5.2.Религиозная деятельность как форма сопротивления власти

Абсолютное большинство чеченцев и ингушей, оказавшихся в условиях депортации, не отошли от традиционного для них образа жизни, где определяющее место занимала мусульманская религия, соблюдение национальных традиций и обычаев. Именно в религии люди находили утешение, поддержку, чувство принадлежности к сообществу, солидарность, надежду. Власть не слышала и не понимала их, жестоко подавляя всякие устремления к свободе и счастью. Единственная сила, которая их понимала и поддерживала, укрепляла стойкость и мужество в преодолении выпавших на их долю испытаний – была религия Аллаха, с которой они связывали все свои надежды на осуществление справедливости, возвращение к родным очагам.

Форма решения этой проблемы для них была предопределена заветами святых устазов, которые говорили, что чеченцы должны обрести эту свободу благодаря Англии и Турции. В народе имела хождение легенда, авторство которой приписывалось глубоко почитаемому чеченцами и ингушами шейху Кунта-Хаджи, в которой утверждалось, что в конечном итоге вайнахи окажутся под протекторатом Англии и что только после этого они заживут счастливо и свободно. Ожидание

этого события давало надежду на будущее, поэтому и молитвы их, обращенные к Всевышнему, были с просьбой ускорить наступление этих обстоятельств. Власти через своих агентов были достаточно осведомлены об этих ожиданиях и внимательно отслеживали подобного рода слухи, по возможности жестко пресекая каналы их распространения. Нарком внутренних дел Казахской ССР Н.К.Богданов в своем сообщении в наркомат внутренних дел СССР от 12 апреля 1944 г. писал, что в «Караганде среди чеченцев и ингушей идут упорные слухи, что турецкое правительство предъявило ультиматум советскому правительству немедленно вернуть на Кавказ всех высланных оттуда и, если это требование не будет выполнено, Турция объявит войну советскому правительству». В донесении далее говорится, что услышавшие об этом «чеченцы и ингуши устроили моленье за здравие турецкого правительства, несущего им освобождение»[5].

Экстремальные условия, в которых оказались чеченцы, вызвали всплеск религиозной активности и объединение этноса вокруг неформальных авторитетов, которые всегда находились в оппозиции к власти. И без того достаточно сплоченное сообщество, как отмечают В.А.Козлов и М.Е.Козлова, противостоящее «чужим», под влиянием экстремальных условий становилось монолитом, объединенным религиозными, культурными, языковыми и родовыми ценностями[6].

В целях разрушения этого монолита и усиления своего влияния органы власти пытались использовать представителей бывшей политической элиты, а также религиозных авторитетов. Как докладывал нарком внутренних дел Киргизской ССР А.А. Пчелкин Л.П. Берия: «Для выявления антисоветского элемента, освещения состояния и настроения спец переселенцев с момента прибытия и расселения последних по 20 апреля

1944 г. завербовано из среды спецпереселенцев 195 осведомителей, из них: по Фрунзенской области – 76 чел., Ошской – 47 чел., Джалал-Абадской – 42 чел., Иссык-Кульской – 30 чел. В результате работы с осведомлением по 20 апреля с.г. выявлено подучетного элемента 71 чел., которые взяты на оперативный учет»[7]. В Казахстане по состоянию на 10 июня 1944 г. агентурно-осведомительная сеть по спецпереселенцам составляла 3080 человек. Однако, даже такое количество агентов и осведомителей, на взгляд спецслужб, было недостаточно. Руководство НКВД Казахской СССР докладывало Л.П. Берия, что «Работу по увеличению агентурно-осведомительной сети среди спецпереселенцев за счет новых вербовок продолжаем с тем, чтобы в ближайшее же время агентурой и осведомлением охватить все места расселения спецпереселенцев и обеспечить активную разработку из их среды вражеских элементов. Здесь в своей работе с национальной элитой НКВД продолжала использовать старый испытанный метод: выявить, разделить на лояльную и оппозиционную, лояльную – подкормить и привлечь к сотрудничеству, оппозиционную - репрессировать, либо взять под оперативный контроль. Прежде всего, попытались задействовать бывших руководящих работников ликвидированной автономной республики. Но, не сумевшие сберечь свой народ от репрессий, чувствуя свою вину перед ним, бывшее руководство республики в основном было морально подавлено и не могло претендовать на роль лидеров нации.

Какие-то перспективы реального влияния на чеченцев открывал не столько контроль над бывшей партийно-советской элитой, сколько использование религиозных и тайповых авторитетов, членов семей почитаемых в народе вирдовых авторитетов. Была предпринята попытка взять на учет всех мулл, кадиев,

шейхов, других религиозных авторитетов и выявить степень их лояльности, возможность привлечения на сторону власти. Органами НКВД было выявлено и взято на учет 951 духовных служителей, из них 657 мулл, руководящих религиозных граждан – 151 (тамада – 47, шейхов – 104), других религиозных авторитетов – 243[8]. Они, с точки зрения властных структур, оказывали серьезное влияние на укрепление хозяйственного обустройства спецпереселенцев, на добросовестное отношение их к труду и оздоровление политического настроения.

По уверению спецслужб, 170 патриотически настроенных мулл и других религиозных авторитетов, используя тексты Корана, якобы оказывали серьезное влияние на оздоровление политических настроений спецпереселенцев. Лояльных религиозных авторитетов было рекомендовано назначать бригадирами и на более легкие работы Через них партийные и советские органы власти привлекали народ к участию в выборных кампаниях и люди постепенно втягивались в активную жизнедеятельность[9]. Особый размах разъяснительная работа среди спецпереселенцев, как отмечал нарком НКВД Казахской ССР А.А. Пчелкин, приобрела в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР 1946 года. «В ней принимали участие свыше 50 мулл и духовных авторитетов. Кроме того, агентурная сеть, используемая по разработке мусульманского духовенства, в количестве 49 агентов, 22 маршрутников и 395 осведомителей, в значительной степени использовалась также по обработке в желательном для нас направлении как самого духовенства и авторитетов, так и религиозной массы спецпереселенцев»[10]. О результативности проводимой работы свидетельствуют, с точки зрения А.А. Пчелкина, следующие примеры. « В Семипалатинской области возникла антисоветская группа

из числа спецпереселенцев, возглавлявшаяся муллой Атагаевым. В результате обработки Атагаева в желательном для нас направлении последний резко изменил свое поведение и за последнее время не только не занимается антисоветской пропагандой, но и сам высказывается положительно в отношении мероприятий советского правительства и оказывает в этой части влияние на других участников группы. В Кустанайской области в результате использования для разъяснительной работы муллы Костоева спецпереселенцы стали честно относиться к труду и соблюдать установленный для них режим. Большую работу в нужном для нас направлении проводит мулла Маашев, привлеченный для этой цели УМВД Кзыл-Ординской области. Маашев периодически выезжает в колхозы, и проводит там среди стариков религиозные беседы, на которых, используя тексты Корана, призывает спецпереселенцев честно жить и трудиться. Особенно большую работу, под руководством органов МВД с весны 1945 года и по настоящее время, провел и проводит крупный религиозный авторитет Чечено-Ингушетии – шейх Арсанов Багаутдин, который выезжает в места расселения контингентов Северного Кавказа и, проводя беседы с муллами и другими авторитетами, призывает их приложить все усилия для содействия хозяйственно-трудовому устройству чеченцев и ингушей в местах расселения»[11].

Но были среди этих авторитетов и «неподдающиеся», как их называли в своих отчетах руководители МВД – МГБ. «Муллы и родовые авторитеты,- писал в своей докладной записке министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову министр госбезопасности Казахской ССР А.П. Бызов,- стараются закрепить религиозный фанатизм и феодально-родовые традиции в быту чеченцев и ингушей, всячески пороча лиц, в какой-то степени отходящих от религии и

феодально-родовых обычаев. Насколько сильны эти пережитки до настоящего времени, свидетельствует хотя бы то, что девушки, посещающие кинотеатры и клубы, общающиеся с русской молодежью, и чеченцы, женившиеся на русских женщинах, рассматриваются как «отступники», и с ними прекращают общение даже ближайшие родственники[12]. Они ни при каких условиях не соглашались на сотрудничество с властями, стремились закрепить религиозные чувства и верования чеченцев, всячески поддерживали устоявшиеся национальные традиции и обычаи среди спецпереселенцев. Людей отказывающихся от сотрудничества с органами МГБ нередко преследовали в уголовном порядке, приписывая им нарушение каких-либо статей законодательства о спецпереселенцах.

С особой беспощадностью пресекались органами НКВД факты нелегальной деятельности традиционных чеченских религиозных братств. Подобная деятельность приравнивалась режимом к контрреволюционным преступлениям и жестоко каралась. Большое количество дел на чеченцев было заведено по ст.58.ч.1 и 2.- антисоветская пропаганда и деятельность. По этой статье, как правило, на 25 лет лагерей, осуждали и за жалобы в присутствии других людей на тяжелые жизненные условия спецпоселения, за выражение тоски по потерянной Родине и надежды на ее повторное обретение, за молитву Аллаху об облегчении участи и за многое другое подобное. Проведение религиозных обрядов, таких как мовлид, зикр и др. назывались в отчетах комендатур презрительно - «религиозными сборищами» и за ними очень внимательно следили осведомители и агенты НКВД-МГБ. Вот яркий образец состряпанного подобным образом дела в отношении четверых жителей города Джамбул Батаева Асхаба, Шаипова Баудина,Эльдарова Абдул-Кагира, Дадагова Якуба. На основании

свидетельских показаний, их обвинили в том, что в период 1946-1951 годов, проживая в городе Джамбул,, систематически устраивали религиозные сборища, на которых, используя религиозные предрассудки выселенцев-чеченцев, в систематически исполняемой на сборищах религиозной песне, под названием «мовлет», а также молитвах, они протаскивали антисоветские суждения, о якобы существующей в СССР несправедливой власти «безбожников», гибель которой по предсказыванию святых, будто-бы неминуемо наступит от войны англичан, исходящей со стороны Востока. Каждый из обвиняемых получил в марте 1952 года свои стандартные 25 лет лишения свободы[13].

По подобному же обвинению были осуждены и уроженцы Курчалоевского района, проживавшие в селе Ворошиловка, Фрунзенской области Киргизской ССР – всего 10 человек. Вина чеченцев, с точки зрения суда, заключалась в том, «что они являлись мусульманскими духовниками и авторитетами реакционных орденов «Кунта-Хаджи», «Накшбенди», «Авды» и «Чимирзы» систематически устраивали нелегальные сборища мюридов и под видом религиозной деятельности проводили антисоветскую работу, выражающуюся в высказывании клеветнических измышлений по адресу колхозов, пораженческих настроений в отношении СССР и разжигании национальной розни»[14]. Фигуранта этого дела муллу Джабраилова Нурида обвиняли в том, что он требовал от мюридов строго соблюдать законы шариата, т.е. не посещать культурно-просветительные учреждения, не общаться с гражданами не мусульманского вероисповедания. В антисоветской работе использовал литературу реакционного содержания, которая при аресте у него была изъята. Этой литературой, оказывается, был Коран.

В этом же деле фигурирует Магомедов Луту (отец известного чеченского певца Султана Магомедова). Его обвиняют в том, что, будучи недоволен выселением, он в 1944 году сочинил песню антисоветского содержания, в которой высмеивал руководителей КПСС, клеветал на Коммунистическую партию и Советское Правительство. На сборищах мюридов, в частности на квартирах Ахматова Юсупа, Ахматова Насуха и Кадырова Абусопьяна исполнял эту песню антисоветского содержания. Кроме того, переписывал и распространял ее среди спецпоселенцев.

Вот содержание этой религиозной песни, которой приписывают преступный характер:

Ва сина стигланаш ла илах1а иллаллах1,
Тхан Хьаьжа вуй шоьца ла илах1а иллаллах1,
И шайца ва велахь ла илах1а иллаллах1,
Орцах вала алайша ла илах1а иллаллах1.

Ва шера аренаш ла илах1а иллаллах1,
Тхан Хьаьжа вуй шоьца ла илах1а иллаллах1,
И шайца ва велахь ла илах1а иллаллах1,
Тхо балехь ду алайша ла илах1а иллаллах1,

О. небеса голубые!
Не с вами ли наш Хаджи,
Если он с вами,
Пусть придет на помощь!

О, равнины широкие,
Не с вами ли наш Хаджи,
Если он с вами,
Пусть знает о нашем страдании

Проходил по этому делу и, в, последствии известный в республике религиозный деятель и меценат, основатель и содержатель первого в Чеченской Республике духовного образовательного учреждения - медресе в селе Курчалой, Насуха Ахматов со своим отцом Юсупом. Насуха обвинялся в том, что он в 1945-1951 гг. систематически посещал сборища мюридов и на некоторых из них пел переписанную у Магомедова антисоветскую песню. Все 10 человек получили сроки от 8 до 25 лет[15]. После осуждения своего отца Ахматова Юсупа и брата Ахматова Насухи, оставшийся на свободе Ахматов Саид - Селим написал письмо на имя Председателя Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, в котором просил одного из руководителей страны восстановить справедливость в отношении невинно осужденных своих родственников. Пытаясь оправдать своего отца и брата, он писал, что «Вся вина моего отца в том, что он имел религиозные убеждения, но ведь и в Советской Конституции вписаны законы о свободе вероисповедания. Да и мы, его дети, щадя его старость, не мешали ему исполнять обряды. Но они проводились совершенно открыто, не имея никаких политических подоплек и целей, и смешно было бы приписывать цели «свержения власти» во время похоронных мусульманских обрядов, но следователи выставили этих людей перед советским правосудием врагами. Отец до 75 летнего возраста до дня ареста работал в колхозе, и колхоз только мог дать отличную оценку работы моего отца. Так враги же не работают, а разрушают.

Мой брат, Ахматов Насуха не имел за свою жизнь ни одного порочащего пятна, кроме поощрения с места работы. Но следствием он подвергся угрозам, его принуждали дать клеветнические показания на отца и других, угрожали арестом, но когда Насуха отказался, то через 14 дней после ареста отца, был тоже арестован,

причислен к их группе и осужден на 10 лет заключения»[16].

Уроженец села Курчалой Ахматов Юсуп, сидит второй слева, с братьями 1950-е гг.

Еще одна группа верующих была осуждена Судебной коллегией по уголовным делам Павлодарского областного суда Казахской ССР 21 августа 1952 года. Малаев Халит, Наврузов Халит, Акаев Юнус и Астамиров Казбек, проживавшие в пос. Майкарагай, Лебяжинского района Павлодарской области обвинялись в том, что являясь участниками секты «Кунта-Хаджи организовывали сборища, «на которых под прикрытием отправления религиозных обрядов призывали спецпоселенцев не участвовать в общественной жизни страны, а также прививали им религиозный фанатизм, с целью вовлечения в секту новых лиц»[17]. В деле имеются показания одного из свидетелей, некоего Гасуханова Абу, который утверждает, что все подсудимые являются мюридами секты «Кунта-Хаджи». «Все они на своих

сборищах проводят групповое моление, отправляют религиозный обряд «зикр»: бегают по кругу, хлопают в ладоши и выкрикивают: «ой-ла-лай». После отправления этого обряда они призывают чеченцев примыкать к их группе и отправлять религиозный обряд «зикр», в частности говорят, что все чеченцы являются мусульманами, что они должны верить в мусульманскую религию и твердо стоять на позициях учения Шейха Кунта-Хаджи». Все они также утверждают, что сейчас якобы люди живут плохо, что раньше при царизме люди жили лучше»[18]. Суть еще одного обвинения заключалась в том, что «в 1951 году в конце декабря в квартире одного из чеченцев был вечер молодежи, где присутствовал и Малаев. Во время перерыва он взял балалайку и стал петь
старую религиозную песню про Кунта-Хаджи, как он боролся с русскими и стал призывать всех молиться богу и верить в бога»[19]. Все четверо фигурантов дела за антисоветскую деятельность были приговорены к 25 годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

5.3. Антисоветская деятельность и выступления

Другую линию сопротивления осуществляла бывшая политическая элита чеченского общества. Некоторые ее представители, разочарованные в сотрудничестве с советской властью, стремились реабилитировать себя в глазах соплеменников, восстановить утраченный авторитет. Для этого они, по признанию самого НКВД, не только не пытались оказывать влияние на реакционно настроенное (с точки зрения советских органов) духовенство, «но сами исполняют религиозные обряды и придерживаются феодально-родовых обычаев»[20]. В качестве примера

приводили высказывание бывшего прокурора ЧИАССР Хасана Мехтиева, который «говорил, что связь с русскими, женитьба на русских, посещение кинотеатров является своеобразным оскорблением для чеченского народа». В справке 9-го управления МГБ СССР о спецпоселенцах, выселенных с Северного Кавказа говорилось, что «Серьезная антисоветская националистическая работа среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев проводится бывшими руководящими работниками Чечено-Ингушской АССР, которые до сего времени еще имеют влияние на значительные слои переселенного населения»[21].

Как писал в докладной записке министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову министр госбезопасности Казахской ССР А.П. Бызов 12 августа 1950 г.: «МГБ Казахской ССР по централизованному агентурному делу «Кавказцы» разрабатывается группа бывших руководящих работников Чечено-Ингушской АССР. Основной объект этого дела, один из руководителей националистической организации, ликвидированной в 1937 году в ЧИАССР бывший второй секретарь обкома ВКП(б) Вахаев Хаси… Разработкой этих лиц установлено, что они, в своем большинстве, злобно антисоветски настроены, высказывают резкую обиду на свое выселение, связывают свои надежды на возвращение к местам прежнего жительства с гибелью Советской власти в результате американо-английской агрессии против СССР»[22].

В записке утверждалось, что на территории Казахской ССР действует националистическая группировка, возглавляемая бывшим секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) М. Гайрбековым и бывшим председателем СНК ЧИАССР С. Моллаевым, «которые в тесном кругу своих близких заявляют, что спасителями чеченцев и ингушей могут стать только американцы и

англичане, нападение которых на СССР надо приветствовать. С их стороны высказывается также стремление добиться организации самостоятельной Чечено-Ингушской области в составе Казахстана»[23]. Антисоветскую работу участники этой группы, якобы осуществляли через мулл и родовых авторитетов, а последние внушали чечено-ингушскому населению, что освобождение из спецпоселения они могут ожидать только от Турции, которая вместе с Америкой и Англией скоро пойдет войной на СССР. Во главе подрывной работы участников названной антисоветской группы, по мнению МГБ, находился бывший второй секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) Хаси Вахаев, отбывший наказание за контрреволюционную деятельность в лагерях МВД в 1947 году, но еще находясь в заключении, «с 1946 г. начал предпринимать попытки к сколачиванию националистического подполья из чеченцев и ингушей, бывших руководящих работников партийных и советских органов»[24]. Вахаев на следствии, якобы признал, что являясь участником националистической организации, он действительно установил письменную связь с рядом бывших работников Чечено-Ингушетии, привлекавшихся в 1937 г. с ним по одному делу, и впоследствии освобожденных, и в письмах к ним в завуалированной форме излагал свои антисоветские замыслы, имея целью направить их на сколачивание националистического подполья. В письмах, перехваченных спецслужбами и адресованных бывшим руководящим работникам ЧИАССР, Вахаев писал: «Исход предстоящей войны можно заранее определить. Наши враги будут биты, и на этот раз, решительно и бесповоротно. Не только мы, но и наше будущее поколение не должно забывать того, что творили над нами». В письме к бывшему прокурору ЧИАССР Мехтиеву он пишет: «Неужели ты потерял веру в себя, в свои силы… Мой совет тебе, скорее требование,

искать и находить наших старых друзей, списываться с ними.Чеченцев освободить должны мы»[25].

В 1949 году Вахаев вновь был арестован и в течение трех лет незаконно содержался во внутренней тюрьме МГБ Казахской ССР. Попытки получить от него показания относительно деятельности так называемой «националистической группировки» ни к чему не привели. Он стойко выдержал все испытания, физическое и психологическое давление следователей, категорически отрицал свою вину и не дал клеветнических показаний в отношении своих товарищей. Скорее всего, по этой причине, никто из его, так называемых, сообщников арестован не был, хотя в той же вышеуказанной справке говорится, что все было подготовлено для ареста участников этой группы[26]. Тогда, возможно от безысходности, следственные органы, на основании показаний подсаженных к Вахаеву в камеру двух уголовников, обвинили его в том, что «находясь во внутренней тюрьме МГБ Каз. ССР, среди сокамерников проводил антисоветскую агитацию: клеветал на руководителей партии и Советского Правительства, а также на материальные условия жизни трудящихся; восхвалял Троцкого, Бухарина и военную мощь США и Англии; высказывал пораженческие настроения, клеветал также на колхозное строительство, демократию в СССР, политику и мероприятия Советской власти»[27]. Алма-Атинским областным судом 25 апреля 1952 года он по ст. 58-10, ч.1 УК РСФСР был осужден к 10 годам лишения свободы[28].

По той же статье в мае 1950 года за антисоветскую деятельность к 10 годам лишения свободы был осужден активный участник Гражданской войны, красный партизан, известный писатель и общественный деятель, работавший в то время инспектором Кокчетавского областного отдела народного образования Орцхо

Мальсагов. В обвинительном заключении ему инкриминировалось протаскивание буржуазно-националистических идей в школьном учебнике для чтения, редактором которого он был в 1935 году, а также проведение среди окружавших его лиц в городе Кокчетаве антисоветской агитации, направленной на дискредитацию советской действительности. Конкретно это выражалось в том, что Мальсагов проявлял недовольство в связи с перебоями в снабжении хлебом населения, отказался подписаться на заем, допускал клевету на советские профсоюзы. Проведя в заключении три года, затем, по протесту Прокуратуры СССР, Мальсагову Орцхо мера наказания была снижена и он был освобожден из - под стражи по амнистии в 1953 году[29].

По сведениям правоохранительных органов среди спецпоселенцев были и другие попытки создания подпольных организаций имеющие антисоветские цели. В апреле 1950 г. Управлением МГБ по Павлодарской области Казахской ССР были арестованы и привлечены к уголовной ответственности 45-летний Межидов Джунид и совсем молодые, 17-18-летние юноши Исмаилов Саламбек, Эльцабеков Абдулвахит и Эльтаев Абдулазит. Их обвинили в том, что, являясь участниками антисоветской молодежной группы, именуемой комитетом «Социалистического труда» существовавшей в пос. Майкаин, Баян-Аульского района, Павлодарской области, систематически проводили антисоветскую, националистическую агитацию. Суть обвинений все та же: говорили о несправедливости выселения, предрекали скорую войну с Америкой, в которой СССР потерпит поражение и т.д. Эти «сборища» антисоветской группировки по сведениям МГБ проходили в форме чеченских вечеринок юношей и девушек с танцами, пением, игрой на музыкальных инструментах. Подобного рода организации были выявлены НКВД в

Семипалатинской, Южно-Казахстанской, Карагандинской областях Казахской ССР, а также в Киргизской ССР[30].

В архивных документах приводится множество примеров антисоветских высказываний или даже прямых угроз депортированных в адрес советской власти, за которые они получали существенные сроки уголовного наказания. Выражая свои сопротивленческие настроения, они говорили: "У нас на Кавказе много было банд, они и здесь из нашего брата будут"; "Они думают, что нас всех выслали, но нас всех не вышлешь, наших людей много осталось на месте"; "В данное время я решил организовать из чеченцев надежную группу, с которой мог бы совершить отсюда побег обратно на Кавказ, соединиться с оставшейся там бандой и вместе с ней действовать против Советской власти»[31]. «На Кавказе нас обманули,- утверждал еще один чеченец Харсеев из Акмолинской области, - собрали как бы на митинг и переселили сюда. Если бы не этот обман, то переселить нас не удалось бы. Теперь мы немного подождем, а потом за это переселение покажем себя»[32].

5.4. Литературное и музыкальное творчество спецпереселенцев как факторы сопротивления

Многие представители творческой интеллигенции, лишенные возможности довести до своего народа результаты своего труда через книги, газеты, журналы, радио, или на публичных мероприятиях, широко использовали обыкновенную почтовую переписку. Пересылали написанные ими произведения родственникам и знакомым, проживающим в других регионах спецпереселения простыми письмами, а те читали их на чеченских вечеринках, свадьбах, при проведении религиозных мероприятий и т.п. В этих произведениях авторы выражали свою тоску по отнятой Родине,

проклинали тех, кто совершил над ними несправедливость, призывали к единению и братству всех вайнахов на основе общей веры в Аллаха.Но власти строго контролировали и эту сферу общения, принимая жесткие меры по пресечению каналов распространения нежелательной информации среди спецпереселенцев.

Характерно в этом отношении дело, которое рассматривалось Алма-Атинским областным судом в сентябре 1950 года. Обвинялся Хасиев Юсуп, проживающий в поселке Бурунда Алма-Атинского района Алма-Атинской области. Его обвиняли в том, что проживая в Алма-Атинском районе, сочинил песню антисоветского содержания и, используя религиозные предрассудки спецпереселенцев, проводил среди них антисоветскую агитацию, т.е. в преступлении,

Хасиев Юсуп 1950 г

предусмотренном статьей 58-10 ч.11 УК РФСР. Он осужден за эти деяния на 25 лет лишения свободы.

Основанием к аресту и к привлечению к уголовной ответственности послужили показания свидетелей, некоторые из которых были осведомителями комендатуры. Так, свидетель Исаев Ваха показал, что «с 1945 -1949 гг. Хасиев часто высказывал антисоветские суждения и измышления о якобы будущей войне против СССР со стороны Америки и поражение в этой войне Советского Союза». Но заведено дело было после того,

как в руки работников комендатуры попало письмо написанное Хасиевым своему племяннику Черхигову. В этом письме, которое агентура назвала «маршалий безаман кехат», Хасиев Юсуп писал: «посылаю тебе песню, чтобы вы ее пели «Великий и добрый Аллах, обрати внимание на наше несчастье и окажи свою помощь. Враги пророка Магомеда и всего мусульманского народа выселили нас из родных краев»[33]. В другом письме написано следующее: «в безбожном краю не желаю, чтобы была могила моя, крепким льдом, замерзающим в этом Казахстане, наша пища оказалась Великий Аллах, наша жизнь пропала на свете, к смерти превращены, в жизненную могилу мы превращены». Несмотря на то, что на суде Хасиев доказывал, что в песне ничего антисоветского нет, что его перевод неверен, что песня написана о событиях конца 19 в. и что пел он ее еще в 1920 гг., суд, опираясь на свидетельские показания, определил ему столь суровое наказание. После того как Хасиева отправили отбывать наказание в Туимский ИТЛ Красноярского края, он писал множество жалоб в различные инстанции о незаконности своего осуждения, но ответы всегда были одинаковыми, что «жалоба его прокуратурой проверена и установлено, что Хасиев осужден правильно, жалоба оставлена без удовлетворения»[34].

Предлагаю читателям текст этой песни на чеченском языке, а также ее перевод, любезно сделанный по моей просьбе санкт-петербургским поэтом Гумером Каримовым.

ВЕЖАРШКА

Иллах1и, я рабби ва Везан Дела
Дехначу дехарна комаьрша Эла
Г1ийлачу кхайкхаре ладог1а Дела
Ма г1ийла дисин тхо ва Везан Дела!

Элчанца мостг1алла латтинчу наха
Элча шен Маккаха ваьккхинчу наха
И Хьаьжи махкаха ваьккхинчу наха
Махкаха дехи тхо ва Везан Дела!

Вежарийн дог дохош вежарех дехи,
Йижарийн б1аьрг белхош йижарех дехи,
Тайпана дог дохош тайпанах дехи,
Тхо вовшех тохалахь ва Везан Дела!

Юьртаха дог дуьллуш юьртаха дехи,
Махкаха дог дуьллуш махкаха дехи,
Ца езаш ца йити ва нана Дег1аста,
Тхо вовший гур техьа ва Везан Дела!

Иллах1и, я Рабби хьо эла веци,
Кхел хьайгахь ва йолуш хьо хьаькам веци,
Дуьненан паччахьий хьо паччахь веци,
Ахь царна кхел елахь ва Везан Дела![35].

БРАТЬЯМ

О, Аллах, наш великий создатель, -
Ты смиренных душ врачеватель,
Да услышь голос нашей мольбы:
В доле тяжкой твои рабы.

Враждовали люди с Пророком,
Изгнан был от родного порога
Кунта-Хаджи с родной земли,
А позднее и нас увезли.

Разлучённые с братьями – братьев горят сердца,
Отнятые друг у друга - родные молят Творца,
Отнятые у сестёр – слёзы сестёр в глазах,
Соедини же всех их, о Великий Аллах!

Безо всякой надежды – разлучили с родиной нас,
Безо всякой надежды – наступил этот горестный час:
Злая воля согнала нас с земли родной,
О, Создатель! Все мы живы мечтой одной…

О, Аллах, наш великий Творец!
Положи ты злу этой власти конец!
За царями земными, Небесный наш царь, проследи,
За дела их неправедные строго всех осуди!

Широкое хождение среди чеченцев, в начале 1950-х гг. имели две поэмы (назмы), которые распространялись вышеназванным способом среди спецпоселенцев. В конце текста песен была приписка вроде инструкции: «Тот, кому в руки попадется эта песня, обязан: переписать для себя, если неграмотный, то дать для переписки другому грамотному человеку, верующему в бога. Читать ее нашим людям, где это доступно, желающим дать для размножения, а для людей, живущих вне вашей досягаемости – переслать по почте, указав фальшивый адрес отправителя. Это надо сделать, не упуская ни одной минуты. Тот, кто не сделает этого, будет ответственен за судьбу вымирающей нации – это истинная правда»[36].

Изучая архивы Прокуратуры СССР, автор данной книги нашел несколько судебных дел, по которым за распространение этих «антисоветских» стихов, неизвестного на тот момент автора, на срок до 25 лет были осуждены несколько десятков спецпоселенцев-чеченцев из различных областей Казахстана и Киргизии. Вот одно из таких дел. По приговору судебной коллегии по уголовным делам Джамбульского областного суда от 20-22 мая 1952 года по ст. ст. 58-10, ч.2 и 58-11 УК РСФСР осуждены к 25 годам лишения свободы каждый: уроженцы села Махкеты Веденского района Юхигов

Салавди, Абдурахманов Сайди, Абуханов Шаид, Эльдаров Магомед, Роосхожиев Махмуд, Сайтхожиев Хасмагомбет, Лосаев Дзалауди, Мурзхаев Абуязид, Абуханов Шаип. Надо заметить, что это были совсем еще молодые люди в возрасте от 19 до 23 лет. Четверо первых обвинялись в том, что они «будучи враждебно настроенными к существующему в СССР государственному строю, явились инициаторами распространения среди чеченской молодежи антисоветского документа религиозно-повстанческого характера, призывающего чечено-ингушскую молодежь к организованной борьбе с советской властью и разжиганию националистической вражды»[37]. Остальные «организовали у себя на квартирах и квартирах своих сообщников сборища с читкой указанного выше антисоветского документа, при этом призывали присутствующих к активному распространению его среди чеченцев»[38]. Как видно из материалов дела, основанием к возбуждению дела и аресту обвиняемых послужило письмо («поэма»), полученное по почте Юхиговым в ноябре 1951 года. Как утверждал Юхигов, «письмо было получено им от неизвестного ему лица, без указания на письме обратного адреса. Письмо («поэма») составлено на чеченском языке, носило религиозно-националистический характер, в нем были призывы к лицам чеченской национальности верить в бога, сохранять старые религиозные обычаи, жить в дружбе, сохранять силы и веру для славного будущего, на примерах героического прошлого своего народа, верить в светлое будущее и счастливую жизнь на Кавказе, откуда чеченцы и ингуши были несправедливо высланы»[39]. В то время следственным органам, как я уже отмечал выше, не удалось установить автора этого письма. Он был установлен в 1957 году. Им оказался осужденный за контрреволюционную деятельность еще в 1942 году

Шаид Абуханов, второй слева в верхнем ряду. КомиЛАГ, 1952г.

Мусаитов Магомед-Эми, отбывающий наказание в Магаданской области. За написание и распространение этого письма Мусаитову продлили срок лишения свободы еще на 10 лет. Только в 1974 году все осужденные были полностью реабилитированы Постановлением Пленума Верховного Суда Союза ССР. В Постановлении Пленума отмечалось: «Из копии перевода письма («поэма») приобщенного к данному делу…, видно, что письмо, полученное Юхиговым и распространенное им среди своих единомышленников, содержит религиозно-мистические мотивы. В рукописи излагается борьба народов Дагестана под руководством Шамиля и Хаджи-Мурата, воспевается храбрость и героизм его соратников, горе и страдание народов Дагестана. В рукописи имеются религиозно-мистические призывы к богу, справедливости, надежда на лучшую жизнь в будущем, на возвращение для жительства к могилам своих предков - на Кавказ.

Отдельные куплеты рукописи имеют ошибочные и идеологически вредные суждения, однако в целом рукопись не содержит призывов к борьбе с советской властью или к совершению контрреволюционных преступлений. В связи с этим не имеется оснований рассматривать распространение письма, полученного Юхиговым как проведение антисоветской агитации»[40].

Ниже приводится фрагмент поэмы Мусаитова в переводе сотрудника КГБ ЧИАССР Ш. Хаджиева:

Из ваших глаз слезы лились,
Поневоле с Родиной прощаясь,
Над вашими слезами они смеялись,
Не забудьте этого, эй, божьи рабы.

Горе и счастье, деля пополам,
Как самого себя любя товарища,
От ненависти, вражды и зависти оберегаясь,
Ищите дружбу, эй, божьи рабы!

Между нами один порок,
Злая зависть лучшему,
Оставьте зависть – объединяйтесь,
Будьте едиными, эй, божьи рабы.

Когда наладим между собой дружбу,
Тогда и бог нам поможет,
Когда он захочет - мы победим,
Будьте едиными, эй, божьи рабы.

Над безнадзорными женщинами
Покровительствуйте и следите,
Чтобы не уронили чести нации
Позаботьтесь,эй, божьи рабы.

Соберите всех от малого до великого,
И невесту из-за занавеса,
И жениха спрятанного,
Собравшись все, молитесь богу со слезами.

Те,которые не имеют возможности собраться,
Плачьте уныло там, где вы находитесь,
Просите свою душу, просите наш народ,
Обращайтесь к богу, эй, божьи рабы!

Кому ты дал победу, тот победитель
Кому ты дал поражение, тот побежденный
Ты один даешь победу,
Дай нам победу могучий Аллах!

Ты человека и образумишь,
Ты человека и с пути сбиваешь,
Ты один людям разум даруешь,
Дай нам разум могучий Аллах!

Наши люди за грехи перед богом,
Высланы с Родины, но вернутся назад,
Приход Махдина и гибель Дажала
Воля Аллаха, не поддавайтесь!

К сожалению, оригиналы поэм, написанных на чеченском языке, пока обнаружить не удалось.

К счастью, не все авторы-исполнители религиозных назмов, в которых звучала тема несправедливого выселения, становились фигурантами уголовного дела. Автор широко известных назм и великолепный их исполнитель Гагаев Абу-Муслим, о котором говорилось выше, уберегся от этой доли и благополучно вернулся на родину. Но его произведения и

Салавди Юхигов на лесозаготовках в лагере. 1953г.

сегодня исполняются на различных религиозных мероприятиях верующих-мусульман. Предлагаю одно из них на чеченском языке и в переводе на русский язык, осуществленный Гумером Каримовым.

Инна Лиллах1

Бисмиллица доладер вай,
Делан ц1ераш хьехаер вай,
Вовшех къастар далхадер вай,
Вовшен хьелаш хьехадер вай,
Инна лиллах1, Инна Лиллах1!

Дег1астанах вай дехи-кха,
Даьхначу махках д1акъаьсти-кха,
Х1усмаш, ярташ яьсса йиси,
Пана махка вай диги-кха,
Делан йоза хилла дели,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Масан х1усам ц1аро ягий,
Масан хьайба акха диси,
Масан ж1аьли барзах уьг1и,
Масана кхерч шелбели-кха,
Делан хьукма хилла дели,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Сибар махка вай диги-кха,
Шело-хало вайна ги-кха,
Ц1арах, даарх вай хьийги-кха,
Хало, бала вайна ги-кха,
Делан хьукма хилла дели,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Мацаллин хьал вайна ги-кха,
Мацалла вай баларш хили,
Шелонан хьал вайна ги-кха,
Цу шелонца 1ожал хили,
Вайгара бала байлур буй те,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Маса да-нана доьзалх къаьсти,
Масан доьзал байлахь биси,
Маса йиша-ваша вовшах къаьсти,
Мел везариг велла диси,
Делан хьукма хилла дели,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Гина воцург кхузахь гин-кха,
Ца бевзараш вовшийн бевзи,
Да воцчуьнан дола дин-кха,
Йиша-ваша нахах хили,
Байн долудар т1елеци-кха,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Вовшийх дага уьш бийлара,
Вовшийн хьелаш далхадоро,
Вовшашна г1о цара дора,
Вовшиха сакъералора,
Делан хьукма иштта хилла,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Хийла нана бераца йиси,
Хийла доьзал деца биси,
Церан рицкъа Дала хийци,
Вовшах тухуш кхоллам хили,
Х1усмаш церан керла хили,
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Кху махкахь вай дуьсур ду те?
Кхузахь кешнаш шорлур ду те?,
Даймахках дог дуьллур ду те?
Кхин Дег1аста гур яц теша?,
Дала хьукма хуьцур дац те?
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1!

Везарг, вевзарг ган сатуьйсуш,
Г1ийла денош вай лардин-кха,
Вовшашна гар, хазар доцуш,
Махьшаре вай х1иттор ду те?
Цигахь Бен вай кхин гур дац те?
Инна Лиллах1, Инна Лиллах1![41].

Родины нас лишили,
Нас изгнали с родной земли.
Опустели дома, где мы жили,
Нас как скот на чужбину везли.
Что же делать? По воле Аллаха
Выселяли под смертным страхом…

Увезли нас в сибирскую даль,
Где познали нужду и холод.
По огню и еде печаль,
Путь был труден, жесток и долог…
За грехи ли, в каких делах,
Наказал нас за что Аллах?

Отнимали детей у родителей…
Сколько стало детей-сирот!
Сёстры братьев своих не видели…
Умирал на чужбине народ
Лишь с мольбой о Кавказских горах.
Так свершилось! Прости нас, Аллах!

Мы познали, что значит голод,
Умирая один за другим.
Мы познали, что значит холод:
Наши жизни в расчёте с ним.
Что сказать нам? По воле Всевышней,
Удивляемся: всё ещё дышим…

Суждено не на милой отчизне
Умереть, чтобы кладбище наше
Расширялось на этой чужбине.
Даже думать об этом страшно!
За какие грехи, мой брат,
Дал Аллах нам дорогу в ад?

Так и жили, тоскуя по родине,
И болели сердца по близким.
Семьи наши были разрознены
Под чужим этим небом низким.
Чтобы встретилась вся родня –
Неужели ждать судного дня?

Музыка тоже играла очень большую роль в жизни переселенных чеченцев. Особым почитанием пользовались люди умеющие играть на национальных музыкальных инструментах – дечиг-пандуре (чеченская балалайка) и кехат-пандуре (гармоника). Часто в доме у кого-нибудь собирались молодые люди на вечеринку, и там всегда звучала музыка: в ней чеченцы находили утешение своей тоске по потерянной Родине и надежду на возвращение. В песнях воспевали Кавказ и проклинали Сталина и Берия. И, если информация о том, что в этих песнях звучали слова о несправедливости совершенного над народом насилия, виновности в этом руководителей страны, или даже слова, воспевающие Кавказ и прежнюю жизнь чеченцев, следовали самые решительные меры со стороны НКВД. В этом случае авторы и исполнители этих песен отправлялись по этапу в лагеря ГУЛАГа. Так случилось с Маликой Чикуевой. Она с детства была одаренной девочкой: пела, играла на гармошке. Сама сочиняла стихи и песни. Ни одна свадьба не обходилась в Старых Атагах без ее участия. В феврале 1944 года среди самых ценных вещей, которые Чикуевы собрали в дальнюю дорогу, была и гармошка 14-летней Малики. В пути, в холодных и голодных теплушках она своим пением согревала души взрослых и детей.

«До свиданья Родина
Прощай Отчизна…

Малика Чикуева перед арестом

Неизвестно встретимся ли
Когда-нибудь вновь»
-пела, Чикуева, и эта только что сочиненная, наполненная грустью и глубокой тревогой песня как-то прибодряла людей и делала их ближе друг к другу.

Семья Чикуевых оказалась в Лениногорске, Восточно-Казахстанской области. Малика и там не расставалась с гармошкой.

Пела про далекий Кавказ, который чеченцы называли ласково Нана-Дег1аста», и про тяжкое горе постигшее народ, выражала мольбу ко Всевышнему Аллаху о милости. Как пишет А. Арсамерзаева «В то страшное время, уверена, мало кому удалось с пронзительной детской непосредственностью так глубоко и ярко показать народное горе. Песни Малики сплачивали людей в это беспросветное время»[42].

К ним в дом вечерами приходили земляки, чтобы послушать песни Малики. А она пела сочиненную ей очередную песню:

«Куда летишь, куда летишь ты птица?
Куда твой лет над облаком стремится?
Я знаю, то не солнечный восход
Манит куда-то твой полет…

О как свободно, быстро без усилий
Тебя несут легчайшие крылья!
Открыт тебе небес родных простор,
Весь свет твой обнимает взор…

А мы в плену тюремного засова,
Закованы в булатные оковы…
Оповести же всех, птица,
Что наш народ стал узником темницы.

С юношеской бесшабашностью распевала она и песню про великого вождя:

«О, Сталин, будь ты проклят,
Поскорей сыграй ты в ящик..»

Кто-то из информаторов, в конце концов, донес коменданту об антисоветских песнях Чикуевой, и через некоторое время, она и ее отец были арестованы. В декабре 1945 года обоих осудили по 58 статье уголовного кодекса РСФСР – за антисоветскую деятельность. Отцу дали 15 лет, а Малику Чикуеву, накинув к ее возрасту 3 года приговорили к 11 годам заключения. Она отсидела в лагерях 9 лет и вернулась к матери в 1954 году, уже после смерти ненавистного ей Сталина[43].

5.5. Письменные обращения в органы власти

Еще одной формой чеченского сопротивления депортации можно считать письма, которые направлялись спецпереселенцами в адрес различных инстанций с протестом против осуществленной акции переселения чеченского народа.

Высланный с родной земли в 1944 году чеченский народ никогда не терял надежды вернуться в скором времени к своим родным очагам. Эта надежда опиралась главным образом на веру во Всевышнего Аллаха, в его

справедливость и доброту. Большинство людей не ведало о причине выселения, воспринимало его как божью кару, а не акт беззакония и произвола. В то же время многие из них хотели выяснить у власти: за что, за какое преступление они подвергнуты столь суровому наказанию? Показательно в этом отношениии заявление Идрисова Мовлада, уроженца села Бено-юрт, Надтеречного района, ЧИАССР, осужденного за опоздание на работу из отпуска к 20 годам лишения свободы.

В обращении в Прокуратуру СССР от 13 июня 1953 года Идрисов пытается получить ответы на свои вопросы. «Ни следственными материалами и не свидетельскими показаниями не было доказано того, что я сделал против советской власти какое-либо преступление до 23 февраля 1944 года. Спрашивается, на основании чего из меня сделали спецпоселенца? В Конституции СССР написано, что отец за сына и сын за отца не отвечает. Спрашивается, какое мое дело, что, какая то банда сделала бунт или восстание против советской власти, и, причем я, что моя родня были чеченцы по национальности. Прошу дать разъяснение»[44].

Спецпереселенец Сулейманов Мовла, уроженец села Шали, Шалинского района, в то время проживавший в г. Кзыл-Орда Казахской ССР, обращаясь к секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н.С., Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову К.Е., Генеральному Прокурору СССР Руденко Р.А. и председателю Верховного Суда СССР Волину А.А. пишет: «Прошу Вашего рапоряжения уделить серьезное внимание на мое ходатайство и удовлетворить мою просьбу. Родители мои после Великой Октябрьской социалистической революции занимались крестьянством. … После вероломного нападения гитлеровской армии, несмотря на то, что я был признан медкомиссией негодным к строевой службе, я

подал 4 раза заявление с просьбой отправить меня на фронт, но меня не призывали в Красную Армию. 23 февраля 1944 года меня привезли из Грозненской области на спецпереселение, о чем я до сих пор не знаю, за что меня выслали Я нахожусь с 10 марта 1944 года в гор. Кзыл-Орда Каз. ССР как спецпереселенец и лишен всех прав.

Прошу поэтому выяснить мне в чем дело, и ответить на мои вопросы и снять с меня ограничения.

1. За что меня наказали?
2. Какие преступления мною сделаны?
3. На основании какого закона меня наказали?
4. На какой срок?
5. Согласно какой статьи?

А поэтому прошу снять с меня ограничения и представить меня к свободе как свободного советского гражданина или ответить мне на мои вопросы»[45].(Стиль и орфография автора сохранены – М.И.)

Письмо было отправлено 10 октября 1953 года. Заявление видимо привело в замешательство чиновников, которые должны были ответить Сулейманову, так, как ответа на него он так и не дождался. 10 декабря 1953 года Сулейманов повторно пишет жалобу Генеральному прокурору СССР, в которой еще раз просит разъяснить ему причину выселения и лишения его гражданских прав и свобод.

Зам. Начальника отдела по спецделам прокуратуры Союза ССР Тюфаев П.И. не смог дать ответы на поставленные вопросы и посчитав более компетентной в этом вопросе прокуратуру Грозненской области пересылает жалобу Сулейманова туда и просит дать ответ заявителю. Зам. Грозненского областного прокурора Жучков 16 января 1954 года отвечает своему начальнику, что «При проверке в 1-ом спецотделе УМВД по

Грозненской области установлено, что по карточке по учету спецконтингентов тов. Сулейманов Мовла, его мать-Сулейманова Ашат и сестры Яхита и Малика – принадлежали к чеченской национальности и по этой причине были подвергнуты выселению с территории бывшей ЧИАССР. Учитывая это обстоятельство, полагаю его жалобу не подлежащей удовлетворению»[46].

В Кировском районе Фрунзенской области на имя председателя райисполкома было подано групповое заявление от 46 семей спецпереселенцев-чеченцев следующего содержания: «От чеченского народа. Прошу вас не оставлять нашей просьбы, так как нас 23 февраля 1944 года выселили сюда в Киргизию, наш народ погибает, до сегодняшнего дня более 30 человек голодает, остальные лежат без сил, у нас в каждом хозяйстве осталось от 3 до 5 коров и по сорок-пятьдесят овец, много хлеба, мы с собой ничего не взяли, если государство не окажет помощи, то мы уже пропащий народ, или нам дайте помощь, или отвезите назад, если не сделаете помощи, прошу всех вместе с семьями нас расстрелять»[47].

Спецпереселенец Шамилев, по образованию юрист, проживающий в Алма-Атинской области, пишет: «Если Советский Союз не нуждается в чеченском народе, то выселите нас за границу, ведь не во всем же мире так будут издеваться над нами, как издевается Советский Союз». В другом заявлении он требует разрешения на выезд из Советского Союза в любое иностранное государство: «Я убедился, что советское государство не намерено дать нормальную жизнь для чеченцев и признать их за людей, поэтому, если оно не намерено внутри Советского Союза дать мне вольную жизнь, то прошу разрешения покинуть СССР»[48].

Активный участник Великой Отечественной войны, уроженец села Вашиндарой Шатойского района Алханов

Мухатдин в своем письме-ходатайстве на имя одного из руководителей страны К.Е. Ворошилова в марте 1954 года писал: «В 1938 году я был призван в Красную Армию и служил на Дальнем Востоке, откуда был направлен в 1941 году на фронт. Воевал до получения тяжелого ранения в декабре 1943 года, после которого я потерял правую руку. До апреля 1944 года пролежал в госпитале, после чего был направлен на постоянное место жительства в Чечено-Ингушетию. Но по прибытию в Грозный меня задержали и как спецпереселенца направили в Талды-Курганскую область Казахстана». Далее, описав свои мытарства в условиях спецпоселения, Алханов с горечью продолжает: «Я не знаю своей вины перед Родиной, не знаю, за что я несу эту кару уже в течение 10 лет. Вся моя молодая и сознательная жизнь прошла в рядах Советской Красной Армии. Я также, как и весь советский народ, защищал свою Родину от немецких захватчиков и получил увечья на фронтах. Я также хочу быть полноправным советским гражданином, чтобы дети мои тоже были такими же гражданами, а их у меня двое – сын и дочь.

Я прошу Вас пересмотреть мое дело о моей ссылке, так как это произошло по какому-то недоразумению, и вернуть мне права советского гражданина»[49]. Но положительного ответа на свое письмо не получил. Да и что могли ответить на него даже самые первые руководители страны? Что могли бы ему сказать сегодня и некоторые современные российские ученые и политические лидеры, открыто утверждающие, вопреки принятым законам РФ о реабилитации репрессированных народов, что чеченский народ был депортирован по его собственной вине, а не по вине бесчеловечного сталинского тоталитарного режима.

Особенно активно чеченцы стали требовать вернуть их на землю своих предков, после смерти Сталина и выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от

16 июля 1956 года. Об этом подробно было сказано в развернутой записке сотрудников группы отдела писем Совета Министров СССР, направленной 7 сентября 1956 г. М.Г. Первухину – члену Президиума ЦК КПСС, первому заместителю председателя Совета Министров СССР[50].

По данным авторов этого документа ежемесячно в союзное правительство поступало 100–120 писем от репрессированных народов с единственной просьбой – решить положительно и безотлагательно вопрос о возвращении их на прежнее место жительства и восстановить упраздненные в годы выселения их национальные республики. Наибольшее количество обращений, как констатировалось в письме, было от чеченцев и ингушей,[51] которые решительно выражали свое категорическое несогласие с положениями Указа Президиума Верховного Совета СССР и, демонстрируя это, наотрез отказывались собственноручной подписью подтвердить в спецкомендатурах МВД о том, что ознакомлены с его положениями.

Вспоминая об этих событиях, Локаев Габацу – автор книги «Спецпереселенцы», писал: «В Балхашский горком партии приглашены старики-авторитеты – чеченцы и ингуши. На это собрание был приглашен и я. Нам зачитали Указ от 16 июля 1956 г. о снятии со спецучета и предложили всем присутствующим спецпереселенцам дать расписки в том, что они не будут претендовать на дома и имущество, оставленные во время выселения, а также на прежние места проживания. Мы категорически отказались давать такие расписки, хотя работники КГБ, присутствовавшие здесь, предпринимали отчаянные усилия уговорить нас дать такие расписки»[52].

5.6. *Кражи государственного и колхозного имущества*

Лишенные средств существования переселенцы вынуждены были добывать себе пропитание всяческими доступными средствами. Они считали себя оболганными и ограбленными советской властью и поэтому кража государственного и колхозного имущества были еще одной формой сопротивления режиму депортации. Так, чеченец Зульбухаров Дока из Семипалатинской области заявлял: «Мероприятия Советской власти в отношении переселения чеченцев неправильны, так как чеченский народ не виноват. Советская власть нас ограбила и раздела. Мы никогда этого не забудем и не простим»[53]. Народный комиссар внутренних дел Казахской ССР Богданов докладывал Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР Чернышову 10 апреля 1944 года: «От спецпереселенцев, расселенных в колхозе имени Сталина, Яны-Курганского района Кзыл-Ордынской области поступило в УНКВД и Облисполком заявление, подписанное Першонеговым с просьбой об увеличении норм питания и возвращении изъятого при выселении имущества: «привезите оставшийся у нас дома скот и продукты, или расстреляйте, лучше умереть сразу…». Спецпереселенец Бараханов Абдул из Семипалатинской области говорил: «Наше имущество, скот и продукты отобрала советская власть, а вы здесь не хотите обеспечить нас продуктами и мясом. Если вы не дадите мяса, то мы спрашивать не будем, пойдем на скотный двор, возьмем колхозный скот и будем забивать на мясо». Другой спецпереселенец из Северо-Казахстанской области Асхабаев открыто заявлял, что «Если хлеба не прибавят, будем воровать колхозный скот»[54]. В своих воспоминаниях многие чеченцы отмечают, что кражи скота, продуктов питания была для них необходимой формой выживания. Зная, что за такие деяния их ждет

суровое наказание со стороны власти, люди, все равно, ради спасения от голода своих близких и родных шли на, такого рода, преступления. «От голодной смерти нас выручали подростки, - вспоминал Усман Эльмурзаев, уроженец Урус-Мартана, 1937 г. рождения, - подкармливающие стариков и женщин с детьми. Они вынуждены были воровать овец, отбившихся от стада, телят, коров, впрочем, все, что могло стать пищей для семьи. Разгребали снег, и из промерзлой земли доставали «опухшие» зерна овса, которых не успели собрать колхозники. Из них варили жидкую кашу и делили на всех. Многие женщины собирали замерзшую картошку и варили ее, даже не очищая, чтобы хоть как-нибудь прокормиться»[55].

В донесениях руководителей НКВД Казахстана и Киргизии приводится множество примеров краж колхозного имущества спецпереселенцами.

Например, 25 апреля 1944 года в колхозе имени Молотова Джамбульского района, Джамбульской области группа чеченцев в количестве 7 человек во главе с Дадаевым произвела нападение на овцеферму колхоза, избила заведующего фермой и забрала 10 голов овец.

25 апреля 1944 года задержанные за скотокрадство трое чеченцев конвоировавшиеся в райцентр, обезоружили конвой, состоявший из 2 человек, убив одного и ранив второго, на их лошадях скрылись. Опрегруппой НКВД чеченцы были настигнуты и убиты в перестрелке. Погиб и один боец опергруппы[56]. В Панфиловском районе Фрунзенской области спецпереселенцы-чеченцы похитили в колхозе корову и быка, задержано 8 человек, которые привлечены к ответственности[57]. В конце апреля 1944 года спецпереселенцы-чеченцы Кулаев, Евренев, Ихнядов и Медаев проникнув на мельницу колхоза им. 1 мая Ленинпольского района, Фрунзенской области, убили

находившегося там мельника Байтыкова и, захватив 4 пуда муки, пытались скрыться, но были задержаны[58].

Были и курьезные случаи. В Сталинском районе Фрунзенской области группа спецпереселенцев-чеченцев в количестве 10 человек ночью ворвалась на молочно-товарную ферму и начала производить дойку коров. Группа была задержана[59]. 15 марта 1944 года в с. Ленинполь Ленинпольского района Фрунзенской области переселенцы-чеченцы Ибрагимов Маллад, 1924 года рождения и Хазатов Абдулай зашли на квартиру гражданки Саргибаевой, выпили 2 литра молока и скрылись. «Принятыми мерами,-как сообщает комендант,-преступники задержаны»[60].

Но даже за такие, казалось бы, мелкие с точки зрения сегодняшних реалий проступки люди получали очень серьезные наказания. Примером может служить уголовное дело в отношении уроженки села Гуни, Веденского района Муцуевой Банаты, 1930 года рождения, осужденной Народным судом 1-го участка города Актюбинска. Она обвинялась в том, что «работая в городе Актюбинск на мясокомбинате в должности рабочей требушного цеха, 5 декабря 1949 года в обеденный перерыв в один час дня совершила кражу с убойного цеха сала бараньего, которое спрятала под свою одежду, с которым при выходе была задержана с получением при взвешивании оказалось 1.5 кг сала».

Муцуева Баната.1949 г.

За это деяние суд

приговорил Муцуеву Банату к 7 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах после отбытия наказания сроком на 3 года. Это наказание она отбывала в заполярном Норильске. Как пишет В. Бибулатов: «В приговоре записано «одинокая» - это значит незамужняя. А в анкете из личного дела видно, что вместе с ней проживали еще две сестры и два брата старше и младше нее, а родителей нет (один из братьев душевнобольной и неспокойный, как известно из других документов).… Она хотела прокормить свою семью и жестоко поплатилась за это. Многие отцы и матери шли на этот шаг от безысходности, особенно в первое время выселения, когда от голода, холода и болезней умирали их несчастные дети»[61].

Примечания

1.Лиджиева И.В. Гражданский протест спецпереселенцев-калмыков.//Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста:КИИГИ РАН.) 2013. Ч.1. С.138.

2.Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало Х1Х – середина ХХ в. М. 2011. С.768.

3.Синицын Ф.Л.Сопротивление народов СССР депортациям (1941-1949 гг.)//Вопросы истории, 2011. № 2. С. 32-51.

4.См.: Филиппов Борис. Сопротивление советскому режимц (1920-1941)//»История» издательского дома «Первое сентября». 2000.№31.

5.ГАРФ.Ф.Р-9479.Оп.1.Д.183.Л.241.

6.Вайнахи и имперская власть… С.695.

7.Там же. С.738.

8.Муса М. Ибрагимов. Власть и религия в период депортации чеченского народа//Вестник Академии наук Чеченской Республики.2012.№1(16).С114.

9.ГАРФ.Ф.Р-9401.Оп.2.Д.139. Л.378-380.

10.ГАРФ. Ф.Р-9479.Оп.1.Д.292.Л.131-133.

11.Там же. Л.131-133.

12.Вайнахи и имперская власть… С.804-805.
13.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д. 34383. Л.27-31,93-127.
14.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31.Д.31022. Л.103.
15.Там же. Л.63-186.
16.Там же. Л.144-147.
17.ГАРФ. Ф.8131. Д.38540. Л.11.
18.Там же. Л.19-20.
19.Там же.
20.Вайнахи и имперская власть… С.805.
21.Там же. С.829
22.Там же. С. 803-804.
23.Там же. С. 804.
24.Там же.
25.Там же. С.830.
26.Там же.
27.ГАРФ. Ф.9474. Оп.41,ч.2. Д.2808. Л.3.
28.В 1956 году Вахаев Х.Г. был полностью реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС. Некоторое время работал инструктором обкома партии, затем директором 2-го кирпичного завода в городе Грозный. Умер в 1965 году в возрасте 56 лет.
29.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.18692. Л.7- 48.
30.ГАРФ. Ф.8131.Оп.31. Д.36717. Л.14-31.
31.ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 26об., 33, 38об
32.Вайнахи и имперская власть… С.768.
33.Ибрагимов Муса М. Судебные преследования представителей чеченской интеллигенции в период сталинской депортации // История науки и техники. 2012. №7.С.126.
34.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.26521.Л.15-24.
35.Там же. Л.29.
36.ГАРФ. Ф. 8131. Оп.31. Д.92172. конверт. Л.27.
37.ГАРФ.Ф.8131. Оп.31. Д.40822.Л 135.
38.Там же. Л.137.
39.Там же. Л.138
40.Там же.
41.Полевой материал автора. Записан у сына Гагаева Абу-Муслима, Салмана в январе 2014 г.
42.Молодежная смена. 2006.15 апреля.
43.Там же
44.ГАРФ. Ф.8131. Оп.31. Д.26171. Л. 12, 53.
45.ГАРФ. Ф8131. Оп.31. Д.41376. Л.2-3, 13-14.
46.ГАРФ. Ф8131. Оп.31. Д.41376. Л.2-3, 13-15.

47.Вайнахи и имперская власть… С.739.
48.Там же. С.834.
49.Молодежная смена. 2011. №87-88.
50.РГАСПИ. Ф. 556, оп. 14, д. 56, л. 51–61.
51.Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. М.: МФД, 2000. С. 176.
52.Локаев Габацу. Спецпереселенцы. Магас: Издательство «Сердало», 2003. С. 109–110.
53.Вайнахи и имперская власть… С.768
54.Спецсообщение о настроениях и поведении спецпереселенцев Северного Кавказа-чеченцев, ингушей, балкарцев на 10 апреля 1944 года.//Вайнахи и имперская власть... С.725.
55.Полевой материал студенческог научного кружка кафедры «Политология и социология» ГГНТУ. Записал Мажиев Ибрагим – ГМУ-09.
56.Вайнахи и имперская власть… С.769.
57.Там же. С.739.
58.Депортация чеченского народа:факты, свидетельства, документы./ сост. : И.Хатуев, И.Сардалов.. Грозный, 2012. С.248.
59.Вайнахи и импеская власть… С.740.
60.Там же. С.739.
61.http://checheninfo.ru/7763-sudby-deportirovannyh-chechenskih-zhenschin.html. 31 июля 2014 г.

Глава 6. XX Съезд КПСС и реабилитация чеченского народа

1.Восстановление Чечено-Ингушской АССР[1]

Чеченцев не покидала надежда, что с окончанием войны им разрешат вернуться на Родину. Но репрессивный конвейер работал бесперебойно. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., казалось, совсем не оставил надежды на возвращение. Однако кончина Сталина в марте 1953 г. возродила эту надежду. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», арест Л. Берии, которого чеченцы считали основным виновником их выселения, вселяли надежду в души людей на восстановление справедливости. И действительно, в течение 1954–1955 гг. вышло несколько Указов Президиума Верховного Совета СССР, в которых значительно смягчался режим пребывания «спецпереселенцев». Им даже начали выдавать паспорта, а с 1955 г. чеченцев и ингушей стали призывать на действительную воинскую службу. В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев сделал свой знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях», в котором подверг резкой критике политику сталинских репрессий, признав, что со стороны Сталина были проявлены «в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью». Н.С. Хрущев отмечал, что «в сознании здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия

[1] При написании данного параграфа использован материал, любезно представленный кандидатом исторических наук А.М. Бугаевым.

отдельных лиц или групп на народы, включая женщин, стариков, детей, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям»[1] После съезда процесс реабилитации репрессированных народов значительно ускорился.Сначала предполагалось что восстановление автономии чечено-ингушского народа, с учетом многочисленности контингента, подвергшегося переселению, будет невозможным. Об этом писал в своей справке министр внутренних дел СССР С. Круглов: «Чеченцы и ингуши расселены главным образом в Казахской ССР (355 тыс. человек) и Киргизской ССР (76986 человек). Прежняя территория заселена. Восстановление автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий. В связи с этим можно было бы рассмотреть вопрос о создании для чеченцев и ингушей областной автономии на территории Казахской и Киргизской ССР»[2].

Но чеченцы и ингуши желали восстановления республики в прежних границах и на прежнем месте, не хотели создавания Чечено-Ингушской автономной области в составе Казахской ССР.

9 июня 1956 года делегация из видных представителей чеченцев и ингушей, в количестве 14 человек, во главе с Юнусом Дешериевым, Идрисом Базоркиным и Аббасом Гайсумовым была принята членом Президиума ЦК КПСС Анастасом Микояном. Состоялся разговор, в ходе которого А. Микоян подтвердил позицию ЦК КПСС, нацеленную на восстановление нарушенных прав репрессированных народов, и обещал поручить группе специалистов изучить вопрос восстановления автономии чеченцев и ингушей.

21 июня 1956 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором была создана комиссия в составе: Л.И. Брежнев – секретарь ЦК КПСС, Н.И. Беляев – секретарь ЦК КПСС, одновременно заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, К.Е. Ворошилов – председатель Президиума Верховного Совета СССР, Г.М. Маленков – заместитель председателя Совета Министров СССР, А.И. Микоян – первый заместитель председателя Совета Министров СССР – председатель комиссии. Ее главная задача – изучение вопросов, связанных с реабилитацией репрессированных народов. В последующем эту комиссию называли «комиссией Микояна».

Уже 5–6 июля 1956 г. Президиум ЦК КПСС обсудил обзорную записку о письмах чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и калмыков, подготовленную данной комиссией. Первостепенный вопрос – возвращение их на прежние места жительства и восстановление национальной автономии. В принятом постановлении комиссии Микояна было поручено продолжить свою работу для подготовки конкретных предложений. Было также решено «снять со спецпоселения чеченцев, ингушей и карачаевцев на тех же основаниях, как это было сделано по отношению к немцам, калмыкам, балкарцам и крымским татарам»[3].

16 июля 1956 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

Но ни о какой политической реабилитации пока и речи не было. Они как считались «врагами народа», так ими и остались, просто из наказанных превратились в помилованных. Во всех правительственных решениях того периода подчеркивалось, что снятие людей с учета

спецпоселения не влечет за собой возвращения им имущества, и, что они не имеют права возвращаться в места прежнего проживания. Под видом ознакомления с Указом с людей брали подписки о том, что они не претендуют на возвращение имущества, конфискованного при выселении, и, что они не будут возвращаться в те места, откуда были выселены. Десятки тысяч чеченцев и ингушей отказались подписывать эти документы. В октябре 1956 года МВД Казахской ССР докладывало в МВД СССР, что из 195911 снятых в республике с учета спецпоселения чеченцев, ингушей и карачаевцев – 55117 человек отказались дать расписку о том, что им объявлено об освобождении из спецпоселения и что им разъяснен Указ от 16 июля 1956 года[4].

Естественно, что в тот период, измученные невыносимой тоской по своей родной земле чеченцы и ингуши, как и другие сосланные народы, в первую очередь поднимали проблемы, связанные с реабилитацией и безоговорочным возвращением на Родину. Представители чечено-ингушской интеллигенции, бывшие партийные и советские работники в эти дни писали письма в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР с настойчивыми просьбами восстановить Чечено-Ингушскую АССР в пределах границ 1944 года. Особую активнось проявляли Халид Ошаев, Идрис Базоркин, Муслим Гайрбеков, Юнус Дешериев и многие другие[5]. Не остались незамеченными и обращения в ООН и другие Международные организации всемирно известного политолога Абдурахмана Авторханова и общественного деятеля Салаудина Гугаева, проживавших на Западе.

Поиск оптимальных вариантов решения этих исключительно важных задач начался еще до XX-го съезда КПСС. Однако готовых рецептов не было. Поэтому сразу же после съезда регулярно проводились заседания Президиума ЦК КПСС, совещания с ответственными

сотрудниками центральных органов, руководителями среднеазиатских союзных и северокавказских автономных республик, краев и областей, встречи с известными людьми.

24 ноября 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В этом историческом документе со ссылкой на решения XX-го съезда КПСС констатировалось, что «…массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, а было одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности, грубым нарушением основных принципов национальной политики нашей партии»[6].

Сжато перечислив все то, что было сделано до сих пор для ликвидации последствий сталинских репрессий против целых народов, Центральный Комитет КПСС отметил, что их нельзя признать достаточными. «Во-первых, они, как сказано в постановлении, не решают задачи *полной реабилитации необоснованно выселенных народов* и восстановления их равноправия среди других наций Советского Союза. Во-вторых, при большой территориальной разобщенности и отсутствии автономных объединений не создается необходимых условий для всемерного развития этих наций, их экономики и культуры, а, напротив, возникает опасность захирения национальной культуры. В-третьих, нельзя не учитывать и того факта, что в последнее время, особенно после XX-го съезда КПСС и снятия калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей со спецпоселения, среди них все более усиливаются стремления к возвращению в свои родные места и восстановлению национальной автономии»[7]. Было также признано, что, несмотря на существующее запрещение,

тысячи бывших спецпоселенцев самостоятельно возвращаются на территории, откуда были высланы, что создавало определенные трудности. Действительно, уже в декабре 1956 г. численность чеченцев и ингушей, вернувшихся в места своего прежнего проживания, самовольно, без официального разрешения, составило более 11 тысяч человек[8].

После принятия решений по политической реабилитации репрессированных народов, началась подготовка практических мер, направленных на осуществление задач по воссозданию Чечено-Ингушской АССР. Для последовательного восстановления национальной государственности чеченского и ингушского народов в первую очередь, как это было предусмотрено в ноябрьском постановлении ЦК КПСС, необходимо было определить границу ее будущей территории. Предстояло найти оптимальное решение по очень сложному и болезненному вопросу. Во-первых, после упразднения Чечено-Ингушской АССР ее административно-территориальная карта была радикально перекроена. Во-вторых, как только стало очевидным, что народы, реабилитированные в соответствии с решениями XX-го съезда КПСС, будут неуклонно добиваться восстановления своей незаконно ликвидированной государственности, руководители северокавказских республик, в состав которых после ссылки были переданы некоторые районы бывшей Чечено-Ингушской АССР, порою предлагали руководству Советского Союза варианты, не вписывающиеся в контекст текущей ситуации.

12 декабря 1956 г. в ЦК КПСС за подписью заместителя председателя Совета Министров Дагестанской АССР Ш. Шамхалова и секретаря Дагестанского обкома КПСС А. Даниялова поступило письмо, в котором они акт восстановления национальной

автономии чеченцев и ингушей оценивали как положительное решение и при этом совершенно правильно отмечали, что «без полного восстановления территориальной автономии не может быть устойчивого равновесия, мира и дружбы между этими народами и их соседями». Исключительно важное значение имело то, что представители высшего Дагестанского руководства заявили о том, что они «с самого начала изъявили согласие отдать все 6 районов обратно в состав Чечено-Ингушской АССР»[9].

Вместе с тем, успешное решение данного вопроса, по мнению авторов письма, в немалой степени зависело в свою очередь от положительного решения вопроса о возвращении в состав Дагестана «хотя бы Кизлярского, Каргалинского, Караногайского, Тарумовского районов», на территории которых, по данным заявителей, расположено около 500 тысяч гектаров отгонных пастбищ. «При отрицательном решении этого вопроса, Обком КПСС и Совет Министров ДАССР будут поставлены в безвыходно тяжелое положение по перемещению проживающего на бывшей территории Чечено-Ингушской АССР дагестанского населения»[10].

Однозначно «против возвращения Чечено-Ингушской АССР тех районов, которые были переданы Северо-Осетинской АССР, мотивируя тем, что данные районы заселены главным образом осетинами и возвращать назад их было бы нецелесообразно», выступало руководство Северной Осетии в лице первого секретаря обкома КПСС Агкацева, секретаря обкома КПСС Кабалоева, председателя Верховного Совета СОАССР Дзанагова[11].

Первый секретарь Грозненского обкома КПСС А.И. Яковлев изначально был за создание автономии чеченцев и ингушей, но только вне территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. Самым оптимальным вариантом он

считал создание их национальной государственности в пределах Казахстана. Но когда стало понятно, что возвращение чечено-ингушского населения на территорию своей бывшей автономной республики неизбежно, А.И. Яковлев, как считает В.Русин, преследуя собственные политические цели, вместе с единомышленниками предлагая практически нереализуемые варианты, пытался завести поиск конструктивного решения в тупик. В частности, союзным органам власти он предложил восстановить Чечено-Ингушскую АССР в границах 1944 г., но, расширив их за счет присоединения 8 районов Кизлярского округа и Наурского района, включенных в состав Грозненской области в процессе ее формирования[12].

Вспоминая нюансы этих исторических событий, связанных с восстановлением Чечено-Ингушской АССР, Василий Федорович Русин, долгое время проживший среди чеченцев и ингушей, занимавший ответственные посты в республике (до ее упразднения и после ее восстановления) и в Грозненской области, пишет: «Во второй половине 1956 года в Грозный приехал инспектор ЦК КПСС Русаков с секретным заданием – изучить возможности восстановления республики на прежней территории или создать Чечено-Ингушскую автономию на другой территории, где-то в Казахстане. …Перед отъездом из Грозного… Русаков собрал всех членов бюро обкома партии и некоторых членов исполкома областного Совета депутатов трудящихся. …На этом совещании московский посланец рассказал о цели своего приезда в Грозный, сообщил также, что в ЦК КПСС обсуждаются два варианта восстановления Чечено-Ингушской автономии: возвратить чеченцев и ингушей в родные места, тем самым восстановив автономную республику в прежних границах, или создать Чечено-Ингушскую автономию где-нибудь в Казахстане»[13].

На этом совещании подходы руководства Грозненской области к оценке предложенных представителем ЦК КПСС вариантов принципиально разошлись. Первый секретарь Грозненского обкома КПСС А. Яковлев выступил против возвращения чеченцев и ингушей на свои исконные земли, при этом, как отмечает В. Русин, заявил: «Надо им выделить территорию в другом месте, и пусть селятся там». Председатель Грозненского облисполкома Г.Е. Коваленко, наоборот, поддержал вариант возвращения вайнахских народов на свои родные земли. Свою речь он закончил следующими словами: «Для того чтобы восстановить справедливость, их надо возвратить в родные места»[14].

На совещании в ЦК КПСС, накануне нового 1957 г., руководители партийных и советских органов северокавказских регионов высказали мнение, что автономию чечено-ингушскому народу желательно было бы предоставить в каком-либо другом районе страны, не на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. В то же время они сомневались в реальности такого решения, ибо заставить чеченцев и ингушей поехать туда можно только силой. Поэтому за основу территории восстанавливаемой Чечено-Ингушской АССР они предлагали принять прежние районы этой республики[15].

2 января 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О территории Чечено-Ингушской АССР», в соответствии с которым была определена территориальная граница республики. При этом Пригородный район был оставлен в составе Северо-Осетинской АССР. 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР, руководствуясь решениями центральных партийных органов, издал Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», в котором отмечалось, что «в целях создания необходимых условий для национального развития

чеченского и ингушского народов Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию чеченского и ингушского народов.

2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР:

а) рассмотреть вопрос о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР;

б) установить границы и административно-территориальное устройство ЧИАССР;

в) утвердить Организационный Комитет ЧИАССР, на который возложить, впредь до выборов Верховного Совета АССР, руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики.

3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации ЧИАССР и об административном устройстве ее территории» и статью 2 Указа от 16 июля 1956 г. в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее местожительство»[16].

В соответствии с этим Указом Президиум Верховного Совета РСФСР в тот же день издал Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР с центром в городе Грозный». В этот же день без права публикации был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области».

В состав Чечено-Ингушской АССР в соответствии с решениями высших органов КПСС и Советского государства были включены: из Грозненской области – город Грозный и районы: Грозненский, Гудермесский, Каргалинский, Красноармейский, Междуреченский, Надтеречный, Новосельский, Наурский, Советский, Сунженский и Шелковской; из Дагестанской АССР –

Андалалский, Веденский, Ритлябский, Шурагатский и западная часть Ботлихского и Цумадинского районов (в границах бывших Чеберлоевского и Шароевского районов); из Северо-Осетинской АССР – город Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский район и северо-восточная часть Правобережного района (в границах бывшего Ачалукского района).

Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской АССР и Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР было поручено внести на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района с основной территорией Северо-Осетинской АССР. Грозненская область была упразднена. Караногайский, Кизлярский, Крайновский, Тарумовский районы и город Кизляр были переданы в состав Дагестанской АССР, а Ачикулакский и Каясулинский районы – в состав Ставропольского края[17].

9 января 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Организационного Комитета по Чечено-Ингушской АССР» было юридически оформлено создание этого временного рабочего органа. Его председателем был назначен Гайрбеков Муслим Гайрбекович – уроженец с. Валерик Ачхой-Мартановского района, до выселения работавший секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). Секретарем Оргкомитета был назначен Комаров Михаил Иванович. В состав этого временного рабочего органа, наделенного функциями высшего исполнительного органа власти, вошли: Ф.Д. Баранов, Е.Б. Брыскин, А.Д. Гашев, Г.М. Дементьев, Х.Н. Дукузов, Д. Мальсагов, Н.Г. Петров, В.Ф. Русин, С.С. Струлев, К. Сулейманов, А-В.Т. Тепсаев, В.Ф. Хозиев, У.Д. Цутиев, А.И. Яковлев, М.А. Яндиев.

Чуть позже, 10 февраля 1957 года, районам, которые были переименованы в период депортации чеченского и ингушского народов, Президиум Верховного Совета РСФСР вернул свои первоначальные имена. Новосельский район вновь стал Ачхой-Мартановским, Шурагатский-Курчалоевским, Коста-Хетагуровский – Назрановским, Андалалский – Ножай-Юртовским, Ритлябский – Саясановским, Красноармейский – Урус-Мартановским, Междуреченский – Шалинским[18].

В начале февраля 1957 г. в г. Москва проходила шестая сессия Верховного Совета СССР (четвертого созыва). 11 февраля, выступая с докладом «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР» Секретарь Президиума Верховного Совета СССР депутат А.Ф. Горкин, отметив значение решений XX-го съезда КПСС в преодолении отдельных фактов грубого нарушения основных принципов ленинской национальной политики, допущенных в прошлом и выразившихся в необоснованном выселении целых народов и установлении для них ограничений в местах нового поселения, заявил, что ЦК КПСС и Правительство СССР осуществили меры по их реабилитации. «Президиум Верховного Совета, – сказал он, – рассматривая вопрос о положении балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого, карачаевского народов, принял во внимание их законные пожелания и просьбы и решил полностью исправить допущенную в отношении этих народов несправедливость, восстановить их национальную автономию и тем самым обеспечить создание должных условий для всестороннего развития экономики и культуры этих национальностей. Президиум отменил имевшееся запрещение гражданам этих национальностей возвращаться на прежнее местожительство»[19].

Сессия Верховного Совета СССР для организованного возвращения населения

депортированных народов рекомендовала производить это небольшими группами и в строго установленные сроки. Это необходимо было во избежание осложнений и затруднений для самого переселяющегося населения в трудовом и бытовом устройстве. Для реализации намеченных мероприятий с учетом численности каждого из народов были определены конкретные сроки. Так сроки восстановления Чечено-Ингушской АССР были установлены длительные – 1957–1960 гг. Депутаты Верховного Совета СССР выразили уверенность, что республики, края и области, окажут необходимое содействие в организованном проведении переселения лиц, семей, желающих возвратиться на этническую Родину. Остающимся проживать в местах сталинской ссылки – предписывалось создать условия для их активного и полноправного участия во всех сферах жизнедеятельности[20].

Сессия Верховного Совета СССР единогласно приняла Закон об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальных автономий балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов и внесла соответствующие изменения и дополнения в статью 22 Конституции СССР. В соответствии с принципами национально-государственного устройства СССР данные вопросы были рассмотрены и на третьей сессии Верховного Совета РСФСР (четвертого созыва)[21].

30 января 1957 г. обком КПСС и Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР представили на рассмотрение бюро ЦК КПСС по РСФСР проект постановления Совета Министров РСФСР «О неотложных мерах помощи Чечено-Ингушской АССР». В этом документе, объемом 30 страниц, в деталях излагалась программа мер, направленных на последовательное решение задач возвращения и обустройства в местах

нового поселения чеченского и ингушского населения[22]. 21 февраля 1957 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах помощи Чечено-Ингушской АССР», подготовленное с участием представителей ЧИАССР, Госплана РСФСР и Отдела парторганов ЦК КПСС по РСФСР. В соответствии с задачами, конкретизированными в этом директивном документе бюро обкома КПССи Оргкомитет по ЧИАССР утвердили план организованного приема и устройства населения[23].

Государство приняло решение оказать возвращающимся в республику депортированным материальную помощь. 12 апреля 1957 года вышло Постановление Совета Министров РСФСР, которое предусматривало льготы всем представителям депортированных северокавказских народов. Предоставлялись кредиты на строительство домов в размере до 10 тысяч рублей на семью, с погашением этого кредита в течение 10 лет, начиная с третьего года после вселения в построенные дома. На ремонт домов и надворных построек выделялся кредит в размере до 3 тысяч рублей на хозяйство, с погашением в течение трех лет, начиная с третьего года после вселения в отремонтированные дома. Предоставлялись кредиты на приобретение коров или другого крупного рогатого скота. Возвращенцы, в первый год переселения, освобождались от уплаты сельхозналогов. Им сохранялся непрерывный стаж работы. Оказывалась единовременная помощь отдельным, наиболее нуждающимся семьям в размере до 500 рублей. В Постановлении Бюро Чечено-Ингушского обкома КПСС, в котором предусматривались меры по приему и устройству семей чеченцев и ингушей, предписывалось организовать им помощь со стороны колхозов и совхозов в строительстве жилых домов и надворных построек путем выделения транспортных средств, строительных материалов и рабочей силы.

Конечно, все эти льготы простой человек, не разбирающийся во всех хитросплетениях бумажной волокиты, получал с большими материальными и моральными потерями. Но, в целом, они сыграли определенную положительную роль в скорейшем обустройстве прибывающих на родную землю людей.

26 октября 1957 года Совет Министров РСФСР принял постановление «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому строительству в Чечено-Ингушской АССР в 1958-1960 гг. в связи с переселением чеченцев и ингушей из Казахской ССР и Киргизской ССР». Выделялись денежные средства на строительство в 1958-1960 гг. 60 школ на 24440 ученических мест, двух школ-интернатов, столько же школ рабочей молодежи, педагогического училища, санаторно-лесной школы, детского дома, 24-х детских садов и ряда других объектов. За этот же период планировалось построить 47 новых промышленных предприятий и 8 реконструировать. В области жилищного строительства в течение трех лет намечалось за счет государственных вложений построить 311 тыс. кв. м. жилой площади и 60 тыс. индивидуальных домов за счет средств государства и сбережений населения. В восстановлении автономной республики большую помощь оказали народы Северного Кавказа, а также население других республик, краев и областей Российской Федерации. Когда в Чечено-Ингушетии по плану дальнейшего развития сельского хозяйства приступили к созданию 12 новых совхозов и 62-х колхозов, Волгоградская и Саратовская области передали республике для комплектования животноводческих ферм 6 тыс. голов крупного рогатого скота и 15 тыс. голов овец. К январю 1958 года в Чечено-Ингушскую АССР уже прибыло 52937 семей (201746 человек). Большинство трудоспособных было устроено на работу. В отдельных

домах проживали 37960 человек, во вновь построенных – 15608 человек, на подселении – 14077. Получили приусадебные участки – 2645 человек[24]. Серьезное внимание уделялось образованию, науке и культуре чеченского народа. Учитывая предстоящие задачи, в расходной части бюджета ЧИАССР на 1957 год на нужды образования выделялось 107 млн. рублей, что составляло 25 процентов всего республиканского бюджета. Республиканские власти поставили задачу перед органами народного образования обеспечить вовлечение в школы всех детей школьного возраста из семей чеченцев и ингушей, в необходимых случаях открывая подготовительные классы в начальных, семилетних и средних школах. Из 26683 детей школьного возраста обучалось в школе – 20918 детей. В короткие сроки были организованы двухмесячные курсы по подготовке и переподготовке 250 учителей начальных классов и преподавателей чеченского и ингушского языков. Грозненское дошкольно-педагогическое училище было реорганизовано в Чечено-Ингушское педагогическое училище с двумя отделениями – школьным и дошкольным с дополнительным приемом на 1957/1958 учебный год 150 человек чеченской и ингушской национальности.

С 1 июля 1957 года было возобновлено издание газет «Ленинан некъ» (Ленинский путь) на чеченском языке и «Сердало» (Свет) на ингушском языке. В республике выходили также 17 районных газет, 10 из которых печатались на чеченском и ингушском языках. Было возобновлено издание литературно-художественных альманахов «Аргун» (на чеченском языке) и «Утро гор» (на ингушском языке).

7 июня 1957 г. был восстановлен Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, где в последующие годы работали известные в республике ученые, писатели, истинные

патриоты своей республики как Сераждин Эльмурзаев, Дошлоко Мальсагов, Халид Ошаев, Нурдин Музаев, Тамара Мальсагова, Зарема Гойгова, Николай Гриценко, Ибрагим Алироев, Марьям Чентиева, Якуб Вагапов, Якуб Эсхаджиев, Асланбек Хасбулатов, Абубакар Манкиев и многие другие. В декабре 1957 года состоялась первая республиканская конференция писателей. В июле 1958 года был восстановлен Чечено-Ингушский государственный драматический театр имени Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова.

6.2.Драматическое возвращение чеченцев на родину

Самой сложной организационной задачей, особенно на первоначальном этапе восстановления Чечено-Ингушской АССР, была проблема репатриации – переселения вайнахского населения строго в соответствии с инструкцией «О порядке возвращения чечено-ингушского населения из Казахской и Киргизской ССР в Чечено-Ингушскую АССР», утвержденной Оргкомитетом по ЧИАССР 8 марта 1957 г. Обстановка в республике, особенно с началом массового возвращения чечено-ингушского населения, во всех отношениях была весьма сложной.

Основная причина такого состояния заключалась в том, что власти не учли того, что никакие барьеры не смогут предотвратить незапланированного, неучтенного выезда на Родину огромного количества людей. На местах оказались не готовыми не только к массовому несанкционированному, но и к «плановому» приезду людей, которых необходимо было обеспечить хотя бы крышей над головой. Кроме того, среди населения, которое в силу трагического стечения обстоятельств оказалось в бывших чеченских городах, не была проведена необходимая разъяснительная работа. Поэтому,

они не всегда понимали озлобленность, а порою и агрессивность отдельных лиц этих национальностей.

В центральные органы страны потоком шли письма, телеграммы от тех, кто с момента депортации проживал в бывших чеченских и ингушских населенных пунктах. В записке от 6 февраля 1957 г., направленной Председателю Совета Министров СССР Н.И. Булганину, отмечалось, что только в январе месяце 1957 г. поступило 44 коллективных письма от жителей Шурагатского, Ритлябского и Андалалского районов с просьбой безотлагательно вернуть их на территорию Дагестана. В записке указывалось, что «возвратившиеся на родину чеченцы и ингуши, вооруженные охотничьими ружьями и холодным оружием, ведут себя вызывающе, требуют освободить принадлежавшие им ранее дома, проводят молебны и манифестации, угрожают местным жителям расправой, а в отдельных случаях совершают якобы нападения и грабежи». Тревожной была ситуация в Пригородном в Северной Осетии и в ряде других районах. Об этом поступала информация в различные инстанции страны непосредственно от граждан, местных властных и правоохранительных структур[25].

Следует сказать, что чеченцев и ингушей на их родной земле никто, кроме могил их предков, практически не ждал. Приветствовавших исторические решения XX-го съезда КПСС и последующие шаги по преодолению последствий культа личности Сталина, в частности, возвращение чеченцев и ингушей на свою Родину, в Грозненской области было немного. Пользуясь такой «благоприятной» ситуацией, целенаправленно и методично манипулируя имеющимися административными и идеологическими рычагами, провоцируя письменные обращения и иные сигналы жителей в вышестоящие партийные и советские органы, нагнетанием нездорового ажиотажа вокруг вопросов

репатриации чечено-ингушского населения занималось руководство бывшей Грозненской области во главе с первым секретарем Грозненского обкома КПСС А.И. Яковлевым, недоброжелателем (мягко говоря) чеченского и ингушского народов. В унисон с ними действовал и начальник управления КГБ СССР по Грозненской области В. Шмойлов.

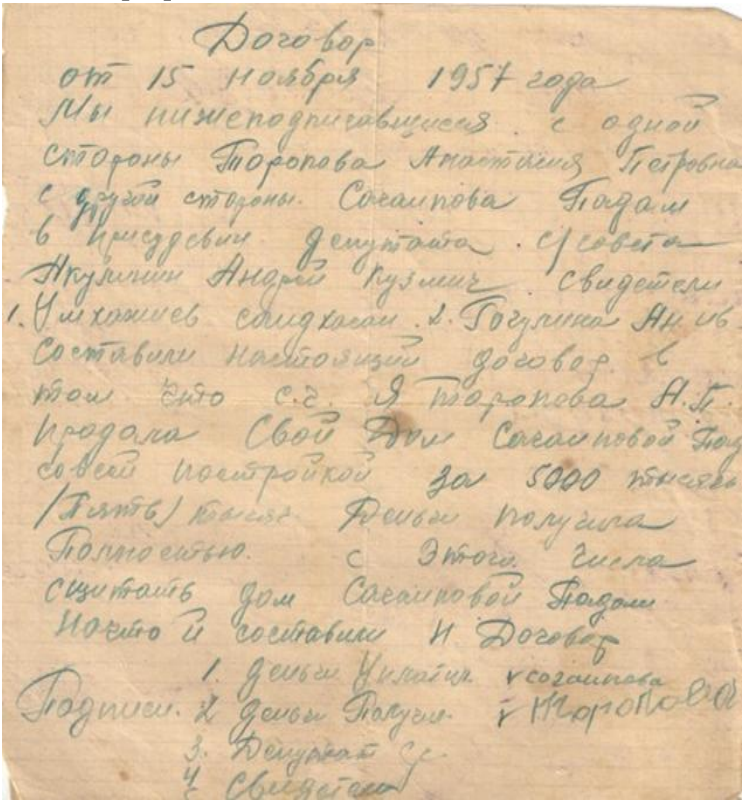
Вспоминая эти непростые для чеченцев и ингушей времена, В.Ф. Русин писал: «С первых же минут, как только их нога ступала на родную землю, у них начинались проблемы. В республике ничего не было сделано для того, чтобы организованно принять возвращающееся население. Отношение к нему было откровенно недружелюбное»[26].

Люди стали возвращаться в родные места, к могилам своих предков, к своим святыням (зияртам), многие из которых были осквернены безжалостными варварами. Наиболее удачливые нашли свои дома пустующими, и с радостью принялись за их обустройство, иным же пришлось выкупать их у новых хозяев или строить невдалеке другое жилище.

В 1958 году в республику должны были вернуться еще около 10 тысяч семей. Чечено-Ингушский обком КПСС заблаговременно подготовился к приему этих переселенцев, определив пункты приема, питания, медицинского обслуживания. Для организации переезда была командирована в Казахстан группа ответственных работников республики.

Но сам процесс репатриации депортированных народов на Северный Кавказ проходил весьма драматично. Он сопровождался целой серией межэтнических конфликтов, хотя возвращение некоторых народов проходило мирно и без особых эксцессов. Это касалось, например, балкарцев. Их на родной земле встретили приветливо, и это объяснялось тем, что местные органы власти проводили

соответствующую работу с населением, заселившим территории выбывших спецпоселенцев. По иному сценарию проходило возвращение карачаевцев. Они в основном пытались поселиться в те районы, где проживали до 1943 года, что вызывало конфликты с русскими и грузинскими переселенцами, размещенными на их землях. Не совсем мирно происходило и возвращение калмыцкого народа. В 1957 и в 1959 гг. в г. Элиста произошло два крупных столкновения между русской и калмыцкой молодежью, закончившиеся поножовщиной[27].

Договор
от 15 ноября 1957 года
Мы нижеподписавшиеся с одной
стороны Торопова Анастасия Петровна
с другой стороны Сагаипова Надам
в присудствии депутата с/совета
Нурлинги Андрей Кузмич. Свидетели
1. Умхожиев соседхоам х. Гогулина Ан.
Составили настоящий договор с
тем что с.с. Я Торопова А.П.
продала свой дом Сагаиновой Над
совей постройкой за 5000 тысяч
/Пять/ тысяч. Деньги получила
Полностью. с этого числа
считать дом Сагаиновой Надам
Ночто и составили и Договор
Подписи. 1. Деньги Никайи Сагаипова
2. Деньги Получ. Торопова
3. Депутат с/с.
4 Свидетели

Многим чеченцам приходилось выкупать свой собственный дом после возвращения

Но сложнее всего происходило возвращение чеченцев и ингушей. Жители тогдашней Грозненской области, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР восприняли это событие в основном негативно. Примечательно, что население, которое проживало на территории восстанавливаемой республики с незапамятных времен, с пониманием восприняло решение государства о реабилитации депортированных народов и возвращение их на свою родную землю. Даже большинство жителей станиц Наурского, Шелковского и Каргалинского районов, которые ранее никогда не входили в состав Чечено-Ингушской АССР, чисто человеческим вниманием и трогательной заботой пытались облегчить участь новых поселенцев из числа возвратившихся из сталинской ссылки. «Мы встречаем вас, как братьев, говорил, обращаясь к чеченцам, прибывшим в станицу Курдюковскую Шелковского района, колхозник Ф.М. Абидин. – Будем жить и работать дружно и сообща добиваться новых трудовых успехов на благо любимой Родины». В Назрановском районе крестьяне – осетины, ингуши, аварцы – совместно организовали колхоз и избрали его председателем участника Великой Отечественной войны ингуша Дзортова М[28].

Но местное население, занявшее дома и земли депортированных чеченцев и ингушей, враждебно встретило вернувшихся. Характерны их высказывания: “В придется уезжать отсюда”[29]. Первые партии чеченцев и ингушей прибывали небольшими группами по 10-15 человек, которых встречали неприветливо: им отказывали в прописке, не брали на работу, однако это их не останавливало.

Возникает вопрос, какие же особые условия и факторы определили столь острое этническое противостояние в Чечено-Ингушетии? Нельзя, наверное,

понимать их природу исходя только из нерационального, психоэмоционального объяснения причин обострения межнациональных отношений на основе этнической неприязни, психологической несовместимости, различных форм психозов, социально-политических предрассудков, стереотипов мышления и т. д. Безусловно, прав В.А. Козлов, который считает несерьезными «объяснения, сводящие проблему к «плохому характеру» и врожденной агрессивности» вайнахского народа или «исламскому фундаментализму его неформальных лидеров, как склонны считать некоторые русские националисты»[30]. Причины здесь более разнообразны и, на мой взгляд, заключаются главным образом в организационных просчетах, грубых ошибках центральных и местных властных структур при осуществлении переселения.

Если в правительственных постановлениях планировалось возвратить чеченцев и ингушей в восстановленную республику в течение четырех лет, то на самом деле, этот процесс фактически вышел из под контроля властей и приобрел отчасти стихийный характер. Чеченцы спешно продавали свои дома, имущество в Казахстане и Киргизии и массово возвращались домой. Они не хотели ждать еще томительных четыре года в ожидании столь долгожданного события. Кроме того ими двигал и страх возможного изменения принятого властями решения. По плану в 1957 году в Чечено-Ингушетию должны были возвратиться 17 тысяч семей. В действительности, уже к 1 сентября 1957 года вернулось в два раза больше-34635 семей (136444 человека)[31]. В Постановлении бюро ЧИ ОК КПСС от 15.06.1957 г. самокритично отмечалось, что в результате того что «Оргкомитет и бюро обкома не приняли необходимых мер по обеспечению организованного переселения в республику первой очереди чеченского и ингушского населения из Казахской и Киргизской ССР, не провели среди местного и

прибывающего населения соответствующей разъяснительной работы» спровоцировало на самовольный выезд большое количество чеченцев и ингушей. «Самотек, допущенный при переселении, фанатическое стремление большинства чеченцев и ингушей разместиться только в местах прежнего своего жительства и захватить ранее принадлежащие им дома и участки, привели в ряде районов и населенных пунктов республики к большому скоплению людей…,дезорганизовало в этих районах общественный порядок, привело к резкому росту заболеваемости и к увеличению преступности»[32].

Естественное стремление людей вернуться в свои родные села, к своим домам наталкивалось на реальности жизни – их села и дома были заняты другими людьми, которые и сами далеко не по своей воле вселились в чужие жилища. Плановое переселение этого населения, которое могло бы разрядить сложившуюся ситуацию, запаздывало в связи с незапланированно высоким притоком чеченского населения. Все это и вызывало конфликтную ситуацию. Затягивание с ее разрешением грозило серьезным осложнением проблемы и обострением конфликта.

Конфликтообразующими факторами здесь выступали и безработица среди вернувшихся из ссылки, принудительное или вынужденное поселение чеченцев и ингушей не в тех районах и населённых пунктах, в которых они жили до депортации, а также открытое недовольство их возвращением со стороны некоренного населения республики, привыкшего считать чеченцев и ингушей «изменниками и предателями», тем более, что в то время в советском обществе далеко не все разделяли идеи десталинизации, а многие считали депортации целых народов правильной и своевременной мерой. Как отмечалось на У1 Пленуме ЧИ ОК КПСС прошедшем в

августе 1957 года, при восстановлении республики, к переселению населения на прежнее место жительства органы власти приступили без соответствующей идеологической и политической подготовки местного населения[33]. В своем выступлении на Пленуме Председатель Оргкомитета по ЧИАССР М.Г. Гайрбеков подчеркивал: «Практическое осуществление этого исторического мероприятия надо было начинать с широкого разъяснения населению всей важности постановления ЦК КПСС и Закона, принятого У1 сессией Верховного Совета Союза ССР, довести эти документы до глубокого сознания населения. Это было необходимо сделать и потому, что, как нам известно, в течение длительного времени после переселения чеченцев и ингушей, проводилась нежелательная работа по дискредитации чечено-ингушского народа, а в бывшую Грозненскую область прибыло много людей, которые раньше с чеченцами и ингушами не проживали и зачастую судили о чеченцах и ингушах по информации, сфабрикованной врагом народа Берией и его приспешниками».

Далее Гайрбеков продолжал: «Это чувство неприязненного отношения к чеченцам и ингушам, которое враги народа пытались привить другим национальностям, коснулось не только живых, но и мертвых. Ведь на чеченских и ингушских кладбищах могилы оказались поруганными, а памятники были снесены и использованы для устройства дорожных бордюров»[34]. Дело дошло до того, что руководство Грозненской области побоялось опубликовать в местной печати доклады Горкина и Зимина о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, сделанные на сессиях Верховных Советов СССР и РСФСР[35]. Член Оргкомитета Ш.С. Сагаев с горечью говорил на том же Пленуме, что «Вся беда заключается в том, что еще до

нашего приезда была проведена большая работа среди русского, аварского и другого населения, доказывающая о том, что совместно с чечено-ингушским населением проживать невозможно»[36].

Исследуя архивные документы, создается впечатления, что руководство Грозненской области в лице секретарей обкома Яковлева, Сайко, Фоменко и других тихо саботировало решения о восстановлении ЧИАССР, считая, что это дело, прежде всего созданного

Муслим Гайрбекович Гайрбеков

Оргкомитета по ЧИАССР. Никто из этих высокопоставленных чиновников не встретился с

прибывающими на родину чеченцами и ингушами. На Пленуме М.Г. Гайрбеков бросил упрек в их адрес заявив что «ежедневно приходит несколько эшелонов, но они не находили времени, чтобы прибыть на станцию, встретить народ, сказать им несколько слов привета, поздравить их с прибытием на родную землю»[37]. На критику со стороны граждан и общественности за ошибки в организации приема чечено-ингушского населения

У памятников погибшим в депортации односельчанам. Веденский район, Хаджи-аул. Зиярат матери Кунта-Хаджи – Хеди

партийные чиновники Грозненской области реагировали крайне нервозно и всячески пытались обелить свою деятельность. Показательна в этом отношении их реакция на письмо в ЦК КПСС известного писателя А.Е.Костерина. Копия этого письма ходила по рукам чечено-ингушской интеллигенции, и, естественно, его содержание, в котором автор обвинял партийное руководство и Оргкомитет в том, что они не провели

необходимой подготовки по приему возвращающихся чеченцев и ингушей и, что они допустили целый ряд ошибок в ходе хозяйственного и культурного строительства в ЧИАССР, стало известно грозненским властям. В Москву направляется бумага, в которой Бюро обкома КПСС докладывает ЦК КПСС «о неправильных действиях коммуниста А.Е. Костерина, выражающихся в написании и распространении вредного письма, мешающего нормальному восстановлению Чечено-Ингушской АССР, а также в клевете на руководящих партийных и советских работников»[38], хотя сами в постановлении бюро ЧИ ОК КПСС от 15 июня 1957 года признают «серьезные недостатки и ошибки, допущенные в восстановлении республики» и в качестве таковых практически полностью перечисляют упущения, на которые указывал А.Е. Костерин[39]. За такую же критику, прозвучавшую в письме, адресованном своему знакомому в Казахстан, пострадал и помощник Председателя Оргкомитета М.Г. Гайрбекова Немухин П.А. Он был исключен из партии за то, что в письме некоему Кулбужеву (вероятно ответственному работнику ЦК КП Казахстана) подробно писал о положении дел в республике. В письме Немухин рассказывал о возникающих недоразумениях между русскими и чеченцами из-за домов, ранее принадлежавших чеченцам, говорил, что «вокруг т.н. «перенаселенности был создан большой шум. Конечно, все это исходило от руководства, точнее русской ее части». Кроме того, Немухин подробно описал ситуацию с вызовом членов бюро ОК КПСС и Оргкомитета в ЦК КПСС, где обсуждался доклад о выполнении постановления правительства по восстановлению ЧИАССР, сообщал, что «за допущенные ошибки, хотя и не было сделано оргвыводов, но крепко попало т.т. Яковлеву и Слюсареву»[40].

6.3.Межэтнические конфликты

Обстановка постепенно накалялась, возникали мелкие стычки между прибывающими чеченцами и местными жителями, которые в некоторых случаях перерастали в крупные межнациональные столкновения. Этому способствовала и недальновидная политика местных руководителей, явно или скрытно противившихся восстановлению автономии чечено-ингушского народа. Как отмечал в своем выступлении на Пленуме ЧИ ОК КПСС в августе 1957 года член Оргкомитета по ЧИАССР Д.Мальсагов, «Почти во всех колхозах Курчалоевского, Ножай-Юртовского, Саясановского районов, в ряде колхозов Шалинского, Ачхой-Мартановского, Сунженского, Назрановского районов в одних случаях принимались решения на общих собраниях колхозников и граждан, в других случаях писались коллективные заявления и допускались выступления, в которых содержатся грубые выпады против чечено-ингушского народа, обвиняя его в измене Советской родине, бандитизме, разбоях и т.д. Утверждается невозможность совместной жизни и работы с чеченцами и ингушами, в результате составлено 375 решений коллективных заявлений такого содержания»[41]. На активе колхоза им. Красной Армии, Саясановского района выступили коммунисты Кихараев и Мусаев, где Кихараев договорился до того, что если не отменят восстановление ЧИАССР, то они обратятся в ООН и написал об этом заявление. Мусаев требовал боя против чеченцев с двойным ударом. На собрании колхоза им. Молотова, села Валерик, Ачхой-Мартановского района, коммунист Чуприн, кроме совершения грубых выпадов в адрес чеченцев заявлял: «динамитом буду взрывать чеченцев»[42].

В многочисленных жалобах в партийные и государственные органы от местных жителей, по сообщениям органов КГБ, неоднократно указывалось, что прибывшие чеченцы угрозами и силой вселяются в свои жилые дома и выгоняют из них проживающие там семьи дагестанцев, русских, осетин. Сообщается, что чеченцы ходят по селам с оружием и устраивают стрельбу, происходят драки, хулиганские выходки и даже вооруженные столкновения между местным и возвращающимся из ссылки населением, все это приобретает угрожающий характер. Так, в селении Тандо (Элистанжи), Веденского района 17 января 1957 года было спровоцировано массовое побоище между чеченцами и аварцами. 4 июня 1957 г. в селении Тутово (Катыр-Юрт), Ачхой-Мартановского района, в результате вооруженного столкновения между чеченцами и аварцами из-за пользования водой для орошения огородов, был убит один и ранено три аварца[43].

В селении Аллерой Саясановского района, 9 февраля 1957 года местные жители – аварцы, спровоцированные Гандатовым Магометом, пытались избить прибывших в это селение на жительство чеченцев, но местная милиция предотвратила хулиганство. После этого толпа аварцев, вооружившись палками, направилась к клубу, где проживали в ужасной тесноте 32 семьи возвращенцев с требованием «убрать чеченцев». Опасаясь перерастания конфликта в массовые беспорядки, власти уступили и вывезли чеченцев из селения. Бригадир колхоза им. Ленина, Шурагатского района, член КПСС даргинец Асхабов Гаджи неспровоцированно оскорбил чеченца, угрожая ему обнаженным кинжалом, запрещал чеченцам посещать базар в селе Чкалово[44]. По свидетельству члена Оргкомитета В.Ф. Русина были случаи, когда возвращающихся из ссылки чеченцев пытались не только не пустить в свои собственные дома,

но и в родные села. В марте 1957 года в селах Энгеной и Гордали Саясановского района переселившиеся сюда дагестанцы вышли на окраины сел с ружьями и не пропускали вернувшихся сюда чеченцев в свои села. Только после вмешательства М.Г. Гайрбекова и В.Ф Русина конфликт был разрешен[45]. Усиление межнациональной напряженности в республике привело к тому, что начался массовый выезд переселенцев из республики. Уезжали и бросали работу в колхозах целыми хозяйствами, даже в период весеннего сева.

Представители дагестанских районов, отошедших к Чечено-ИнгушскойАССР, настойчиво просили ЦК КПСС и правительство СССР переселить все 11 000 хозяйств аварцев и даргинцев на территорию Дагестана, "...так как убеждены и полны решимости в невозможности совместной жизни и работы с чеченцами"[46]. Между тем, для прекращения межнациональных конфликтов в Чечено-Ингушетии власти избрали свой метод борьбы, а именно - задерживать несанкционированный выезд чеченцев и ингушей в республику. 8 мая 1957 года вышло постановление ЦК КП Казахстана "О временном приостановлении выезда чечено-ингушского населения из пределов республики". В результате, из-за вынужденной задержки, на вокзалах городов Казахстана сотни и тысячи несчастных людей оказывались без средств к существованию, ведя полубродячий образ жизни, с одной только надеждой - добраться до родных мест. Из-за скопления людей в вагонах и местах расселения, возникали массовые эпидемические заболевания. Однако такие препятствия только воодушевляли народ для возвращения на родину.

В 1957-1958 гг. органами МВД и госбезопасности была зафиксирована масса так называемых националистических выходок и со стороны чеченцев и ингушей. Выступления были отмечены в Назрановском и

Урус-Мартановском районах. Слышны были выкрики типа: «Да здравствует чеченская власть»[47]. Возвращающиеся депортированные, когда другими методами невозможно было вселиться в свои дома, пытались всячески, в том числе и угрозами, заставить лиц, занявших их жилища освободить их. Власти при этом жестко пресекали всякие попытки чеченцев претендовать на свои бывшие жилища. В декабре 1957 года был привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР, за антисоветскую деятельность, житель с. Подгорное (Шалажи), Ачхой-Мартановского района Джабраилов Джанхал. Возвратившись из Казахстана, он нашел, что его родной дом занят под сельскую амбулаторию, поэтому ему с семьей, в которой четверо детей приходилось ютиться в маленькой съемной квартире. В отчаянии и тоске он почти каждый вечер приходил к амбулатории и подолгу кружил вокруг нее, рассказывая прохожим, что это дом его родной, который у него власти незаконно отняли и теперь не возвращают. В разговоре с русскими односельчанами он позволил себе нелестно высказаться о руководителях страны. «У меня слезы текут, приехав на свою землю. Здесь все разрушено, все развалено. Нас пустили на Родину и что это за родина, когда здесь осталось два куста, а остального ничего нет. Виноваты руководители, что чеченцев сюда вселили, а русских отсюда не выселили». В результате, суд определил ему пять лет лишения свободы[48].

За пять месяцев 1958 года, докладывал в ЦК КПСС первый секретарь Чечено-Ингушского обкома партии А.И.Яковлев, в республике совершено 1031 преступление, из них 22 убийства, 44 разбойных нападений, 145 краж государственного имущества, 287 краж личного имущества граждан. Все это руководитель партийной организации республики напрямую увязывал с восстановлением автономии чеченского и ингушского

народов и их массовым возвращением на родину. Он писал, что из Казахстана и Киргизии вместе с населением в Чечено-Ингушетию «прибыло значительное количество уголовно-преступного элемента, которые там совершили тяжкие преступления, скрылись от наказания, а некоторые даже бежали из мест заключения». В подтверждение приводились данные о том, что на 1-е января 1958 года в Министерство внутренних дел ЧИАССР из вышеуказанных республик поступило 457 запросов на розыск и задержание преступников, из которых 1231 уже взяты под стражу. По утверждению чиновника чеченское и ингушское население, придерживаясь старых пережитков и обычаев, не выдает преступников, отказывается от дачи свидетельских показаний, среди них сильно развита круговая порука, бытует еще кровная месть[49].

Немалую роль, по данным КГБ, играло в этом мусульманское духовенство, которое "проводит массовые религиозные сборища, призывает мусульман к сплочению в борьбе против "иноверцев"[50].

Конфликтные ситуации на межнациональной основе возникали и в студенческой среде. На отчетно-выборном комсомольском собрании историко-филологического факультета Грозненского педагогического института, состоявшемся 21 октября 1957 года «…имел место демонстративный уход с собрания девяти чеченцев и ингушей, в связи с тем, что в президиум не было избрано представителей от комсомольцев из числа коренного населения. При этом отдельные лица стали выкрикивать, что «русские оскорбляют национальные чувства»[51]. Случались также и драки между студентами чеченской и русской национальности, как в пединституте, так и в нефтяном институте.

В свою очередь, со стороны русского населения республики ширились античеченские настроения,

вызванные конфликтами из-за дележа земли и домов, ранее принадлежавших чеченцам и ингушам. Продолжавшиеся мелкие националистические эксцессы при попустительстве властей привели к настоящему межэтническому столкновению между русским населением г. Грозного и чеченцами и ингушами в августе 1958 года.

Осенью 1957 г. в Чечено-Ингушетии и далеко за ее пределами было распространено письмо так называемого «Комитета по оказанию помощи пострадавшим жителям ГРОЗНЕН. ОБЛ.» Оно было адресовано «Всем депутатам Верховного Совета СССР, руководителям партии и правительства. Редакторам всех газет. Маршалам Советского Союза». Это был продукт «вульгарного бытового шовинизма» «От имени полутора-миллионного населения жителей Грозненской обл. Бывших воинов Сов. Армии. ЖЕн и детей у которых мужья отцы и братья погибли на фронтах Отечественной войны и всех жителей населяющих Грозненскую обл. до возвращения чечен и ингушей»[52].(Орфография авторов письма сохранена-М.И.). Документ преследовал одну цель – разжечь античеченскую и антиингушскую истерию. Именно эти силы, как отмечают авторы «Истории Чечни», затаившие свое несогласие с решениями государства, направленными на реабилитацию репрессированных народов и восстановление их национальной автономии, и стали организаторами и вдохновителями «грозненского восстания» 26–28 августа 1958 г.[53].

Беспорядки в городе,- вспоминает генерал-полковник КГБ С.С. Бельченко,- начались с «интернациональной» выпивки, которая привела к убийству. В попойке участвовали трое чеченцев и русский. Разогретый спиртным чеченец стал требовать от русского, чтобы тот «поставил» еще одну бутылку водки. Завязалась ссора. Русский, получив легкое ножевое ранение в живот,

добрался до общежития и лег в постель. Остальные продолжали пьянствовать. Вскоре один из чеченцев, Везиев, отправился в общежитие проведать раненого. Затем туда же пришли еще двое. Они попытались наброситься на раненого с ножом. Расправе помешал один из этих чеченцев, который, защищая жертву, сам получил ножевое ранение в руку.

Раздосадованные и агрессивные хулиганы отправились на танцы в Дом культуры, где встретились с демобилизованным моряком, рабочим химического завода Е. Степашиным и его товарищем и ровесником А. Рябовым — военным моряком, приехавшим из Севастополя в отпуск к родителям. Пьяные чеченцы начали ссору из-за девушки, избили Рябова и ушли. Возбужденный моряк собирался отомстить, но, когда они со Степашиным увидели невдалеке группировавшихся других молодых чеченцев, сочли более благоразумным удалиться. Чеченцы, обладая явным численным превосходством, начали преследование молодых людей. Рябову удалось забежать за угол дома и скрыться, а Степашин поскользнулся и упал. Преследователи настигли его, жестоко избили и нанесли пять ножевых ранений. Молодой рабочий умер на месте. Оба преступника были арестованы и помещены в камеру предварительного заключения.

Жестокое убийство получило широкую огласку. Активизировались античеченские разговоры. Создалась психологическая атмосфера для морального оправдания «жестких» античеченских высказываний.

26 августа гроб с телом Степашина его товарищи понесли сами, на руках. От всех предложений похоронной комиссии завода и работников милиции везти гроб на машине участники процессии категорически отказались.

В пути процессия обрастала новыми людьми. Она постепенно превращалась в античеченскую демонстрацию. Раздавались угрожающие выкрики.

К 5 часам вечера похоронная процессия, обросшая множеством случайных людей (за гробом шло уже около 800 человек), подошла к обкому. Там организаторы и участники похорон потребовали открытия траурного митинга и выступления на нем руководителей.

Площадь была запружена людьми — собралось около 4 тысяч человек. Было много пьяных, а также воров и хулиганов, которые присоединились к похоронной процессии на рынке. Постоянно раздавались выкрики и призывы к расправе над чеченцами.

Толпа, собравшаяся на стихийный митинг, поначалу готова была к диалогу с властью и выдвижению осмысленных политических требований. Однако ближе к ночи зеваки и любопытные, то есть более здравомыслящая публика, отправились по домам. А агрессивная и незаконопослушная часть толпы откололась от митинга и начала штурм обкома. Привлеченная для усиленной охраны здания группа работников милиции действовала вяло.

Ворвавшись в здание, бунтовщики «бесчинствовали, открывали служебные кабинеты, искали секретарей обкома». К полуночи милицией и подразделением войск МВД обком был очищен от хулиганов. Но толпа наиболее агрессивных и подогретых спиртным людей не расходилась. Во втором часу ночи оцепление было снова прорвано, и нападавшие рванулись в здание.

Главной ударной силой была молодежь во главе с известными местными хулиганами — учащимися ремесленного училища. Поснимав с себя поясные ремни и взмахивая пряжками, они бессмысленно носились по коридорам и кабинетам, вряд ли отдавая себе отчет в том, зачем они это делают.

Силами милиции и КГБ здание было вновь очищено от хулиганов. К трем часам ночи утомленная толпа разошлась, а мелкие группы были рассеяны. Милиция задержала 20 человек, в основном пьяных,11 из них посадили в камеру предварительного заключения. После выяснения личности всех отпустили. Милицейское начальство, полагая, что общественный порядок, наконец восстановлен, успокоилось.

К 10 часам утра на площади вновь собралась большая толпа. Раздавались выкрики с требованием вызвать представителей из Москвы. Все сотрудники обкома КПСС, в том числе секретари, как обычно явились на работу, в это же время в обкоме находились секретарь горкома и руководители МВД республики.

Примерно в час дня от митингующих снова откололась большая группа хулиганов, ворвалась в обком и заполнила все помещения. Неоднократные попытки удалить хулиганов из здания не имели успеха, они продолжали погром: ломали мебель, били стекла в окнах, выбрасывали на улицу деловые бумаги, календари и т. п., кричали, свистели, некоторые из них призывали бить чеченцев и «устранить» руководителей местных республиканских и партийных органов.

Часть митингующих пробралась на крышу здания и стала жечь там бумагу. Другая группа заполнила галерею балкона 3-го этажа и оттуда выкрикивала «провокационные призывы». Зал заседаний обкома, рассчитанный на 250 человек, также был заполнен до предела хулиганами. В служебных кабинетах нападавшие разливали чернила, били графины и стаканы, рвали настольные календари и бумагу, срывали с окон занавески.

Попытки уговорить нападавших, ни к чему не привели. Толпа набрасывалась на «начальников», избивала их, рвала одежду. Некоторые руководящие

работники обкома КПСС и Совета Министров автономной республики укрылись от хулиганов в подвальных помещениях обкома, кое-кому удалось уйти через запасные выходы.

В это же время на улицах города отдельные группы участников беспорядков останавливали автомашины — искали чеченцев. Напугана была даже милиция. Как докладывал впоследствии генерал-полковник Переверткин министру внутренних дел СССР, «руководящий состав и значительная часть сотрудников МВД и райотделов милиции сняли форменную одежду из-за боязни возможного избиения их хулиганами».

Около 8—9 часов вечера в захваченное здание обкома пришел некто Георгий Шваюк и принес написанный им «проект резолюции». Так на сцене появился еще один документ, выражавший недовольство русских жителей республики.

В «проекте» говорилось:

«Учитывая проявление со стороны чечено-ингушского населения зверского отношения к народам других национальностей, выражающегося в резне, убийстве, насиловании и издевательствах, трудящиеся города Грозный от имени большинства населения республики предлагают:

1. С 27 августа переименовать ЧИ АССР в Грозненскую область или же многонациональную советскую социалистическую республику.

2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10% от общего количества населения.

4. Лишить всех преимуществ чечено-ингушское население по сравнению с другими национальностями с 27.08.58 г.».

Этот шовинистический документ был немедленно размножен на пишущих машинках и оглашен участникам беспорядков.

Часть протестующих направилась на железнодорожную станцию. Толпа почти на два часа задержала отправление пассажирского поезда Ростов — Баку. На рельсы набросали камни, костыли, похитили ключи от двух стрелок. Большая часть толпы оказалась возле паровоза. Раздавались античеченские выкрики.

Некоторые агитировали пассажиров, другие бегали по вокзалу в поисках чеченцев, встретив которых, избивали.

В полночь в Грозный были введены войска. Через 20 минут они оказались на станции. Толпа сопротивлялась — забрасывала военных и железнодорожников камнями. Солдаты, действуя прикладами и не открывая стрельбы, быстро подавили сопротивление. На вагонах были стерты надписи, с путей убрали посторонние предметы, и меньше чем через час поезд отправился по назначению.

Беспорядки были прекращены. Четыре дня в городе действовал комендантский час. До 30 августа охрану важнейших объектов и патрулирование по городу осуществляли армейские подразделения.

В результате беспорядков пострадало 32 человека, в том числе 4 работника МВД республики. Два человека (из числа гражданских) умерло, 10 было госпитализировано. В числе пострадавших оказалось много официальных лиц — секретарь обкома КПСС, заместитель министра внутренних дел республики, заместитель начальника районного отделения милиции, 2 оперативных уполномоченных милиции, лектор Грозненского горкома КПСС, а также 2 преподавателя Нефтяного института.

В списке пострадавших очень мало людей с чеченскими фамилиями — лишнее доказательство того, что волнения, начавшиеся под античеченскими лозунгами,

явно переросли рамки этнического погрома и превратились в бунт против власти.

Отсюда и вывод МВД: «Беспорядки в городе Грозный, имевшие место 26—27 августа 1958 года, спровоцированы антисоветским и уголовно-преступным элементом, использовавшим шовинистические и националистические настроения отдельных людей, вовлекшим в это неустойчивую часть женщин и молодежи, и по своему характеру являлись антисоветским выступлением».

После событий органы КГБ и МВД тщательно «профильтровали» город. На поддержку приехало много квалифицированных оперативников из Москвы, а также из других автономных республик и областей. Была создана специальная следственная группа, занимавшаяся расследованием и «выявлением главных организаторов и подстрекателей беспорядков». Группа работников уголовного розыска своими методами, с использованием агентуры, занималась тем же самым.

Все сотрудники правоохранительных органов были ориентированы на выявление участников беспорядков, лиц, ведущих провокационные разговоры среди населения города, и задержание разыскиваемых. Через участковых уполномоченных вели наблюдение за обнаруженными зачинщиками. К 15 сентября было взято на оперативный учет 273 участника массовых беспорядков. Задержано к этому времени было 93 человека, из них арестовано 57, взята подписка о невыезде у 7 человек. 9 человек были переданы в КГБ, 2 человека — в прокуратуру. КГБ арестовал 19 организаторов и активных участников беспорядков.

Органами милиции было возбуждено 58 уголовных дел на 64 человека.

15—16 сентября состоялся суд над убийцами рабочего Степашина. Один из них был приговорен к расстрелу,

другой — к 10 годам лишения свободы и 5 годам «поражения в правах».

27 августа из Москвы в Грозный вылетела специальная комиссия, возглавляемая членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК Н.Т. Игнатовым, в которую входили также Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М.А. Яснов и член бюро ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураев. В первые же часы прибытия в Грозный, комиссия провела большую работу по наведению порядка в городе. Сразу же, в ночь на 28 августа, был созван партийный актив города. В течение 28-30 августа на промышленных предприятиях, в строительных организациях и на железнодорожном транспорте, в высших учебных заведениях состоялись общие собрания коллективов, на которых выступали Игнатов, Яснов, Чураев, секретари областного, городского и районных комитетов партии. На собраниях люди одобряли меры, принятые для пресечения беспорядков в городе. Вместе с тем участники собраний указывали на то, что руководители горкома партии, бюро обкома в эти дни не проявили необходимой организованности и твердости, не сумели в самом начале предотвратить события и обеспечить порядок в городе[54].

Эту же позицию подтвердило совещание партийно-хозяйственного актива Чечено-Ингушетии, начавшее свою работу 31 августа 1958 года и, в котором принимали участие представители центральной власти. Смелым, принципиальным и ответственным было выступление на этом активе Василия Ивановича Филькина, заведующего кафедрой Грозненского нефтяного института. Критикуя обком КПСС за слабое внимание к проблеме приема возвращающегося в республику чечено-ингушского населения он говорил: «Но мы, коммунисты, и надо откровенно здесь сказать, этот вопрос, т.е. восстановление автономии, решали от случая к случаю. Среди отдельных

коммунистов еще есть такие настроения, а нельзя ли чеченцев и ингушей выселить обратно? Факт этот есть, и скрывать его нельзя. Среди рабочих, правда незначительной части, также есть такое настроение. Это и есть настоящее проявление великодержавного шовинизма». И далее: «…когда приехали чеченцы и ингуши в наши села, в них не было ни гвоздя, ни топора, не пилы, ни другого материала, что помогло бы обустраивать чечено-ингушское население. Привезли детей и стариков и свалили их возле стен домов русского населения»[55].

Говоря о чеченцах и ингушах, об их характере, В.И. Филькин, в своем выступлении, подчеркнул: «Говорят, что чеченцы и ингуши не умеют дружить с другими народами. Это неправда. Чеченцы и ингуши умеют дружить с русским и другими народами СССР. Они искренне ценят русских товарищей, как старших братьев. У нас раздавалось много негодований, что во время войны чеченцы и ингуши плохо себя показали. …Мы имеем много фактов и примеров, когда чечено-ингушский народ показал свою самоотверженность и исключительный героизм непосредственно на фронтах. …Многие удостоены правительственных наград, звания Героя Советского Союза, многие представлены к этим званиям, но по известным причинам не получили. Если надо, чеченец может грудью стать и постоять за Советскую Отчизну, постоять за своего друга и не дать его в обиду. Надо эту дружбу укреплять, а всякие антиобщественные элементы, которые имеются среди русских, чеченцев, ингушей и других национальностей, решительно пресекать и изолировать»[56]. Он мог так говорить потому, что был человеком, по своей должности посвящённый в события февраля 1944 года (депортация народов Северного Кавказа), а также владел достоверной

информацией о подвигах жителей Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне и работая в тылу.

В налаживании ситуации важную роль сыграла мудрая, ответственная и принципиальная позиция М.Г.Гайрбекова, который, используя свой высокий авторитет среди чеченцев и ингушей, сумел удержать народ от действий, грозящих непредсказуемыми последствиями. Через несколько месяцев А.И. Яковлев был освобожден от обязанностей первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС с формулировкой «…как не имеющего опыта работы с национальными кадрами»[57]. Новым первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС был избран Александр Степанович Трофимов.

В последующем, процесс восстановления республики и возвращения чечено-ингушского населения происходил планомерно, без каких-либо нежелательных эксцессов.

6.4.Формирование легитимных органов власти республики

До этих событий, еще 3 марта 1957 года состоялись первые выборы в органы власти после начала восстановления Чечено-Ингушской АССР. Это были выборы депутатов трудящихся в местные Советы. По официальным обобщенным данным в ЧИАССР в этих выборах приняло участие 99,98% избирателей. Из них голоса за кандидатов в депутаты «отдали» 98,99%[58].

На 16 марта 1958 г. были назначены выборы депутатов в Верховный Совет СССР. С учетом этого ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР рекомендовали органам власти РСФСР и ЧИАССР провести в этот день и выборы в Верховный Совет ЧИАССР.

2 января 1958 г. Оргкомитет по ЧИАССР утвердил «Положение о выборах в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР, состоящий из 100 статей, регламентирующих процесс формирования высшего законодательного и представительного органа государственной власти республики»[59].

Было принято постановление о выборах в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР 16 марта 1958 г. 10 и 16 января соответствующими постановлениями Оргкомитета по ЧИАССР были образованы 116 избирательных округов (по численности депутатов) по выборам в Верховный Совет ЧИАССР и утвержден состав Центральной республиканской комиссии в составе 13 человек. 21 января Оргкомитет по ЧИАССР утвердил составы окружных избирательных комиссий (всего 116)[60].

16 марта 1958 г, как и было запланировано, выборы состоялись. Традиционно явка, по официальным данным, была очень высокой. На самом деле активность могла быть таковой, т. к. реабилитированные граждане чеченской и ингушской национальностей, впервые после вынужденного политического перерыва, имели возможность, пусть и формальную, принимать участие в конструировании высшего органа власти своей национальной государственности. Официальная статистика свидетельствовала, что в выборах приняли участие 410883 избирателей, или 99,98% от общей их численности (410936 чел.). За кандидатов в депутаты проголосовали 405182 чел. (98,6%), против – 5690 избирателей (1,4%)[61].

Центральная избирательная комиссия зарегистрировала избранных в Верховный Совет республики депутатов по всем 116 округам. Национальный состав депутатов был следующим: русские – 52 (44,8%), чеченцев и ингушей – 51 (около 44%),

прочие – 13 (около 11%). Из 31 женщины в составе Верховного Совета ЧИАССР 15 были горянки[62].

15 апреля 1958 года начала свою работу первая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва. По поручению Совета Старейшин Верховного Совета республики ее открыл депутат С-Б.А. Арсанов – известный чеченский писатель. От имени трудящихся республики, как требовал ритуал того времени, он поблагодарил партию и правительство за восстановление национальной автономии чеченского и ингушского народов[63].

В день открытия сессии, после церемониальных процедур, был избран председатель Верховного Совета ЧИАССР, по современной субординации – спикер, обладавший в то время символической властью (в основном – открывать и закрывать сессии). Этот почетный пост был доверен члену партии с 1931 г., участнику Великой Отечественной войны, председателю Надтеречного райисполкома А.М. Мурдиеву. Его заместителями стали учительница Л.И. Шадыжева и заслуженный деятель науки и техники РСФСР профессор Г.М. Сухарев.

В связи с тем, что действующей Конституцией ЧИАССР была признана ее Конституция, принятая еще в 1938 г., депутаты внесли в нее соответствующие коррективы, обусловленные изменениями в Конституции СССР и Конституции РСФСР за прошедший период и текущими государственно-правовыми процессами, в основном связанными с формальностями национально-государственного устройства.

На первой сессии были сформированы высшие руководящие органы государственной власти и государственного управления Чечено-Ингушской АССР – Президиум Верховного Совета ЧИАССР и Совет Министров ЧИАССР. Председателем Президиума

Верховного Совета ЧИАССР был избран И.А. Алмазов. Его заместителями – Е.А. Изварина и А-В.Т. Тепсаев. Секретарем был избран М.И. Комаров. В состав Президиума было избрано 11 человек: русских – 5, чеченцев – 5, ингушей - 1. Председателем Совета Министров ЧИАССР был назначен М.Г. Гайрбеков. Ему же, в соответствии с конституционным регламентом, было поручено сформировать правительство – Совет Министров ЧИАССР[64].

Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР – рабочий орган, сочетавший одновременно функции высшего органа государственной власти и управления, учрежденный Указом Президиума Верховного Совета РСФСР для централизованного и оперативного руководства процессами восстановления национальной автономии чеченского и ингушского народа, с избранием Верховного Совета ЧИАССР и формированием Совета Министров ЧИАССР свои задачи и обязанности исчерпал.

Сессия Верховного Совета ЧИАССР в установленном порядке утвердила состав Верховного Суда республики.

С формированием легитимных институтов власти завершился процесс конституционного возрождения национальной государственности чеченского и ингушского народов. Это был исторически и политически важный рубеж в многогранных процессах национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии, основным итогом чего являлась политическая реабилитация чеченского и ингушского народов. При решении этих ответственных задач преодолевались серьезные трудности, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами.

Тем самым был завершен очень важный период в жизни чеченского народа, когда он вновь получил

возможность в рамках представленной автономии развивать в той, или иной степени свою экономику, культуру, науку и образование.

Итоги преобразований были подведены в справке отдела партийных органов Чечено-Ингушского обкома КПСС от 8 декабря 1961 года. В ней отмечалось, что с 1957 по 1961 год валовая продукция промышленности возросла в республике на 49%, в капитальное строительство было вложено 427,5 млн. рублей, выстроено 49 промышленных предприятий. Среди них химический завод, сахарный завод, Новогрозненская ТЭЦ, завод железобетонных конструкций, гормолзавод и т.д. Поголовье крупного рогатого скота возросло на 31%. За это время в Чечено-Ингушетию вернулось 432 тыс. человек (356 тыс. чеченцев и 76 тыс. ингушей, в Дагестанскую АССР – 28 тыс. человек, в Северо-Осетинскую АССР – 8 тыс.человек). В Казахской и Киргизской республиках оставалось 56 тыс. человек, в том числе 34 тыс. чеченцев и 22 тыс. ингушей.

Практически все трудоспособные чеченцы и ингуши были трудоустроены. Примечательно, что значительная их часть – 19 тыс. человек из 112 тыс. занятых, стали работниками промышленности. Для сравнения в 1944 году в промышленности работало только 1077 чеченцев и ингушей.

Успешно работала образовательная система, система здравоохранения. За этот период было подготовлено 1056 учителей, число школ возросло с 365 до 414 и учащихся в них с 80,4 тыс. до 153,1 тыс. человек. Ликвидировало неграмотность более 20 тыс. человек. Число больничных учреждений возросло с 70 до 73, число врачей – с 1105 до 1403 человек. Чеченцы и ингуши активно вовлекались в общественно-политическую жизнь. Из 7222 депутатов Верховного Совета СССР, РСФСР и местных Советов 3997 чел. (55,3%) – представители

чеченской и ингушской национальностей. Определенную долю среди партийных, профсоюзных и комсомольских активистов тоже занимают представители коренных национальностей[65]. Действительно, было сделано много на пути реабилитации чеченского и других репрессированных народов, но задача эта оказалась очень сложной, сопряженной с преодолением многочисленных трудностей.

К 1963 году кампания по возвращению чеченцев и ингушей в основном была завершена.

Все чеченцы и ингуши, изъявившие желание вернуться домой, смогли осуществить это свое законное право. Из 524 тыс. чел. (418 тыс. чеченцев и 106 тыс. ингушей), проживавших в Казахской и Киргизской ССР, в ЧИ АССР прибыли 468 тысяч (384 тыс. чеченцев и 84 тыс. ингушей), остальные направились в Дагестанскую и Северо-Осетинскую АССР, некоторые предпочли остаться в местах депортации[66].

Но только 26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Закон “О реабилитации репрессированных народов”, в котором с чеченцев и ингушей, как и с других необоснованно репрессированных народов, было снято клеймо “народа-преступника”.

Примечания

1.Известия ЦК КПСС.1989. №3. С.128-170.
2.ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1.Д.925. Л.127.
3.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. История Чечни XX и начала XX1 веков. Грозный, 2008.С.578-579.
4.Земсков В.Н. Массовые освобождения спецпереселенцев и ссыльных 1954-1956 годы// Социологические исследования.// 1991. № 1. С.17.
5.См.: Дешериев Ю. Жизнь во мгле и борьбе. Палея. М., 1995.
6.Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х гг. М.: МФД, 2003. С. 199–203.

7.Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. М.: МФД, 2000. С. 200.
8.РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56 Л.104.
9.РГАСПИ. Ф. 556 Оп. 14. Д. 56. Л. 92.
10.Там же. Л.92-93.
11.Там же. Л.105.
12.Русин В.Ф. Достоинство гордых. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 270, 275.
13.Там же. С.269.
14.Там же. С.270,271.
15.РГАСПИ. Ф.556. Оп.14. Д.56. Л.104.
16.Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х гг. М.: МФД, 2003. С. 219–220.
17.Депортация чеченского народа: факты, свидетельства,документы / сост: И.Хатуев, И. Сардалов. Грозный. 2012. С.605-606.
18.Там же. С.610-611.
19.Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия) 5–12 февраля 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957. С. 530–531.
20.Там же. С.532.
21.См.: Заседания Верховного Совета РСФСР четвертого созыва (третья сессия) 12–15 марта 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957.
22.РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14 Д. 81 Л. 12–41.
23.РГАСПИ. Ф.556.Оп.14. Д.81.Л.10
24.Ибрагимов Муса М.Восстановление ЧИАССР и процесс возвращения чеченцев на родную землю//Восстановление Чечено-Ингушсмкой АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа»6 материалы республиканской научно-практической конференции/25 января 2007 года/Отв. Редактор. М.М. Ибрагимов. Грозный. 2007. С.41.
25.РГАСПИ.Ф.556.Оп.14.Д.81.Л.42, 47-53.
26.Русин В.Ф. Указ.соч. С. 305–306.
27.Козлов В.А. Кровавые хроники: чеченцы и ингуши в архивах новейшей истории. Назрань, 2002. С.32.
28.Грозненский рабочий. 22 июня 1957.
29.Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. Оп.32. Д.80. Л.13.
30.Козлов В.А. Указ. Соч. С.32.
31.ГАРФ. Ф259.Оп.7.Д.9230.Л.44-50.

32.РГАСПИ. Ф.17. Оп.57. Д.2630. Л.144.
33.РГАСПИ. Ф.17.Оп.57. Д.2625. Л.227.
34.РГАСПИ. Ф.17.Оп.57. Д.2625. Л.228.
35.Там же. Л.188.
36.Там же. Л.189.
37.Там же,Л.234.
38.РГАСПИ. Ф17.Оп.58.Д.2717.Л.144-147.
39.Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало Х1Х – середина ХХ в.). С.884.
40.РГАСПИ. Ф.17. Оп.57.Д.2633. Л.45-48.
41.РГАСПИ. Ф.17. Оп.57. Д.2625. Л.121-122.
42.Там же. Л.123.
43.РГАНИ. Ф.5. Оп.32. Д.80. Л.211.
44.РГАСПИ.Ф.17.Оп.57. Д.2628.Л.143-146.
45.Русин В.Ф. Указ.соч. С.283.
46.См.: Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур.Чечня: через круги ада. (Переселения и депортации чеченского народа). М/-Саратов. 2003. С. 59.
47.ИбрагимовМ.М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве. Саратов.2001. С.27.
48.ГАРФ. Ф.8131. Оп. 31. Д.80331. Л.17-22.
49.РГАСПИ. Ф.556. Оп. 14. Д.108.Л.21
50.РГАНИ. Ф.5.Оп.32.Д.80.Л.211.
51.Вайнахи и имперская власть… С.910.
52.См.: РГАСПИ. Ф.556, оп.14, д.81, л.121
53.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. С.613.
54.РГАСПИ. Ф.17. Оп.58. Д.2725. Л.33-34.
55.РГАСПИ. Ф.17. Оп. 58.Д.2725.Л.85
56.Там же. Л.89.
57.История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. С.615
58.Там же. С.609.
59.Там же.
60.Там же.
61.Там же.
62.Заседания Верховного Совета ЧИАССР второго созыва (первая сессия) 15–16 апреля 1958 г. Стенографический отчет. Грозный, 1958. С. 21–23
63.Там же. С.5.

64История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. С.611.
65.Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. С.463-464.
66.Ибрагимов М.М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве. С.28.

Список использованных источников и литературы

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд. Р-259. Опись. 7. Дело. 9230.
Фонд Р-401. Опись.12. Дело.127-09.
Фонд. Р-5446. Опись.46а. Дело.4374.
Фонд. Р-5446. Опись. 47. Дело. 4430.
Фонд р-8131. Опись 31.Дела 18692, 26171, 26521, 29137, 29819, 30075, 31022, 34383,34804,35388, 36717,37905, 38540, 40822, 41376, 41613, 80331, 92172,
Фонд Р-8131. Опись.32. Дела. 5066, 980,549, 524.
Фонд. Р-9401. Опись. 2. Дела. 1, 3, 64,65, 68, 134, 139,234
Фонд. Р-9401. Опись 9. Дело 80.
Фонд. Р-9401. Опись.1.Дело.213, 2158-65
Фонд. 9474. Опись.41,ч.2. Дело. 2808.
Фонд. 9474. Опись. 7. Дело. 9230.
Фонд. Р-9478. Опись. 1. Дела. 41, 55
Фонд. Р- 9479. Опись.1.Дела 152, 154,157, 161182, 183,248,257,292,925.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд.Р-17. Опись.44. Дело. 284.
Фонд. Р-17. Опись.8. Дело. 396.

Фонд. Р-17. Опись. 57. Дела.2625, 2628, 2630,2633, 2717
Фонд Р-17. Опись. 58. Дело. 2725.
Фонд. Р-556. Опись. 14. Дела. 56, 81, 108.

Сборники документов

1. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало Х1Х – середина ХХ в.) М. 2011.
2. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов. Том 1. Нальчик. 2013.
3. Государственная архивная служба республики Ингушетия. Архивный вестник V. Назрань 2009 г.
4. Депортация чеченского народа:факты, свидетельства, документы./ сост. : И.Хатуев, И.Сардалов.. Грозный, 2012.
5. Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия) 5–12 февраля 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957.
6. Заседания Верховного Совета РСФСР четвертого созыва (третья сессия) 12–15 марта 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957.
7. Заседания Верховного Совета ЧИАССР второго созыва (первая сессия) 15–16 апреля 1958 г. Стенографический отчет. Грозный, 1958.
8. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944-2004: Документы, материалы, комментарии. Магас. 2004.
9. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии/Вступит.ст.,сост.,послесл. Н. Бугай. М. 1992.
10. Исторический архив.2000.№3.
11. История российских немцев в документах (1763-1992гг.). М.1993.

12. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. М.: МФД, 2000.
13. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х гг. М.: МФД, 2003.
14. Сталинские депортации. 1928-1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; М.; МФД: Материк, 2005.
15. Чеченцы и ингуши. Пакет документов №2 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1993. №2.

Литература

1. Абдурахманов Д.Б. История моего народа. М., 2014.
2. Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.1991.
3. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс,1990.
4. Акаев В.,Бугаев А., Дадуев М. Депортация чеченского народа: что это было и можно ли это забыть?//Вести республики.2014. 26 апреля.
5. Арсалиев Ш. М-Х. Этнопедагогика чеченцев. М.2007.
6. Арсамаков А. М. Освободительная война чеченцев во главе с Хасаном Исраиловым и Майрбеком Шериповым.//Chechenews независимое информационное агентство.
7. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в Х1Х-ХХ веках. М.,2005.
8. Бабиченко Д. Сидоров Н. Чеченские грабли.//Итоги, № 4 (294), 29 января 2002.
9. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М. 2012.

10. Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей в 1944-57 гг. Алма-ата. 1991(составитель Л.Яхъяев).
11. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008.
12. Божедомов А.И. Выселение // Импульс. 1993. № 8 (70).
13. Большая энциклопедия в 62 томах. Том 58. М.: Терра.2006.
14. Бугаев А.М. Советская автономия Чечни-Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012.
15. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: Народы в эшелонах. (20–60-е гг.). М., 1998.
16. Бугай Н. Л. Берия – И Сталину: «Согласно Вашего указания…» - М.: АИРО-XX, 1995.
17. Бугай Н.Ф. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России// Отечественная история.1992,N 4.
18. Бугай Н. Депортация народов//http://scepsis.ru/library/id_1237.html.
19. Бугай Н.Ф.. Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопросы истории.1990.№7.
20. Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX-начало XX1 века) М., 2006.
21. Витковский А. «Чечевица» или семь дней чеченской зимы 1944 г. // Служба безопасности. Журнал ФСБ РФ. 1996. №1–2.
22. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина.// Октябрь. 1988. №12;
23. Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа: материалы республиканской научно-практической конференции (25 января 2007 года). Отв. редактор Муса М. Ибрагимов. Грозный, 2007.

24. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны.//Этнографическое обозрение. 1995. № 3;
25. Гаев С.Д., Хадисов М.С., Чагаева Т.Х. Хайбах: следствие продолжается… Нальчик, 2012.
26. Гакаев Х.А. Депортация вайнахов: правда и вымысел.// Ичкерия 1997. №2;
27. Гакаев Х.А.Депортация чеченского народа//Национально-государственное строительство в Чечне:история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни.-(Грозный. 30 ноября-1 декабря 2012 г.). Грозный, 2013.
28. Гакаев Хамзат. Депортация вайнахов: правда и вымысел//Ичкерия. 1998. №1.
29. Гапуров Ш.А., Ибрагимов Мовсур М. Победу в Великой Отечественной войне ковали все народы СССР// Национально-государственное строительство в Чечне:история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. (Грозный. 30 ноября-1 декабря 2012 г.). Грозный, 2013.
30. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. Сталинская депортация народов: проблемы историографии// Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г.Элиста, 26-28 ноября 2013 г.) Элиста, 2013. Ч.1. С.20-24.
31. Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. (20-90-е годы. Нальчик, 1998;
32. Гродненский Н.Н. Первая чеченская: история вооруженного конфликта. Минск, 2008.
33. Дешериев Ю. Жизнь во мгле и борьбе. Палея. М., 1995.
34. Дигаев Селим-Хаджи. Дети Чечни 1944-го… Грозный, 2009.
35. М. Дудаев. Встать звереныш! М.(Год издания не обозначен).

36. Дунюшкин И.Е. Идеологический и военный аспект борьбы с вайнахским национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в 1941 году. Доклад на научной конференции 9 декабря 2001 года.// Сборник докладов "Мир и война: 1941 год". - Издательство гуманитарного университета. Екатеринбург. 2001г.
37. Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы. 2009;
38. Ермекбаев Ж.А. Трудовой вклад чеченцев в Казахстане в годы Великой Отечественной войны.//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов:Материалы Всероссийской научно-практической конференции,посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный. 2010.
39. Еськов Алексей. Зарубка на сердце//Спортивная жизнь России. 1989.№1.
40. Живая память: О жертвах сталинских репрессий. Автор-составитель Д. Хожаев. Грозный: «Книга» 1991.
41. Земсков В.Н. Массовые освобождения спецпереселенцев и ссыльных 1954-1956 годы// Социологические исследования.// 1991. № 1.
42. Земсков В.Н.. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960 гг. М.2005.
43. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР)//Социологические исследования. 1990. №11.;
44. Ибрагимбейли Х.-М. Плоды произвола//Литературная газета. 1989. 17 мая.;
45. Ибрагимов М.М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве. Саратов.2001.
46. Ибрагимов Муса М.Восстановление ЧИАССР и процесс возвращения чеченцев на родную землю//Восстановление Чечено-Ингушсмкой АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа». Материалы республиканской научно-практической конференции/25

января 2007 года/Отв. Редактор. М.М. Ибрагимов. Грозный. 2007.
47. Ибрагимов Муса М. Власть и религия в период депортации чеченского народа//Вестник Академии наук Чеченской Республики.2012.№1(16).
48. Ибрагимов Муса М. Трудовая и общественно-политическая деятельность чеченцев в период сталинской депортации//Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации»18 февраля 2006 года, г. Грозный. Грозный 2006.
49. Ибрагимов Муса М.Труд и условия проживания как аспекты повседневной жизни чеченских спецпереселенцев в 1940-50-е гг.//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов:Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный. 2010.
50. Ибрагимов Муса М. Василий Иванович Филькин-видный государственный и общественный деятель Чечено-Ингушетии//Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни.-Грозный. 30 ноября-1 декабря 2012 г. Грозный.2013.
51. Ибрагимов Муса. Как делили имущество спецпереселенцев//Вайнах. 2004. №8.
52. Ибрагимов Муса М. Власть и религия в период депортации чеченского народа// Вестник АН ЧР 2012 №1;
53. Ибрагимов Муса М. Судебные преследования представителей чеченской интеллигенции в период сталинской депортации //История науки и техники. 2012. №7

54. Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Через круги ада: переселения и депортации чеченского народа Москва-Саратов. 2003;
55. Ибрагимов Муса М., Балаева А.Р., Нуридова А.Х. Вклад русской интеллигенции в социально-экономическое и культурное развитие Чечено-Ингушетии в годы советской власти. Грозный, 2012.
56. Ибрагимов Мовсур М., Хатуев Ислам З. Подвиг во имя Родины. (Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) Грозный, 2015.
57. Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. М., 1988
58. Ибрагимов М.-Р.А. Депортация населения Дагестана в 1941-1944 годах// Беспамятство смерти подобно. Махачкала. 2010.
59. Идаев Тахир. Детство не отданное войне//Путь к коммунизму. 1985. 5 мая.
60. Идаев Тахир. Боль обугленных сердец.//Теркйист. 23 февраля, 1994 года.
61. Идрисова У. Данко чеченского народа.// Вести Республики. 23 февраля 2007 г.
62. Из культурного прошлого кавказских евреев. Грозный, 1992г.
63. Исакиева Зулай. Роль депортированных вайнахов в развитии Карагандинского угольного бассейна // http://vaynakh-jornal.ru
64. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. П. История Чечни XX и начала XX1веков. Грозный, 2008.
65. Калтахчян А. Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги//Этнополитический вестник. 1992. №2;

66. Кашурко Степан. О легендарной ингушке ЛайсатБайсаровой. //http: //www.memo.ru/ hr/hotpoints/ caucas1/msg/2007/02/ m85268. htm
67. Келематов А.Чечня. В когтях дьявола или на пути к самоуничтожению. История, аргументы и факты глазамочевидца.М.,2004.
68. Киндаров Абдулла. Исповедь чеченца. Книга первая. Грозный..2008.
69. Козлов А.И. Сталин прежде и теперь. Грозный, 1990.
70. Козлов А. И. Сталин: борьба за власть. Ростов-на-Дону, 1991.
71. Козлов В.А. Кровавые хроники: чеченцы и ингуши в архивах новейшей истории. Назрань, 2002.
72. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920-1940-е гг.: Современная Российская историография. Ростов-на-Дону, 2009.
73. Кринко Е.Ф.Советская национальная политика на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. г. Грозный, 2010.
74. Кровавый пепел Хайбаха //Вести Республики. 23 февраля 2007 г.
75. Лиджиева И.В. Гражданский протест спецпереселенцев-калмыков.//Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста:КИИГИ РАН. 2013. Ч.1.)
76. Локаев Габацу. Спецпереселенцы. Магас: Издательство «Сердало», 2003.
77. Ляпчев А. И. Загадки Абудрахмана Авторханова.// Проза. Ру., 2012.
78. Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918-1940-е годы.М.,2004.

79. Максимов К.Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013.
80. Максимов К.Н.Рецидив репрессивной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. г. Грозный, 2010.
81. Максудов Сергей. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М.ИГПИ. 2010
82. Мальсагов Дзияудин. Инквизиция.//Комсомольское племя. 24 августа 1989 г.
83. Манкиев А.А.Об уроках и причинах чеченской трагедии 1944 года//Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа: материалы республиканской научно-практической конференции /25 января 2007 года/ Отв. Редактор М.М. Ибрагимов. Грозный. 2007.
84. Манкиев А.А. Депортация чеченского народа в 1944 году: преступление сталинского режима//Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. г. Грозный, 2010.
85. Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченскогог народа: последствия и пути его реабилитации» 18 февраля 2006 года, г. Грозный. Ред. А.А. Манкиев. Грозный.2006;
86. Музаев М.Н. Айсберги лжи и клеветы.//Вайнах.2004.№2

87. Музаев М.Н. Игра в «темную» с правовыми оценками и историографией // Объединенная газета. 2004. № 3(35).
88. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. - М., 2007.

89. Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный, 2013.
90. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978
91. Н. Нухажиев Х. Умхаев. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. – Грозный, 2009.
92. Озниев Д.Т. Эпизоды жизни. //Помним. Депортация и возвращение 1401625410090865@groups facbook.com
93. Ошаев Х.Д. Брест – орешек огненный. Грозный, 1990.
94. Петров В. Александров В. Второй кавказский фронт.// Независимое военное обозрение, №11, 2001.
95. Полян П.М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М., 2001.
96. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.2008.
97. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994.
98. Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Всерос.науч.-практич.конф., 28-29 мая 1992г. Элиста, 1992.
99. Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции 26-28 ноября 20143 г. Элиста, 2013.
100. Русин В.Ф. Достоинство гордых. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.
101. Сабанчиев Х-М. А. Были сосланы навечно. Нальчик. 2004;
102. Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД» //Исторический архив.2000.№3.
103. Синицын Ф. Л. Сопротивление народов СССР депортациям (1941 - 1949 гг.) //Вопросы истории. 2011. №2.

104. Слободянюк А. Бригада-Дивизия милиции войск НКВД по охране тыла Южного фронта 1941-1943 гг.// Материал Форума Поисковых Движений forum.patriotcenter.ru/
105. Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы.
106. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.,2001.
107. Репрессированные народы сегодня/ Ред.-сост. С.У. Алиева; В 3-х т. М.1993.
108. Турченко С. Серые волки абвера.// Труд-7, 6 июня 2005.
109. Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста. 1991.
110. Филиппов Борис. Сопротивление советскому режиму (1920-1941)// «История» издательского дома «Первое сентября». 2000.№31.
111. Филькин В.И.Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.
112. Филькин В. И. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный. 1989.
113. Хасмагомадов Эдильбек. Еще раз о выселении//Нана. 2010.№:6.
114. Цицкиев М.-Б. Как это было//Грозненский рабочий. 1990. 23 февраля.
115. Чеченцы: история и современность. Сост. и общая ред. Ю.А. Айдаева.М.,1996.
116. Чеченцы. М.: Наука, 2012.
117. Цуцулаева С.С. Установление административного надзора и формы сопротивления спецпереселенцев-чеченцев в годы депортации//Научные проблемы гуманитарных исследований. Выпуск 4. 2011 г.
118. Шахбиев З.А. Судьба Чечено-Ингушского народа. М., 1996.

119. Шнайдер В.Г.Проблемы социальной адаптации репрессированных народов Северного Кавказа в местах спецпоселения (Середина 1940-х – середина 1950-х гг.)// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Выпуск№ 66 / 2008.
120. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.
121. Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1993.
122. Яндиева М. Чекистско-войсковая спецопера-ция//Справедливость. 2004.№1-2.

Диссертации

1. Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в.: (Депортация, спецпоселение, реабилитация). Дисс. …канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002.
2. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Причины и следствия: (на примере карачаевского и балкарского народов):Дисс. …канд. ист. наук. Пятигорск. 2001.
3. Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.). Дисс. … канд. ист. наук. М., МГУ, 1997.
4. Арапиев М.А. Выселение чеченского и ингушского народов: развитие, решение, и последствия проблем: 1940-е–1950-е гг. Дисс. …канд.ист.наук. Пятигорск. 2006.
5. Арапханова Л.Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики советского государства: (на примере ингушского народа): Дисс. …канд. политич. наук. М., 2002.
6. Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа:20-

90-е годы XX века. Дисс… д-ра ист. наук. Ростов н/Д,1998.
7. Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в ЧИАССР в 1957-1990 гг., последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей. Дисс. …канд.политич.наук. М.,2005.
8. Муртазалиев В. Ю. Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа. Дисс. …канд.юрид.наук. Махачкала, 2005.
9. Наумова В.Н. Реабилитация и возвращение ингушского народа на родину: 1953-1961 гг. Дисс. …канд.ист.наук.М. 2008.
10. Сабанчиев Х.-М. А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа. Дисс. доктора ист. наук. Ростов-на-Дону. 2007.
11. Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. проблемы историографии.Дисс. …канд. ист. наук. Казань. 2001.

Периодические издания

1. Вести Республики. 2007. 23 февраля.
2. Вопросы истории, № 2, Февраль 2011, С. 32-51.
3. Известия ЦК КПСС.1989. №3. С.128-170.
4. Грозненский рабочий. 22 июня 1957.
5. Грозненский рабочий.1990. 10 января.
6. Грозненский рабочий. 1990 г. 13 февраля.
7. Грозненский рабочий 1990. 23 февраля.
8. Керла дахар. Веденская районная газета. 2007г., 14 февраля.
9. Молодежная смена. 2006.15 апреля.

10. Молодежная смена. 2011. №87-88.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение…….. .. 5

Глава 1. Подготовка и проведение насильственного переселения чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан.

1.1.Основные этапы депортационной политики Советского государства……21
1.2. Операция «Чечевица»……27

Глава 2. Чечено-Ингушетия после выселения чеченцев и ингушей

2.1.Раздел территории, и ее заселение новыми «колонистами»……..73
2.2.Разграбление имущества высланных чеченцев……81

Глава 3. Зачистка территории республики от остатков повстанческих отрядов

3.1.Активизвция повстанческого движения в Чечне в 1940-1943 гг. ……..87

3.2. Борьба НКВД с чеченскими повстанцами после ликвидации ЧИАССР……..121

Глава 4. Жизнь чеченцев в условиях «спецпоселения»

4.1. Отлов чеченцев, избежавших депортацию, и их отправка в места спецпоселения……..138

4.2. Хозяйственно-бытовое обустройство……146
4.3.Административно-правовой режим проживания ….161
4.4.Особенности повседневной жизни …….178

Глава 5. Сопротивление режиму депортации

5.1.Характер чеченского сопротивления……..217
5.2.Религиозная деятельность как форма сопротивления…….219
5.3.Антисоветская деятельность и выступления…… 229
4.Литературное и музыкальное творчество спецпереселенцев как факторы сопротивления……...234
5. Письменные обращения в органы власти…… 249
6. Кражи государственного и колхозного имущества….255

Глава 6. XX съезд КПСС и реабилитация чеченского народа

6.1.Восстановление Чечено-Ингушской АССР……260
6.2.Драматическое возвращение чеченцев на родину….277
6.3.Межэтнические конфликты …….287
4.Формирование легитимных органов власти республики……..302

Список использованных источников и литературы.310